

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ИСТОРИЧЕСКИЙ
ФОРМАТ**

№ 1 / 2024

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

**HISTORICAL
FORMAT**

№ 1 / 2024

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

ОСНОВАН В 2015 ГОДУ

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

* * *

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Меркулов Всеволод Игоревич, канд. ист. наук
главный редактор

Жих Максим Иванович
заместитель главного редактора

Колтырин Сергей Анатольевич
ответственный редактор

Лобачева Ирина Ивановна
редактор-переводчик

Артамонов Герман Анатольевич, канд. ист. наук, проф. (Россия)

Афанасьев Михаил Николаевич, докт. соц. наук (Россия)

Богданов Андрей Петрович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Грот Лидия Павловна, канд. ист. наук (Швеция)

Кулаков Владимир Иванович, докт. ист. наук (Россия)

Лубков Алексей Владимирович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Майоров Александр Вячеславович, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Пузанов Владимир Дмитриевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

Фомин Вячеслав Васильевич, докт. ист. наук, проф. (Россия)

* * *

Е-mail редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: <http://histformat.com/>

THE INTERNATIONAL SCIENCE MAGAZINE

HISTORICAL FORMAT

ESTABLISHED IN 2015

SCIENTIFIC PUBLICATION

* * *

EDITORIAL BOARD:

PhD in History Vsevolod Merkulov

Editor-in-Chief

Maksim Zhikh

Deputy Editor-in-Chief

Sergey Koltyrin

Managing Editor

Irina Lobacheva

Editor-Translator

PhD in History, Professor German Artamonov (Russia)

Doctor of Sociology Mikhail Afanasiev (Russia)

Doctor of History, Professor Andrey Bogdanov (Russia)

PhD in History Lidia Groth (Sweden)

Doctor of History Vladimir Kulakov (Russia)

Doctor of History, Professor Aleksey Lubkov (Russia)

Doctor of History, Professor Alexander Maiorov (Russia)

Doctor of History, Professor Vladimir Puzanov (Russia)

Doctor of History, Professor Vyacheslav Fomin (Russia)

* * *

E-mail: mail@histformat.com

Website: <http://histformat.com/>

© Historical Format, 2024

ISSN 2411-9415

ПОПЕЧИТЕЛИ ЖУРНАЛА «ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ»

2022-2024:

Анзимиров Лев Владиславович (независимый исследователь)
Барейша Илья Сергеевич (адвокат)
Вотрин Дмитрий Вячеславович (Академия ДНК-генеалогии)
Зиновьев Станислав Валерьевич (предприниматель)
Ковпак Алиса Игоревна (кандидат психологических наук)
Кривошеин Александр Васильевич (адвокат)
Матвейчев Олег Анатольевич (кандидат философских наук)
Присекина Лариса Александровна (кандидат технических наук)
Рычков Александр Константинович
Самусев Дмитрий Николаевич (Академия ДНК-генеалогии)
Семенов Александр Сергеевич (кандидат физико-математических наук)

**Редакция «Исторического формата» благодарит всех,
кто поддержал журнал на краудфандинговой платформе «Планета.ру»,
и персонально:**

Базлова Григория Николаевича,
Васильева Игоря Юрьевича,
Викторова Ивана Владимировича,
Голубева Александра Николаевича,
Зуба Сергея Алексеевича,
Козлова Александра Васильевича,
Кошелева Дмитрия Евгеньевича,
Лосева Сергея Петровича,
Пайора Евгения Викторовича,
Савенко Викторю Викторовну,
Смирнова Владимира Александровича,
Суржика Дмитрия Викторовича,
Щербинину Екатерину Викторовну

Международный научный журнал «Исторический формат» посвящён публикации результатов актуальных научных исследований по истории России и других стран мира. Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях.

The international science magazine «Historical Format» is dedicated to the publication of the results of relevant scientific research on the history of Russia and other nations. The magazine publishes original articles in Russian, English, French and German, presenting the results of scientific research on historical themes, as well as notifications of research conducted under the umbrella of the magazine or with its direct participation.

Die internationale wissenschaftliche Zeitschrift «Historisches Format» veröffentlicht aktuelle Ergebnisse der wissenschaftlichen Forschung zur Geschichte Russlands und weiterer Länder. Die Zeitschrift veröffentlicht Publikationen zu historischen Themen in russischer, englischer, französischer und deutscher Sprache, sowie Berichte über wissenschaftliche Veranstaltungen unter Leitung oder Beteiligung der Zeitschrift.

La Revue internationale scientifique «Format historique» est consacrée à la publication des résultats des recherches scientifiques actuelles sur l'histoire de la Russie et d'autres pays du monde. La Revue publie des articles originaux sur les résultats des recherches scientifiques en russe, anglais, français et allemand et aussi l'information sur des activités scientifiques organisées sous la tutelle de la Revue ou avec sa participation.

Журнал нуждается в Вашей поддержке

«Исторический формат» – это научный журнал, который был, есть и будет оставаться бесплатным. Мы принципиально не хотим взимать плату с авторов за публикации и навязывать читателям платную подписку.

Нас никто не финансирует, и одновременно мы – независимая, свободная площадка. Но нам нужны средства на подготовку новых выпусков и функционирование редакции.

Если у Вас есть возможность поддержать «Исторический формат», то это очень нам поможет. По ссылке ниже – форма для добровольного пожертвования. Можно выбрать наиболее удобный способ платежа: из кошелька ЮMoney, с карты или с мобильного. Сумму пожертвования можно изменить по Вашему желанию.

ПЕРЕХОДИТЕ ПО ССЫЛКЕ: <http://histformat.com/donate/>

<http://histformat.com/donate/>

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

М.И. Жих

«МАЛЫЕ» ПЛЕМЕНА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Maksim Zhikh

«SMALL» TRIBES OF THE EASTERN SLAVS ACCORDING TO WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL DATA 10

И.Л. Рожанский

ОБЗОР ДАННЫХ ИСКОПАЕМОЙ ДНК: ГАПЛОКАРТА БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Igor Rozhanskii

A REVIEW OF ANCIENT DNA DATA: HAPLOMAP OF THE BALKAN PENINSULA 26

В.И. Кулаков

НОЖИ-КИНЖАЛЫ ПРУССОВ И СКРАМАСАКСЫ ГЕРМАНЦЕВ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Vladimir Kulakov

PRUSSIAN KNIFE-DAGGERS AND GERMANIC SCRAMASAXES: SIMILARITIES AND DIFFERENCES 44

А.А. Карпенко

СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ РЮРИКОВИЧЕЙ И ДАННЫХ ИХ ДНК-ГЕНЕАЛОГИИ

Andrey Karpenko

COMPARISON OF HISTORICAL GENEALOGY OF THE RURIKOVICH DYNASTY AND THEIR DNA GENEALOGY 51

С.В. Назин

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЭТНОНИМА СЛОВѢНЕ «СЛАВЯНЕ»

Sergey Nazin

HISTORICAL TYPOLOGY OF THE ETHNONYM СЛОВѢНЕ «SLAVS» 70

Б.М. Кондорский

КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА (ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ)

Boris Kondorsky

THE CONCEPT OF THE REVOLUTIONARY PERIOD (HISTORICAL BACKGROUND ON THE EXAMPLE OF FRANCE) 80

Д.В. Желтоухова

МОТИВАЦИЯ В МУЗЕЙНОМ ДЕЛЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 1945-1991 ГОДОВ

Dina Zheltoukhova

MOTIVATION IN THE MUSEUM BUSINESS OF THE MIDDLE VOLGA REGION 1945-1991 93

И.Ю. Васильев

МОЛОДЁЖЬ И КУЛЬТУРА ПАВЛОВСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. ПО МАТЕРИАЛАМ РАЙКОМА КОМСОМОЛА

Igor Vasilyev

YOUTH AND CULTURE OF PAVLOVSKY DISTRICT OF KRASNODAR KRAI IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY BASED ON MATERIALS OF THE DISTRICT KOMSOMOL COMMITTEE 100

С.Н. Азбелев

СЛУЖБА КАЗАКОВ РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ ПРИ ИВАНЕ III

Sergey Azbelev

SERVICE OF COSSACKS TO THE RUSSIAN STATE UNDER IVAN III 106

Д.В. Суржик

ПРИБАЛТИКА КАК КОНЦЕНТРАТ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Dmitry Surzhik

THE BALTIC STATES AS A CONCENTRATE OF THE POLICIES OF THE GREAT POWERS ON THE EVE AND DURING

THE SECOND WORLD WAR 111

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL.....116

«МАЛЫЕ» ПЛЕМЕНА У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН ПО ПИСЬМЕННЫМ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

М.И. Жих

Международный научный журнал «Исторический формат»

(Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: max-mors@mail.ru

Scopus Author ID: 55358941500

Researcher ID: F-3154-2014

<http://orcid.org/0000-0003-2212-6416>

SPIN-код: 6149-3974

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются письменные и археологические источники о «малых» племенах, из которых состояли обширные летописные объединения восточных славян. Археологически они представлены локальными скоплениями памятников со своими центрами. Эти археологически выделяемые локальные скопления соответствуют условным «малым» племенам, существование которых историки предполагают на основе отдельных летописных сообщений, сопоставления восточных славян с западными, а также с другими народами, находившимися на позднеэтногенетической и предгосударственной стадии развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: восточные славяне, племена, малые племена, племенные союзы, социальная структура.

«SMALL» TRIBES OF THE EASTERN SLAVS ACCORDING TO WRITTEN AND ARCHAEOLOGICAL DATA

Maksim Zhikh

International Scientific Journal «Historical Format»

(Saint Petersburg, Russia)

e-mail: max-mors@mail.ru

ABSTRACT

The article examines written and archaeological sources relating to the «small» tribes, which made up extensive associations of the Eastern Slavs, according to the chronicles. Archaeologically, they are represented by local clusters of monuments with their centers. These archaeologically distinguished local clusters correspond to the so-called «small» tribes, the existence of which historians assume on the basis of separate annalistic reports and comparison of the Eastern Slavs with the Western ones, as well as with other peoples who were at the late tribal and pre-state stage of development.

KEYWORDS: Eastern Slavs, tribes, small tribes, tribal unions, social structure.

В древнерусских летописях упоминается ряд восточнославянских общностей: поляне, древляне, уличи, словене, радимичи и т.д.¹ Что все они из себя представляли в социально-политическом и организационном плане? Этот вопрос давно заинтересовал исследователей. Историки XIX в. часто называли их «племенами», не раскрывая чётко своего определения этого понятия. Так, по словам В.О. Ключевского, «трудно решить, что такое были эти племена, плотные ли политические союзы или простые географические группы населения, ничем не связанные политически» (Ключевский 1987: 129). В то же время историк допускал, что «уже в VI в. мелкие славянские роды начинали смыкаться в более крупные союзы, колена или племена, хотя родовая обособлен-

ность ещё преобладала», основой формирования таких союзов были набеги на Византию и борьба с внешними врагами (Ключевский 1987: 129), что «может быть, мелкие родовые князьки того или другого племени, считая себя потомками общего предка, подобного полянскому Киею, поддерживали между собою какие-либо генеалогические связи, собирались на племенные вече, как это делали карпатские филархи, или на поминальные празднества в честь обоготворённого родоначальника» (Ключевский 1987: 130).

С.М. Середонин предположил территориальный характер летописных общностей («местные названия XI века»), из которых летопись сделала «племена» (Середонин 1916: 152). Правда, в летописях, когда они говорят о восточнославянских этнополитических объеди-

1 Публикация подготовлена при поддержке гранта А. Костылева.

нениях, термин «племя», или какой-то его смысловой аналог не употреблён ни разу.

Согласно мнению Н.П. Барсова, летописные поляне, древляне и т.д. представляли из себя политико-географические общности (Барсов 1885).

А.И. Соболевский предложил рассматривать названные летописью объединения в качестве этнических групп (Соболевский 1884), что было принято А.А. Шахматовым (Шахматов 1899: 324-384; 1919), А.А. Спицыным (Спицын 1899: 301-340), П.Н. Третьяковым (Третьяков 1953). Особо подчёркивал этнический характер летописных групп восточного славянства и В.В. Мавродин, по мнению которого, они представляли из себя «этнические общности, которые уже не являлись ни племенами, ни союзами племён, но ещё не сложились в народности» (Мавродин 1971: 157-170).

В вопросе структурной организации летописных восточнославянских объединений большинство советских историков приходит к выводу, что они представляли собой племенные союзы, состоящие из единиц более низкого порядка – собственно «племён» (Рыбаков 1947: 81-105; 1953: 23-104; 1964: 10-11; 1982: 235-286; Соловьёва 1956: 138-170; Фроянов 1980: 11-13; 1992: 21-74; 2015: 37-42, 88-93; Седов 1982: 269-273; 1999; 1999а; Новосельцев 2000: 49).

По интересной гипотезе А.А. Горского, в ходе расселения славян в VI-VII вв. родоплеменные связи были разрушены и образовались новые общности на территориальной основе – они и названы в летописях. В византийских источниках эти общности именуется термином славинии (Горский 2004: 9-19; 2011: 150-154. Критику см.: Фроянов 2015: 41-42). Но и в рамках этой гипотезы вполне правомерной остаётся постановка вопроса о более мелких структурных единицах, из которой состояли летописные общности восточных славян, независимо от того, была их структура преимущественно родовой или территориальной.

Как видим, разброс мнений относительно социально-политической организации отдельных групп восточных славян, названных в летописях, накануне сложения Древнерусского государства, является значительным. А.Ю. Дворниченко по этому поводу заметил, «что касается летописных “племён”, то более или менее бесспорным является их “этнографический характер”. Определение остальных сущностных их черт находится на уровне известной английской поговорки: “сколько голов – столько и умов”» (Дворниченко 2006: 188).

В недавних работах А.П. Толочко и И.Н. Данилевского реальность этногеографической карты восточнославянского мира предгосударственной и раннегосударственной эпохи, обрисованной в древнерусских летописях, была решительно поставлена под сомнение и охарактеризована как преимущественно искусственный книжный конструкт летописцев, слабо связанный или не связанный вовсе с историческими реалиями (Толочко 2002: 112-117; 2015: 68-92; Tolochko 2007: 169-188; Данилевский 2014: 66-75; 2018: 320-327)². В пользу такой

интерпретации приводится два ключевых аргумента: (1) число восточнославянских «племён» составляет двенадцать, что соответствует библейским двенадцати коленам израилевым и таким образом летописец просто проводил параллель между отечественной и библейской историей; (2) летописи активно рассказывают о «племенах» применительно к языческой эпохе, но быстро «забывают» о них после крещения Руси, из чего следует, что «племена» были для летописцев просто элементом противопоставления языческой и христианской эпох.

Оба эти аргумента неверны и основаны исключительно на плохом знании фактического материала или его намеренном искажении. Среди летописных перечней «племён» нет ни одного, в котором их число составляло бы двенадцать. Если же провести операцию сложения всех «племён» из разных перечней, живших, согласно Повести временных лет (далее – ПВЛ), на территории, попавшей со временем под власть Рюриковичей, то их получится не двенадцать, а пятнадцать: (1) бужане; (2) воляняне; (3) вятичи; (4) древляне; (5) дреговичи; (6) дулебы; (7) кривичи; (8) поляне; (9) полочане; (10) радимичи; (11) северяне; (12) словене (ильменские); (13) тиверцы; (14) уличи; (15) хорваты.

Никуда не «исчезают» из летописного повествования «племена» и после конца X в.: речь о них идёт в целом ряде известий как XI, так и XII в. (выходящих за рамки ПВЛ)³.

Согласно ПВЛ, «по сихъ братьи (после смерти Кия, Щека и Хорива – М.Ж.) почаша родъ их княженъ в полях, а в деревляхъ свое, а дреговичи свое, а словени свое в Новегороде, а другое на Полоте, иже полочане» (ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8). Речь здесь идёт об оформлении в славиниях в VIII-IX вв. института наследственной княжеской власти. Структура управления славиниями того времени была трёхступенчатой и включала в себя: (1) княжескую власть (Фроянов 1980: 8-20; Свердлов 2003: 55-91); (2) совет знати – «старцев градских» (Мавродин, Фроянов 1974: 29-33; Фроянов 1999: 89-105; Жих 2015а: 7-28); (3) народное собрание – вече (Фроянов 1980: 160; Дворниченко 2006: 189; Жих 2012: 151-158).

Выводы нашей статьи о «старцах градских» как восточнославянской знати догосударственного периода подверглись критике П.В. Лукина, который настаивает на книжном характере данного термина. Наше замечание, что летописец использовал готовый литературный штамп из переводной литературы, а, наоборот, «реальный древнерусский термин использовался переводчиками для наименования определенной социальной категории, которая представлялась им аналогичной какой-либо категории древнерусского общества» (Жих 2015а: 31), П.В. Лукин парировал следующим образом: «Автор этой интерпретации странным образом не заме-

3 А.С. Щавелев занял как бы промежуточную позицию: не отвергая летописную этногеографическую карту восточнославянского мира полностью, он ставит под сомнение её значительную часть. «Проблемные случаи», по его мнению, представляя собой называемые в ПВЛ общности дулебов, дреговичей, радимичей, тиверцев и хорватов (Щавелев 2017: 259-267; 2019: 167-198). Поскольку нами уже была дана критика его построений (Жих 2021: 145-155), в данной статье мы к этому сюжету не обращаемся.

2 Аналогичным образом П. Урбанчик «деконструировал» традиционную этногеографическую карту будущих польских земель (Urbańczyk 2008: 69-107).

чает того, что если ее принять, получится следующее: окажется, что, допустим, болгарские переводчики IX-X вв. читали древнерусские источники и использовали для характеристики библейских реалий древнерусские социальные термины. Правда, придется допустить наличие у них машины времени, поскольку это было еще до того, как самые первые древнерусские источники были написаны» (Лукин 2017: 290). Здесь налицо недоумение. Речь, естественно, должна идти не только о древнерусских, но о славянских переводчиках в целом, использовавших в переводах свою привычную социальную терминологию, которая и в Болгарии, и на Руси, и в других регионах славянского мира была в это время очень сходной. Если древнерусские источники говорят о «старцах градских» или «старейшинах города», то Константин Багрянородный сообщает о ζουπανοί γέροντες (Константин Багрянородный 1991: 112-113) – «старцах жупанах» или «старейшинах жупанах» у западнобалканских славян, а Ибрахим Ибн Йа'куб (ок. 912 – 966), описывая велетов-лютичей указывает, что они «не имеют царя и не позволяют управлять собой [одному] правителю⁴, а осуществляющими власть среди них являются их старцы («starsi» – перевод Т. Ковальского – М.Ж.)» (Kowalski 1946: 50). Во всех этих известиях речь идет примерно об одном и том же социальном институте славянского мира предгосударственной эпохи – старейшинах славянских административно-географических единиц (у восточных славян такими единицами выступали «грады» – центры славиний или составлявших их «малых» племён, у южных славян – «жупы»). Славянские «старцы (градов или жуп)» в славянских текстах закономерно контактировали с греческим οἱ πρεσβύτεροι τῆς πόλεως, но, само по себе, это ещё не даёт оснований говорить о книжном характере термина, а тем более, стоявшего за ним явления.

На наш взгляд, наиболее корректно называть летописные группы восточных славян этнополитическими объединениями (что подчёркивает их этническое и политическое единство), если следовать терминологии византийских источников – славиниями (Литаврин 2001: 518-526). Если говорить об их территориально-политической структуре, то следует принять взгляд на них как на «племенные союзы» (термин условен и указывает на то, что структурно они состояли из единиц более низкого порядка – условных «племён»), обладавшие политическим и, в известной мере, этническим единством. Открытым остаётся вопрос, можно ли считать их т.н. «вождествами» (ср.: Дворниченко 2006: 188-191).

Как справедливо, на наш взгляд, полагал А.П. Новосельцев, «древляне, поляне и т.д., по-видимому, идентичны таким германским “племенам”, как франки, саксы, бавары и т.д. которые на деле представляли уже союзы племён, хотя и сохранили наименование одного (господствующего) племени» (Новосельцев 2000: 49).

Относительно лютичей один средневековый автор писал, что «хижане и чрепняне живут к северу от реки Пены, доленчане и ратары – к югу. Эти четыре народа

⁴ Ср. слова Титмара Мерзебургского (975-1018): «Всеми ими, которые в совокупности зовутся лютичами, не управляет единолично какой-либо правитель» (Титмар Мерзебургский 2019: 107).

по причине их храбрости называют вильцами или лютичами» (Хрестоматия 1949: 41).

Летописцы называют кривичей, вятичей, радимичей, полян, древлян и прочие восточнославянские этнополитические объединения в одном ряду с лютичами, а про них по источникам хорошо известно, что они представляли собой союз ряда небольших структурных единиц («племён»): «Каждое из этих больших племен, делилось в свою очередь на ряд меньших: лютичи на чрепнянов, ратарей, украинов, стодоранов (гавеланов) и пр.; бодричи – на вагров, вранов, смолинцев, древлян, рарогов; сербы – на лужичан, мильчан и т.п.» (Нидерле 1898: 523. Полный список известных западнославянских и южнославянских «малых» племён см.: Горский 2011: 138-143).

В качестве другого примера можно привести социально-политическую структуру чешского общества IX в. Датированный этим столетием «Баварский географ» сообщает: *Betheimare in qua sunt civitates XV* («Бетеймары (Богемия – М.Ж.) – [область], в которой 15 городов»: Назаренко 2001: 53-55). *Civitas* в источниках того времени – это поселение, где находился центр политической власти над той или иной территорией или обозначение всей соответствующей территории (Флоря 1981: 99).

В «Фульдских анналах» под 845 г. сообщается, что Людовик Немецкий (843-876) «встретился с четырнадцатью герцогами Богемии (*XIV ex ducibus Voemanorum cum hominibus suis*), которые желали со своими людьми принять христианскую религию, и велел им креститься на восьмой день после Богоявления» (Фульдские анналы 2010).

Цифра чешских *civitas* в «Баварском географе» практически совпадает с числом чешских князей в сообщении «Фульдских анналов», из чего можно заключить, что Чехия первой половины IX в. представляла собой объединение 14-15 «племён», каждое из которых имело свой центр («град») и своего князя.

Одним словом, там, где у нас есть источники, описывающие более детально внутреннюю жизнь славян, мы видим, что большие славянские этнополитические объединения, уровня тех, что попали на страницы древнерусских летописей, делились на ряд небольших «племён».

В «Баварском географе», анонимном памятнике, созданном в швабском монастыре Райхенау в 70-е гг. IX в. (Назаренко 2001: 51-70), перечислено множество славянских «племён», не известных по другим источникам и, соответственно, с трудом поддающихся идентификации или не поддающихся ей вовсе. По всей видимости, это именно те небольшие «племена», из которых состояли крупные славянские этнополитические союзы типа вислян, мазовшан, лютичей, кривичей и т.д. (Седов 1999: 64-65).

Существование «малых» племён у славян подтверждается и сравнительно-историческими наблюдениями. Так, Л.Г. Морган писал об ирокезах: «Территория племени состояла из фактически заселенной им местности, а равно окружающего района, в котором племя охотилось и занималось рыбной ловлей и который оно было в состоянии охранять от захвата других племен.

Вокруг этой территории лежала широкая полоса нейтральной, никому не принадлежавшей земли, отделявшей их от ближайших соседей, если те говорили на другом языке, и менее определенно ограниченная полоса, если эти племена говорили на диалектах одного и того же языка. Вся эта не имеющая точно определенных границ область, независимо от ее величины, составляла владения племени, признавалась таковой другими племенами и охранялась самими владельцами» (Морган 1934: 67).

На «малые» племена делились и германские этнополитические объединения. По словам Публия Корнелия Тацита (сер. 50-х – ок. 120 г.), «свебы не представляют собою однородного племени, как хатты или тенктеры, но, занимая большую часть Германии, и посейчас еще расчлениются на много отдельных народностей, носящих свои наименования, хотя все вместе они и именуется свебами... Среди свебов, как утверждают семионы, их племя самое древнее и прославленное... Влиятельность семионов подкрепляется их благоденствием: ими заселено сто округов, и их многочисленность и сплоченность приводят к тому, что они считают себя главенствующими над свебами. Лангобардам, напротив, стяжала славу их малочисленность, ибо, окруженные множеством очень сильных племен, они оберегают себя не изъявлением им покорности, а в битвах и идя навстречу опасностям. Обитающие за ними ревдигны, и авионы, и англии, и варины, и эвдосы, и свардоны, и нуитоны защищены реками и лесами. Сами по себе ничем не примечательные, они все вместе поклоняются матери-земле Нерте, считая, что она вмешивается в дела человеческие и навещает их племена» (Тас. Germ. 38-40; Тацит 1993: 352-353).

К сожалению, имена «малых» восточнославянских племён практически не попали на страницы летописей – древнерусские летописцы описывали только восточнославянские этнополитические союзы в целом, но сам факт их существования не вызывает сомнений, ведь по справедливым словам Г.Ф. Соловьёвой, «территория радимичей приблизительно равна территории лютичей» (Соловьёва 1956: 166), стало быть и территориально-политическая структура восточнославянских и западнославянских этнополитических объединений должна быть сходной.

Можно привести только один надёжный и два спорных примера того как имена «малых» восточнославянских племён отразились в источниках.

Полочане (о них подробнее см.: Горский 1995: 50-63; Жих 2015: 31-52).

Согласно ряду летописных известий регион верховьев Западной Двины с городом Полоцком входил составной частью в обширный ареал славянского этнополитического объединения кривичей: в легенде о призвании варягов в ПВЛ сказано, что «первии наследници... въ Полотъске Кривичи» (ПСРЛ. I: 20; ПСРЛ. II: 14), а поскольку кривичи участвовали в призвании Рюрика, то он посадил в городе одного из своих мужей (ПСРЛ. I: 20; ПСРЛ. II: 14); под 1127 г. летописи, повествуя о походе киевского князя Мстислава Владимировича на Полоцкую землю говорят: «Посла князь Мъстиславъ

съ братьею своею многы [на] Кривичи четырьми путьми» (ПСРЛ. I: 297; ПСРЛ. II: 292); в Ипатьевской (под 1140 и 1162 гг.) (ПСРЛ. II: 304, 521) и Воскресенской (под 1129 и 1162 гг.) (ПСРЛ. VII: 28, 76) летописях полоцкие князья названы «кривичскими».

В тоже время, согласно другим летописным пассажам в указанных местах проживало другое славянское «племя» – полочане. Всего в ПВЛ «полочане» упоминаются трижды.

В рассказе о расселении славян с Дуная читаем: «От техъ Словенъ разидошася по земли и прозвашася имени своими, где седше на которомъ месте. Яко пришедше седоша на реце именемъ Мораве и прозвашася Морава, а друзии Чесе нарекошася, а се ти же Словене: Хорвати Белии, Серпь, и Хутане. Волохомъ бо нашедшимъ на Словены на Дунаиские и седшимъ в нихъ и насилиющимъ имъ. Словене же ови пришедше и седоша на Висле и прозвашася Ляхове, а отъ техъ Ляховъ прозвашася Поляне Ляхове. Друзии Лютице, инии Мазовшане, а нии Поморяне. Тако же и те же Словене пришедше, седоша по Днепру и наркошася Поляне, а друзии Деревляне, зане седоша в лесехъ, а друзии седоша межи Припетью и Двиною и наркошася Дреговичи, и инии седоша на Двине и нарекошася Полочане, речьки ради, еже втечетъ въ Двину именемъ Полота, от сея прозвашася Полочане. Словене же седоша около озера Илмера и прозвашася своимъ именемъ и сделаша городъ и нарекоша и Новъгородъ, а друзии же седоша на Десне и по Семи и по Суле и наркошася Северо. И тако разидеся Словенскъ языкъ темже и прозвася Словенская грамота» (ПСРЛ. I: 5-6; ПСРЛ. II: 5).

Далее же в ПВЛ говорится, что «по сеи братьи (после смерти Кия, Щека и Хорива – М.Ж.) почаша держати родъ ихъ княжение в Поляхъ, а въ Деревляхъ свое, а Дръговици свое, а Словене свое въ Новегороде, а другое на Полоте, иже и Полочане, от сихъ же и Кривичи, иже седять на верхъ Волги и на верхъ Двины, и на верхъ Днепра, ихъ же и городъ есть Смоленскъ, туда бо седять Кривичи, таже Северо от нихъ» (ПСРЛ. I: 10; ПСРЛ. II: 8).

В третий раз полочане упоминаются летописцем в следующем контексте: «Се бо токмо Словенск язык в Руси: Поляне, Деревляне, Новъгородъци, Полочане, Дреговичи, Северо, Бужане, зане седять по Бугу, послезе не Воляныне» (ПСРЛ. I: 9-10; ПСРЛ. II: 8).

Итак, одни летописные тексты «отдают» верховья Западной Двины кривичам, а другие – полочанам.

Очевидно, такая значительная и занимавшая огромную территорию восточнославянская этнополитическая общность как кривичи, делилась на ряд более или менее обособленных структурных единиц разного уровня: от небольших «племён» до их локальных объединений. Кривичи в их совокупности занимали огромную территорию от бассейна р. Великой через верховья Днепра до Мсты, очерчиваемую по ареалу характерных для них погребальных памятников, длинных курганов (карту распространения этих памятников см.: Седов 1982: 48-49. Карта 8). По словам В.В. Седова «общий ареал длинных курганов, подразделяемый на две культурные группы, соответствует трём историческим землям Древней Руси – Псковской, Полоцкой и Смоленской, –

принадлежащих кривичам» (Седов 1999: 143). Широта расселения кривичей с неизбежностью должна была привести к формированию локальных объединений в рамках кривичского ареала, объединяющих, вероятно, несколько небольших «племён», которым соответствуют отдельные скопления археологических памятников.

Одним из таких объединений и были летописные «полочане». Ядром их (полочанами, так сказать, «в узком смысле»), скорее всего, было население, оставившее Полоцко-Ушачское скопление памятников, крупнейшее на Полотчине. Вероятно, в состав объединения полочан входили ещё несколько небольших «племён», оставивших соседние скопления (сколько именно – сказать невозможно). Центром кривичского объединения полочан был, очевидно, Городок на Полоте, предшественник Полоцка, видимо, носивший то же имя (о Городке на Полоте см.: Алексеев 2006: 58-60).

В Верхнем Поднепровье сложилось другое кривичское объединение во главе со смолянами. Существование такого кривичского «племени» реконструируется из сопоставления названия города Смоленск (Смольньскъ) (столица смоленских кривичей начиная с гнездовского периода его истории: Алексеев 2006: 53-58) и имени одного из славянских «племён» на Балканах, *смоляне* или *смолене* (Трубачев 2005: 96), а также западнославянских *Smeldingon* (Трубачев 2005: 97). Повторяемость одних и тех же этнонимов в разных частях славянского мира – одна из характерных черт славянской этнонимии (Трубачев 1974: 48-67).

Смоленск, очевидно, был «племенным» центром смолян, по имени которых и получил своё имя (Трубачев 2005: 99-102), а уже от него, в свою очередь, «смолянами» стали называться жители Смоленска и его волости древнерусского времени. Перед нами пример переноса «племенного» названия на новую территориально-политическую общность: имя «племени» → имя города его центра → имя нового территориально-политического образования, центром которого стал этот город. Имя смоляне, **smolĕne*, **smol'ane* значило первоначально «выжигающие лес» – от древней формы и значения глагольного корня **smol-*, **smoliti* (Трубачев 2005: 105). Этноним, очевидно, связан с подсечным земледелием. По словам О.Н. Трубачева «в имени смолян выражено не только отношение к лесу. В нем запечатлена, как я все же думаю, также обязательная связь с земледелием, ибо **smolĕne* – это, иными словами, славяне, отвоевывающие пашню у леса» (Трубачев 2005: 105).

Летописец говорит, что имя полочане происходит от реки Полоты, что чётко указывает на «племенной», а не территориально-политический характер этого объединения. Этнонимы, производные от гидронимов были распространены в славянском мире: вспомним вислян, бобрян, речан и т.д. Полоцк, очевидно, также получил своё имя по реке Полоте: «Полоцк, или Полотеск, – город, стоящий на реке Полоте; словообразование, подобное Торопцу от реки Торопы, Витебску – от реки Видьбы и т.д.» (Тихомиров 1956: 362. См. также: Нерознак 1983: 139). И уже от имени города Полоцка получили своё имя полочане как территориально-по-

литическая общность XI-XIII вв. – жители Полоцка и его волости⁵.

Летописец, упомянувший полочан в качестве особого славянского этнополитического союза и написавший о происхождении от них кривичей, разграничил полочанскую и кривичскую территорию, ограничив последнюю верховьями Волги, Днепра и Западной Двины и указав, что город кривичей – Смоленск. Полоцк, стоявший ниже по течению Двины и его окрестности он, очевидно, в кривичскую территорию не включил, равно как и Псковскую землю, также входившую, как мы знаем по другим данным, в кривичский ареал (Седов 1974: 36 и сл.; 1981: 5-11; 1982: 46-58; Жих 2017а: 87-106).

Этот летописец писал о кривичах в «узком» значении, понимая под ними только территорию смолян и их соседей. По всей видимости, кривичами в первую очередь называлась верхнеднепровская группа славян, а уже от неё это имя распространилось на весь славянский ареал культуры длинных курганов, который едва ли имел сколько-нибудь прочное политическое единство. Общность кривичей скорее носила этнокультурный характер, связанный с единством их происхождения. В политическом же смысле изборско-псковские (Жих 2017а: 87-106), полоцкие и смоленские кривичи, вероятно, с раннего времени жили обособленно, что не могло не привести к формированию локальных этнонимов, покрывавших расположенные по соседству «племена».

Смоленская группировка кривичей, именовалась собственно кривичами, а также, вероятно, смолянами, полоцкая – полочанами, а имя изборско-псковской группы кривичей остаётся нам неизвестно.

Большинство летописцев говорило о кривичах *in corpore* и только один (автор или редактор этногеографического введения к ПВЛ) сохранил имя полочан и сохранил важные сведения об исторической географии Кривичской земли. Характерен имеющийся в летописях оборот «все кривичи» (ПСРЛ. I: 19, 22-23; ПСРЛ. II: 13-14), не применяемый летописцами больше ни к одному из славянских этнополитических союзов. Он указывает на сложный состав общности кривичей, на наличие ряда локальных кривичских объединений.

Таким образом, кривичи представляли собой особую этнокультурную славянскую общность, расселившуюся на огромной территории и вследствие этого, не имевшую, по-видимому, прочного политического единства. В кривичском ареале, который можно очертить по летописным данным и по ареалу кривичской культуры длинных курганов, существовало множество небольших «племён», археологическим эквивалентом которых являются скопления памятников, объединённые, по-видимому, в три большие группировки: изборско-псковскую (по берегам реки Великой), двинскую (полоцкую) и верхнеднепровскую (смоленскую), а возможно, ещё и северо-восточную (мстинскую), представители которой были ассимилированы ильменскими словенями (в этом регионе культура длинных курганов перекрывается культурой сопков: Седов 1999: 141 (Рис.

⁵ Впервые полочане в таком качестве упомянуты в ПВЛ под 1092 г.: ПСРЛ. I: 215.

27), 163-165). Название «кривичи», вероятно, относилось прежде всего к Смоленской группировке, а от неё распространялось на всех «длиннокурганников».

Полоцкая группа кривичей имела своё особое название, полочане, произошедшее от реки Полоты, по берегам которой они расселились. Изначально «полочанами», видимо, именовалось кривичское «племя» археологическим эквивалентом которого является Полоцко-Ушачское скопление памятников, а политико-административным центром был Городок на Полоте. По имени этого «племени» крупнейшего и сильнеешего среди них, все двинские кривичи стали именоваться «полочанами», составив, очевидно, некую политическую общность. У верхнеднепровских кривичей было при этом своё политическое объединение.

Политические объединения верхнеднепровских и двинских кривичей (полочан) жили, по имеющимся данным, своей независимой политической жизнью: по легендарным сведениям ПВЛ полоцкие кривичи участвовали в призвании варягов и приняли «мужа» от Рюрика, а смоленские кривичи в это время сохраняли свою независимость и были подчинены только Олегом в 882 г. По аутентичным данным Константина Багрянородного (945-959) в середине X в. смоленские кривичи были «пактиотами»-данниками киевских русов, а Смоленск – городом, подчинённым Киеву. Полоцка в числе подвластных Киеву городов и полочан в числе его данников он не называет (Константин Багрянородный 1991: 44-47), что хорошо согласуется с данными ПВЛ о завоевании Полоцка Владимиром в 980 г. и о правлении в городе до того князя Рогволода («бе бо Рогъволодъ пришедь и-заморья имяше власть свою в Полотьске а Туры Турове от него же и туровцы прозвашася»: ПСРЛ. I: 76; ПСРЛ. II: 63-64). Очевидно, до 980 г. Полоцкая земля не была подвластна Рюриковичам. Вышла ли она в какой-то период из-под их контроля или сведения ПВЛ о подчинении Полоцка Рюрику недостоверны, сказать сложно. Ясно одно: с середины X в. по 980 г. в Полоцке правили свои князья.

А.С. Щавелев на основании известия о княжении Рогволода в Полоцке и Тура в Турове, предположил, что «полочане и туровцы были, скорее всего, не славянскими общностями, а жителями политий, созданных правителями-пришельцами “из-за моря”, позже покоренных Рюриковичами» (Щавелев 2017: 265). Мы считаем, что невозможно провести чёткую грань между существованием полочан как особой политической группы кривичей и политией, возглавляемой Рогволодом. Если А.С. Щавелев полагает, что Рогволод мог самостоятельно создать особую политику с центром в Полоцке, то, на наш взгляд, более вероятно обратное: Рогволод неким образом возглавил уже существующую политику полочан (ср. с тем, как Рюрик возглавил уже существующее объединение словен и их союзников: Фроянов 1992: 21-106; 2015: 98-140; Седов 1999а: 82-137; Мельникова 2011: 101-102), не случайно ПВЛ упоминает княжение полочан в числе других восточнославянских княжений.

Что касается князя «Тура» или «Туры», то он вполне может быть просто легендарным эпонимом. Согласно В.П. Нерознаку, имя города Турова входит в «топонимическую серию от основы *Тур-*, восходящей к др.-русск.

турь 'буйвол, *bos primigenus, capra caucasica*' < праслав. *tuǫǫ. Название города *Туровъ* по форме краткое прилаг. от др.-русск. *туровъ* < *турь*. Названия от топонимов *Тур-* широко распространены в Белоруссии, ср. *Турь*, с. Смолевичского р-на, *Турин*, с. Пуховичского р-на, *Турово*, с. Столинского р-на, *Турск*, с. Рогачевского р-на, *Туровля*, с. Полоцкого р-на» (Нерознак 1983: 177). К тому же соответствующий антропоним совсем не обязательно варяжского происхождения (как заметил М.Н. Тихомиров, в отличие от Рогволода, о Туре летопись не говорит о его «заморском» происхождении, а лишь отмечает, что он правил в Турове подобно тому, как Рогволод в Полоцке: Тихомиров 1956: 306): «Имя Туры находит себе объяснение в славянском языке, хорошо знавшем дикого быка – тура. Отсюда Буй-тур Всеволод в Слове о полку Игореве, Турова божница в Киеве, Турова могила и т.д.» (Тихомиров 1956: 306); «Слово это широко употребляется в восточнославянской антропонимии, ср. частое др.-русск. ИЛ *Тур*, отчество *Туров* (1500 г.); ср. еще Василий *Тур*, крестьянин, 1495 г. Новгород; Григорий Васильевич *Тур* Левашов, начало XVI в. Имя *Тур* символизировало силу и власть и было одним из самых распространенных доканонических древнерусских антропонимов» (Нерознак 1983: 177).

Летописцы обычно называли «кривичами» *in corpore* всех представителей славянской этнокультурной общности, археологическим эквивалентом которой является культура длинных курганов, и их потомков. Только автор этногеографического введения к ПВЛ с его блестящим знанием этнической географии славянского мира и повышенным интересом к ней сообщил уникальные сведения по этногеографии кривичей: двинские кривичи имели особое имя «полочане», а собственно «кривичами», кривичами «в узком смысле», были верхнеднепровские славяне. При этом он подчеркнул их единство, указав на происхождение вторых от первых.

Семичи. В «Поучении» Владимира Мономаха они названы дважды: после одной из побед над половцами князь «а семечи и полон весь отъяхом» (ПСРЛ. I: 248); укрывшись от превосходящих половецких сил за городскими стенами войска Владимира почти не понесли потерь «толко семцю яша одного живого, ти смердъ неколико» (ПСРЛ. I: 248).

Б.А. Рыбаков заключил: «“Семичи” – типичное по своей форме племенное имя. Это, очевидно, одно из племён Северянского племенного союза, размещенное на сейме: “А друзии седоша по Десне и по Семи, и по Суле и нарекошася Север”» (Рыбаков 1982: 264).

А.С. Щавелев подверг мнению Б.А. Рыбакова критике и указал, что «корректно мы можем констатировать, что речь, возможно, идет о некой совокупности жителей на р. Сейм», «данных для адекватной интерпретации общности-денотата, названной Владимиром Мономахом, у нас просто нет» (Щавелев 2017: 265-266).

Однако, двукратное употребление этого имени и противопоставление его носителей смердам (по всей видимости, пленникам, посаженным на землю: Фроянов 1999: 241-251), на наш взгляд, делает предпочтительной гипотезу о том, что речь идёт не просто о гео-

графической, но именно об этнокультурной общности людей, то есть «малом» северянском племени.

Пищанцы. В летописях указывается, что после победы в битве на р. Пищане киевляне насмешливо называли побеждённых радимичей «пищаньцами» (ПСРЛ. I: 83-84; ПСРЛ. II: 71; ПСРЛ. III: 131, 530). Данное известие можно трактовать двояко. С одной стороны, возможно, здесь перед нами просто насмешливое прозвище, данное победителями побеждённым (Щавелев 2016: 193; 2017: 263-264; Жих 2017: 26). Но возможно и то, что так могло называться одно из небольших радимичских «племён». По словам Б.А. Рыбакова, «Потом бытовала поговорка, укорявшая радимичей: “Пищаньци волчьих хвоста бегают”. В этом случае хронист расценивает пищанцев как некую органическую часть радимичей» (Рыбаков 1982: 263-264). Б.А. Рыбаков поддержал А.А. Горский (Горский 2011: 138). Вопрос, видимо, надёжно не разрешим.

Поскольку этим сведения письменных источников о «малых» племенах восточных славян исчерпываются, особую важность приобретают археологические материалы.

Ещё в 1940-1950-е гг. Б.А. Рыбаков пришел к выводу, что тщательное изучение курганных инвентарей и погребальных обрядов радимичей и других «племён» позволит выделить целый ряд локальных групп, соответствующих «малым» и «первичным» племенам, названия которых не отразились в источниках (Рыбаков 1947: 97; 1953: 25).

В 1950-е гг. проблема выделения «малых» племён на археологическом материале была рассмотрена Г.Ф. Соловьёвой применительно к вятичам, радимичам, дреговичам и северянам. Исследовательница пришла к выводу, что население как Радимичской земли, так и Вятической земель было сгруппировано в отдельные локальные единицы, соответствующие небольшим локальным объединениям, «малым» племенам как их традиционно называли в историографии, в совокупности составляющим, соответственно радимичское и вятическое этнополитические объединения.

В земле вятичей выделяется шесть таких курганных групп:

1) Группа в верхнем течении р. Москвы и ее притока – Истры (курганные группы: Ябедино, Власово, Волково, Ивановская I, Вишеньки, Митяево, Звенигородский монастырь). Характерные особенности: погребения в могильной яме глубиной до 1 м. В могилах встречаются остатки гробов, береста. Ориентировка погребений западная.

2) Группа в среднем течении р. Москвы (курганные группы: Чернево, Большие Черемушки, Дюдьково, Дятлово, Митино). Характерные особенности: погребения совершались на горизонте. Ориентировка всегда западная.

3) Группа на левом берегу р. Москвы, в междуречье рр. Москвы и Клязьмы (курганные группы: Льялово, Бухарово, Никольское, Устье Горетьевки, Повадино, Балятино, Химки, Мякинино, Пушкино). Характерные особенности: погребения – в могильной яме. Ориен-

тировка западная. При погребении применялась кора; встречаются каменные кладки, остатки дерева.

4) Группа в нижнем течении р. Москвы и в бассейне р. Пахры (курганные группы: Никольское, Богдановка, Мещерино, Ачкасово, Мячково, Авдотьино, Тихвинское, Бессониha, Погост пяти крестов, Суворово, Колоколово, Давыдово, Пузиково, Никоново, Тупичино, Потапово, Мещерское, Ивино, Лопаткино, Скобеево, Александровка, Сынково, Битягово, Серафимо-Знаменский скит, Никитское, Поваровка, Ушмары). Характерные особенности: основной вид погребения – положение на горизонте (начиная с XIII в., появляются погребения в яме; в XIV в. они в некоторых курганных группах вытесняют погребения на горизонте и становятся единственным видом погребения). Ориентировка умерших западная, но были встречены 3 кургана с восточной ориентировкой.

5) Группа в среднем течении р. Оки и ее притока Прони (курганные группы: Рубцово, Пронск). Характерные особенности: погребения – в могильной яме. Особенностью группы является широкое применение бересты. Одно погребение было совершено в сосновой колоде; ни разу не были обнаружены ни уголь, ни посуда, которые встречались в других группах.

6) Группа в среднем течении р. Угры (курганные группы: Васильевка, Лобановка, Юхнов, Мокрая, Желанье, Заречье, Богатыри). Характерные особенности: все погребения совершены на горизонте. Ориентировка западная (Соловьёва 1956: 161-165).

При этом какие-то объединения могут не фиксироваться археологически – относительно шести выделенных Г.Ф. Соловьёвой в земле вятичей локальных групп Б.А. Рыбаков заметил: «Они выявлены лишь в северной части Вятичей. Таких районов-племён удалось обнаружить шесть, но, исходя из их размера, во всей земле Вятичей их должно быть не менее десяти» (Рыбаков 1982: 264).

В Радимичской земле Г.Ф. Соловьёва выделила восемь археологически фиксируемых локальных групп:

1) Группа между Днепром и Сожем (курганы у Ивольска, Чеботовичей, Любен, между Ивольском и Чеботовичами). Характерные особенности: погребение в насыпи, западная ориентировка, наличие посуды в ногах или у головы умершего.

2) Группа в бассейне р. Сож (курганы у сел Радуга, Демидово, Баюра, Глубоцкое, Терюх, Столбун, Романовичи, Новые Громыки, Старые Громыки, Малые Немки, Большие Немки, Навиловка, Ухов, Залесье, Беляевка, Кукличи, Воробьевка). Характерные особенности: все погребения – на горизонте, ориентировка западная. Отсутствуют погребальные сооружения, уголь, посуда.

3) Группа в бассейне р. Ипути (курганы близ сел Попова Гора, Батуровка, Антоновка, Поповка, Новая Новавицкая, Чертовичи, Карховка, Казаричи, Высокое). Характерные особенности: все погребения – на горизонте, женские погребения ориентированы на запад, мужские – иногда на восток. В курганах в большом количестве встречен уголь в виде небольших кострищ под умершим или над ним. Почти в каждом погребении сохранились остатки дерева от гробовищ.

4) Группа в бассейне рр. Ипути и Снова (курганная группа Смяличи, Голубовка, Влазовичи, Гулевка, Ляличи, Холевичи, Большие Щербиничи, Гетманская Буда). Характерные особенности: встречены все 3 вида погребения – в яме, на горизонте, в насыпи. Наряду с основной западной ориентировкой встречаются мужские погребения, ориентированные на восток. Уголь, как и в предыдущей группе, обнаружен в виде небольших кострищ или под умершим, или над ним, или же просто в насыпи имеется небольшое скопление угля.

5) Группа в бассейне р. Снова (курганы у сел Малые Топали, Курозново, Медведовка). Характерные особенности: все погребения – на горизонте, ориентированы на запад. Угля нет; остатков дерева от гробовищ тоже нет.

6) Группа в междуречье рр. Ипути и Снова (курганная группа Внуковичи, Тимошкин Перевоз, Людково I, Людково II, Манюки). Характерные особенности: три вида погребения – в яме, на горизонте, в насыпи. Умершие ориентированы на запад. Угля нет.

7) Группа в среднем течении Днепра (примерно от Рогачева до устья Сожа; курганная группа: Кордон, Проскурин, Колосы, Лучин, Каменка, Солонное, Вишин, Грязивец). Характерные особенности: известны все 3 вида погребения – в яме, на горизонте, в насыпи. Ориентировка преимущественно западная (восточная – только в 2 курганах, с мужскими погребениями). Встречается уголь. Особенностью группы является погребение умерших в колоде или бревенчатой (иногда дощатой) раме, прикрытой сверху.

8) Группа в междуречье рр. Сожа и Беседи (курганная группа: Краснополье, Клясин, Яново, Климовичи, Елизаветино). Характерные особенности: встречены 2 вида погребения – в насыпи и на горизонте. Погребения в насыпи – мужские, с преобладающей ориентировкой на восток. На горизонте – и мужские, и женские; женские ориентированы на запад, мужские – частью на восток. Погребальных сооружений нет. Уголь встречается часто, в виде небольших кострищ. Обнаружено неполное трупосожжение (Соловьёва 1956: 156-160).

По словам Г.Ф. Соловьёвой, «благодаря анализу особенностей погребального обряда удалось выявить на территории радимичей 8 локальных групп, которые, по-видимому, являются теми первичными племенами, которые и составили племенной союз радимичей» (Соловьёва 1956: 166).

Таким образом, судя по археологическим данным, радимический этнополитический союз представлял собой объединение как минимум восьми локальных групп славянского населения. Цифра условна, скорее всего «малых» племён в Радимической земле, как и в Вятической, было больше.

В земле дреговичей Г.Ф. Соловьёва выделила две локальные группы:

1) Восточная группа на правом берегу устья Березины (курганная группа: Рудня, Кострицкая Слобода, Курганье, Махровичи, Поповщина, Александровичи, Пачева Слобода, Любоничи, Селище, Старцы, Волосовичи, Шараевщина).

2) Западная группа на правом берегу Березины и левом берегу до верховьев р. Ольсы (курганная группа: Ясень, Горожа, Брицаловичи, Устиж, Леневка, Перекаль, Несета, Дулебня, Бирково).

Для каждого из «малых» племён можно предполагать наличие «града» – административного, религиозного и организационного центра, каковые летописи отметили у древлян (ПСРЛ. I: 58; ПСРЛ. II: 47) и вятичей (ПСРЛ. II: 697).

Как справедливо заметила Г.Ф. Соловьёва, «первичные племена, выявленные на территории радимичей и вятичей, должны были иметь и свои племенные центры, вокруг которых происходило объединение племен и к которым тянулось окрестное население. В дальнейшем они возможно, превратились в центры удельных княжеств, а сами первичные племена составили основу этих уделов» (Соловьёва 1956: 167).

Один такой «град», Гомель (летописный Гомий, впервые упомянутый под 1142 годом), бывший, видимо, центром посожской группы радимичей (курганная группа 2 по Г.Ф. Соловьёвой), к настоящему времени относительно неплохо изучен. В конце IX – X вв. Гомель разрастается в размерах и охватывает площадь от 4 до 8 га. Формируется двухчастная структура поселения (детинец – окольный город) с укрепленным городищем площадью около 0,7 га у слияния Сожа и Гомеюка, а также и вторым поясом оборонительных сооружений. Развивается гончарное, кузнечное, ювелирное ремесло. В городе, стоявшем на торговом пути по Сожу, и вокруг него, известны клады арабских дирхемов IX-X вв., свидетельствующие об активной торговле, которую вели его жители. Гомельское городище конца I тыс. н.э. является одним из наиболее значительных в восточнославянском мире (о радимичском периоде в истории Гомеля см.: Макушников 1990: 59-60; 2002: 32-37; 2009: 76).

Предположение Е.А. Шинакова согласно которому «Гомий, Пропуй и Кречют были основаны, скорее всего, княжеской властью как крепости – опорные пункты с разных сторон их (радимичей – М.Ж.) границ» (Шинаков 2012: 49) лишено оснований. Киевским опорным пунктом на южной границе земли радимичей было несущее явные черты древнерусской дружинной культуры Моховское военное поселение (конец IX – начало XI вв.) в устье Сожа (о нём см.: Макушников 2009: 76-95), созданное киевскими князьями южнее Гомеля и явно противостоявшее ему. Противостояние двух расположенных напротив друг друга городищ является археологическим отражением политического противостояния Киева и Радимической земли в IX-X вв. (а возможно и в начале XI в.), в ходе которого обе стороны укрепляли свои границы. После того как Радимическая земля теряет свою независимость, необходимость в содержании Моховского военного центра для Киева отпадает, и он в первой половине XI в. исчезает. Предшествующий период около столетия отмечен противостоянием киевского Мохова и радимического Гомеля.

По мере накопления археологических материалов по земле радимичей вырисовывается структура их поселения, организация поселенческой сети с определённой иерархией разноуровневых поселений, за которой

стоит, очевидно, политико-административная структура радимичей, формирование раннегородских центров типа Гомеля и т.д. (Макушников 2009: 22-77), в общем всё то, что уже известно применительно клучше изученным восточнославянским этнополитическим союзам.

Г.Ф. Соловьёва предположила, что «изучение погребальных обрядов кривичей и дреговичей позволит выделить и у них локальные группы, те первичные племена, которые составили позднее союзы, известные нам по «Повести временных лет»» (Соловьёва 1956: 166).

Дальнейшие исследования показали правоту данного прогноза. Л.В. Алексеев в рамках ареала смоленско-полоцких кривичей выделил подобные локальные скопления: «Археологическая карта Полоцкой земли свидетельствует о том, что славяне селились... не хаотически, а группами, которые разделяли густые леса... Самых больших скоплений насчитывается десять, восемь из которых были кривичскими (Полоцко-Ушачское, Гайно-Березинское, Друцкое, Лукомльское, Оршанское, Усвятское, Витебское и Изяславльское) и два дреговичских... Примечательно, что семь кривичских скоплений более или менее равновелики, в то время как восьмое (Полоцко-Ушачское) по площади и количеству памятников превышает их вдвое или даже втрое» (Алексеев 1978: 24; 2006: 29); «В Смоленской земле мы наблюдаем три крупнейших скопления древнего населения. Интенсивным заселением кривичами в IX-X вв. была зона междуречья верховьев Сожа – Днепра и Каспли, а также района верховьев Западной Двины – Торопы, у Торопецкого и Жижецкого озер. Третье большое скопление населения мы видим в южной части Смоленской земли, заселенной радимичами» (Алексеев 1978: 24; 2006: 29).

Здесь археология подтвердила существование особого «малого» кривичского племени полочан, соответствующего, видимо, Полоцко-Ушачскому скоплению памятников.

В.В. Седов пришёл к выводу, что Изборск был центром одного из кривических «малых» племён: «Достаточно очевидно, что Изборск... был нерядовым поселением... Уже на первых порах поселение было защищено валом... Наличие площади, предназначенной для проведения массовых (племенных) сборов и культовых (языческих) празднеств и гаданий, свидетельствует о том, что поселение выполняло административно-политические функции, являясь центром (племенным) одной из крупных группировок кривичей... Несомненно, что в VIII-X вв. Изборск был одним из протогородских поселений Восточной Европы» (Седов 2007: 117).

Подводя итоги археологического изучения проблемы «малых» племён у восточных славян на начало 1980-х гг., Б.А. Рыбаков писал: «Археологические материалы позволили выявить внутри всей Вятической территории отдельные небольшие районы... Таким образом, археология помогает нам осознавать всю вятическую общность именно как союз племён. Анализ распространения вятических семилопастных височных колец, изготовленных одним мастером (отлитых в одной литейной форме!), показывает, что существовала еще более мелкая структурная единица, чем племя: на всей терри-

тории Вятичей должно было быть по расчету около сотни мелких мастерских с незначительным районом сбыта в 10-15 км в поперечнике каждая. Другими словами, по археологическим данным мы можем нащупать элементы десятичного деления, характерного для высшей ступени первобытности и сохраняющегося некоторое время и позднее.

Группа поселков – “сто” (район сбыта одной мастерской).

Племя – “тысяча” – особенности погребального обряда.

Союз племен “тьма” – Вятичи – этнографическое единство» (Рыбаков 1982: 264).

Б.А. Тимошук, обобщив имевшийся на конец 80-х – начало 90-х гг. археологический материал по проблеме социально-политического развития восточных славян, уделил значительное внимание проблеме славянских политических центров разного уровня (и стоящих за ними иерархических социальных единиц) и разработал систему социальной классификации и эволюции восточнославянских поселений VI-X вв. Учёный выделил признаки поселений, которые могли быть административными центрами восточнославянских «малых» племён: «Городища-административно-хозяйственные центры всегда расположены в центре гнезд поселений. Рядом с городищами этого типа расположены большие селища, которые застроены такими же углубленными жилищами, как и городища. Например, возле Добрыновского городища-административно-хозяйственного центра располагается селище площадью 500x200 м. На территории этого селища в стенках карьеров обнаружено более двух десятков полуземляночных жилищ с печами-каменками. Два жилища раскопаны. Возле этих жилищ находились ямы-погребя. Жилища на этом селище располагаются на значительном расстоянии одно от другого. Они, по-видимому, принадлежали индивидуальным хозяйствам. Городища-административно-хозяйственные центры отличаются от других типов городищ-общинных центров (убежищ и святилищ) прежде всего тем, что их укрепленные площадки были плотно застроены стационарными жилищами (полуземлянками с каменными или глинобитными печами в одном из углов), ремесленными мастерскими и хозяйственными постройками. На территории этих городищ могли располагаться (обычно возле оборонительных стен) длинные дома общественного назначения. Укрепленные линии городищ-административно-хозяйственных центров были деревянными, но несколько более сложной структуры, чем на городищах-убежищах. Например, административно-хозяйственные центры в Добрыновцах и Горишних Шеровцах были ограждены деревянными стенами типа “столпие”. Рядом с городищами-административно-хозяйственными центрами находятся большие синхронные селища» (Тимошук 1990: 44).

Если в 1956 г. Г.Ф. Соловьёва полагала, что «выделить границы первичных племен по материалам X-XII вв. на территории северян невозможно» (Соловьёва 1956: 1966), то ныне Ю.О. Пуголюков констатировал, что к настоящему времени в ареале роменской культуры вычлениваются три крупных группировки: (1) западная, рас-

пространённая на территории Новгород-Северского и Стародубского Подесенья; (2) соответствующая летописным семичам – Курское Посемье в среднем течении Сейма, и, возможно, верховья Псла; (3) восточная, пространённая в бассейнах рр. Сулы, Псла и Ворсклы, а, также, вероятно, Северского Донца (Пуголовков 2018: 216-217).

Б.А. Звиздецкий выделил по археологическим материалам «племенные центры» в Древлянской земле: «Летопись не раскрывает социальную сущность древлянских “градов”. Исключения в данном случае составляют лишь Искоростень и Вручий – резиденции князей и “мужей лучших”, “иже держаху Деревьскую землю”. Однако внимательный анализ письменных источников заставляет предположить, что безымянные “грады” являются укрепленными пунктами, где концентрируются представители социальной верхушки. Именно из их числа древляне выбирали 20 представителей (“мужей лучших”), которые едут в 945 г. в Киев с миссией сватовства к овдовевшей Ольге. Количество послов Древлянской земли кажется нам вовсе не случайным. Оно в точности совпадает с количеством “градов”, обнаруженных археологическим путём. Поэтому можем предположить, что 20 послов могли быть полномочными представителями 20 “градов” Древлянской земли, то есть представительство составляло по одному мужу от каждого “града”. На это же указывает и обращение послов к княгине Ольге: “Посла ны Деревьска земля”. В этой связи совершенно неожиданно, на первый взгляд, выглядит пассаж, когда сваты Мала начинают говорить не от его имени, а во множественном числе, восхваляя своих сюзеренов: “А наши князья добри суть, иже распасли суть Деревьскую землю”. Итак, 20 послов были представителями не только и не столько отдельных “Градов”, а в первую очередь, своих князей “иже держаху Деревьскую землю”. Поэтому можем предположить, что 20 древлянских укреплений IX-X в. были резиденциями местных князей, которые управляли племенной территорией. Таким образом, вся Древлянская земля IX – середины X в. выступала суммой 20 территорий отдельных племен во главе со своим местным князем. Союз племен Древлянской земли был политическим образованием, где местные князья покорялись, в первую очередь, своему верховному князю Малу» (Звиздецкий 2008: 76-77).

Вспомним приведённый выше пример с чехами, у которых в IX в. количество «князей» также соответствовало количеству городов (Civitas). У древлян, и, видимо, у других восточнославянских этнополитических союзов ситуация была аналогичной: каждое «малое» племя, входящее в союз, имело своего князя и свой «град» – организационный и политико-административный центр.

И.Я. Фроянов справедливо констатировал: «Размещение первичных племен можно определять по городам, находящимся в границах того или иного союза племен. К городским поселениям северо-западных словен принадлежали, как известно, Новгород и Ладога... если Изборск все же был городом кривичей, то и тогда подтверждается мысль о существовании центров первичных племен, хотя и на примере соседствующего с новгородскими словенами племенного объединения.

Что касается словенских городов – средоточий отдельных племен, к ним, вероятно, следует отнести также Новые Дубовики, Холопий городок. Древнейшим из упомянутых словенских городов являлась, как свидетельствуют археологические данные, Ладога, сооруженная в низовьях Волхова... Время создания поселения – середина VIII в. Ладога возникла в гуще поселений, в окружении поселков-сателлитов, будучи центром заселений округи»; «Старая Ладога возникла и существовала длительное время как племенной центр. Своим происхождением она обязана окрестному населению, организованному в родовые общины. Ладога, рожденная в гуще этих общин, отразила процесс их слияния в единое племя, для поддержания жизнедеятельности которого она и предназначена»; «“Власть центра” отдельного племени (а в этом качестве и предстают перед нами Ладога и Новые Дубовики) распространялась лишь на поселения соплеменников»; «Обратим внимание на весьма знаменательную особенность размещения словенских поселений. Они распределялись скоплениями, гнездами, расположенными друг от друга на расстоянии, исчисляемом порой не одним десятком километров... Логично предположить, что отдельный поселок олицетворял собою род, а скопление поселений – племя» (Фроянов 1992: 26-40. См. также: Фроянов 2015: 98-101).

И.И. Еремеев и О.Ф. Дзюба предприняли попытку выделения «племенных» центров, а соответственно, и «малых» племён, в ареале ильменских словен на основе новых археологических данных: «На роль административных и культовых центров “малых племен” или “родов” подходят, на наш взгляд, только городища первой группы, расположенные в Восточном Приильменье – Бронница, Городок на Маяте и Сельцо. Не исключено, что в этот ряд следует поставить и Холопий Городок, хотя он возникает не ранее VIII в... Области “малых племен” или родов со своими городками после славянского расселения в Приильменье действительно сформировались независимо от трансевропейских торговых путей, только произошло это не в VIII-IX вв., как, вслед за археологами, полагал И.Я. Фроянов, а значительно раньше. Нам представляется, что картина формирования территорий “малых племен” в общих чертах уловлена И.Я. Фрояновым верно. Именно для середины – третьей четверти I тыс. н.э. в Ильменской котловине уместна панорама, нарисованная этим автором – как раз тогда мы видим здесь племенные городки» (Еремеев, Дзюба 2010: 417).

Возможно, И.И. Еремеев и О.Ф. Дзюба слишком жёстко разграничивают славянские «племенные городки» и поселения, связанные с «трансевропейскими торговыми путями». Нельзя исключать, что, по крайней мере, в части случаев поселения могли совмещать обе эти функции, а внедрявшиеся в восточнославянскую среду варяги не обязательно сразу приносили какие-то принципиально новые политические формы. На раннем этапе, они, скорее, просто включались в уже существующую славянскую политическую структуру, дополняя её.

Таким образом, к настоящему времени накоплен достаточный археологический материал, позволяющий

уверенно говорить о существовании в ареале обширных летописных объединений восточных славян более мелких структурных единиц – локальных скоплений памятников со своими центрами.

Эти археологически выделяемые локальные скопления соответствуют «малым» племенам (термин условен, но лучший пока не предложен), существование которых историки предполагают на основе отдельных летописных сообщений (упоминания полочан и семичей, рас-

сказ о древлянах, у которых много князей и которые отправляют в Киев двадцать послов, соответствующих двадцати археологически зафиксированным древлянским городищам), сопоставления восточных славян с западными (по которым мы имеем больше информации), а также с другими народами, находившимися на позднеродовой и предгосударственной стадии развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 1978 - Алексеев Л.В. Некоторые вопросы заселенности и развитие Западнорусских земель в IX-XIII вв. // Древняя Русь и славяне. Сборник к 70-летию академика Б.А. Рыбакова. М.: Наука, 1977. С. 23-30.
- Алексеев 2006 - Алексеев Л.В. Западные земли домонгольской Руси: очерки истории, археологии, культуры. Кн. 1. М.: Наука, 2006. 289 с.
- Барсов 1873 - Барсов Н.П. Очерки русской исторической географии. География начальной летописи. Варшава, 1873. 272 с.
- Горский 1995 - Горский А.А. Кривичи и полочане в IX-X вв. (Вопросы политической истории) // Древнейшие государства восточной Европы. 1992-1993. М.: Наука, 1995. С. 50-63.
- Горский 2004 - Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М.: Языки славянской культуры, 2004. 207 с.
- Горский 2011 - Горский А.А. Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты. СПб.: Алетейя, 2011. С. 129-180.
- Данилевский 2014 - Данилевский И.Н. Восточнославянские «племенные союзы»: Реальность или летописная легенда? // Книга картины Земли. Сборник статей в честь И.Г. Коноваловой / Под ред. Т.Н. Джаксон и А.В. Подосинова. М.: Индрик, 2014. С. 66-75.
- Данилевский 2018 - Данилевский И.Н. Историческая текстология: учебное пособие. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018. 556 с.
- Дворниченко 2006 - Дворниченко А.Ю. О восточнославянском политогенезе в VI-X вв. // *Rossica antiqua*. 2006. Исследования и материалы. СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. С. 184-195.
- Еремеев, Дзюба 2010 - Еремеев И.И., Дзюба О.Ф. Очерки исторической географии лесной части пути из варяг в греки. СПб.: Нестор-История, 2010. 670 с.
- Жих 2012 - Жих М.И. Народ и власть в Киевской Руси (до конца XI века) // Вопросы национализма. 2012. № 10. С. 151-169.
- Жих 2015 - Жих М.И. О соотношении летописных кривичей и полочан // Исторический формат. 2015. № 1. С. 31-52.
- Жих 2015а - Жих М.И. Славянская знать догосударственной эпохи по данным начального летописания // Исторический формат. 2015. № 2. С. 7-28.
- Жих 2017 - Жих М.И. Радимичи (локализация, происхождение, социально-политическая история) // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 12-63.
- Жих 2017а - Жих М.И. Псковские кривичи // Вояджер: мир и человек. 2017. № 8. С. 87-106.
- Жих 2021 - Жих М.И. Имажинарная география летописца или воображение современного автора? Рецензия на статью: Щавелев А.С. «Белые пятна» имажинарной этногеографии «Повести временных лет» // Исторический формат. 2021. № 1. С. 145-155.
- Звіздецкий 2008 - Звіздецкий Б.А. Городища IX-XIII вв. на території літописних древлян. Київ, 2008. 176 с.
- Ключевский 1987 - Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. I. М.: Мысль, 1987. 432 с.
- Константин Багрянородный 1991 - Константин Багрянородный. Об управлении империей. Тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1991. 496 с.
- Литаврин 2001 - Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб.: Алетейя, 2001. 608 с.
- Лукин 2017 - Лукин П.В. «Но преблагии Богъ не хотя смерти грѣшникомъ»: начальное летописание об эпохе Владимира Святого и литературные параллели летописным рассказам // Русь эпохи Владимира Великого: государство, церковь, культура. М.; Вологда: Древности Севера, 2017. С. 283-293.
- Мавродин 1971 - Мавродин В.В. Образование древнерусского государства и формирование древнерусской народности. М.: Высшая школа, 1971. 192 с.
- Мавродин, Фроянов 1974 - Мавродин В.В., Фроянов И.Я. «Старцы градские» на Руси X в. // Культура средневековой Руси. Сборник к 70-летию М.К. Каргера. Л.: Наука, 1974. С. 29-33.
- Макушников 1990 - Макушников О.А. Основные этапы развития летописного Гомия (до середины XIII в.) // Проблемы археологии Южной Руси / Ответственный редактор П.П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1990. С. 56-62.
- Макушников 2002 - Макушников О.А. Гомель с древнейших времён до конца XVIII века. Историко-краеведческий очерк. Гомель: Центр научно-технической и деловой информации, 2002. 244 с.
- Макушников 2009 - Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: Социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. 218 с.
- Мельникова 2011 - Мельникова Е.А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М.: Русский Фонд содействия образованию и науке, 2011. 476 с.

- Морган 1934 - Морган Л.Г. Древнее общество. Л.: Издательство Института народов севера ЦИК СССР, 1934. 352 с.
- Назаренко 2001 - Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.
- Нерознак 1983 - Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. 208 с.
- Нидерле 1898 - Нидерле Л. Человечество в доисторические времена. СПб., 1898. 655 с.
- Новосельцев 2000 - Новосельцев А.П. Восточные славяне и образование древнерусского государства // История России с древнейших времен до конца XVII в. М.: АСТ, 2000. С. 39-85.
- ПСРЛ. I - Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1997. 496 с.
- ПСРЛ. II - Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки славянской культуры, 1998. 648 с.
- ПСРЛ. VII - Полное собрание русских летописей. Т. VII. Воскресенская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2001. 360 с.
- Пуголовк 2018 - Пуголовк Ю.О. До питання про включення південно-східних земель сіверян до складу Русі // Старожитності Лівобережжя Дніпра. К., 2018. С. 216-228.
- Рыбаков 1947 - Рыбаков Б.А. Поляне и северяне (К вопросу о размещении летописных племен на Среднем Днепре) // Советская этнография. 1947. Т. VI-VII. С. 81-105.
- Рыбаков 1953 - Рыбаков Б.А. Древние русы // Советская археология. 1953. Т. XVII. С. 23-104.
- Рыбаков 1964 - Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. М.: Наука, 1964. 240 с.
- Рыбаков 1982 - Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. М.: Наука, 1982. 598 с.
- Седов 1974 - Седов В.В. Длинные курганы кривичей. М.: Наука, 1974. 94 с.
- Седов 1981 - Седов В.В. Об этнической принадлежности псковских длинных курганов // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 166. С. 5-11.
- Седов 1982 - Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М.: Наука, 1982. 328 с.
- Седов 1999 - Седов В.В. Древнерусская народность. Историко-археологическое исследование. М.: Языки русской культуры, 1999. 312 с.
- Седов 1999а - Седов В.В. У истоков восточнославянской государственности. М.: УРСС, 1999. 144 с.
- Седов 2007 - Седов В.В. Изборск в раннем средневековье. М.: Наука, 2007. 413 с.
- Середонин 1916 - Середонин С.М. Историческая география. Петроград, 1916. 245 с.
- Соболевский 1884 - Соболевский А.И. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884.
- Соловьёва 1956 - Соловьёва Г.Ф. Славянские союзы племён по археологическим материалам VIII-XIV вв. н.э. (вятичи, радимичи, северяне) // Советская археология. Вып. XXV. 1956. С. 138-170.
- Спицын 1899 - Спицын А.А. Расселение древнерусских племён по археологическим данным // Журнал министерства народного просвещения. 1899. Т. VIII. С. 301-340.
- Тацит 1993 - Корнелий Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии / Перевод А.С. Бобовича; редактор М.Е. Сергеенко // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. СПб.: Наука, 1993. С. 337-356.
- Тимошук 1990 - Тимошук Б.А. Восточнославянская община VI-X вв. М.: Наука, 1990. 184 с.
- Титмар Мерзебургский 2019 - Титмар Мерзебургский. Хроника. Третье издание, исправленное и дополненное / Перевод с латинского И.В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2019. 674 с.
- Тихомиров 1956 - Тихомиров М.Н. Древнерусские города. М.: Государственное издательство политической литературы, 1956. 478 с.
- Толочко 2002 - Толочко А.П. Воображенная народность // Ruthenica. Т. I. К., 2002. С. 112-117.
- Толочко 2015 - Толочко А.П. Очерки начальной руси. К.; СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.
- Трубачев 1974 - Трубачев О.Н. Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6. С. 48-67.
- Трубачев 2005 - Трубачев О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. Третье издание, дополненное. М.: Наука, 2005. 286 с.
- Флоря 1981 - Флоря Б.Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания славянских племён чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М.: Наука, 1981. С. 97-130.
- Фроянов 1980 - Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.: Издательство ЛГУ, 1980. 256 с.
- Фроянов 1992 - Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб.: Издательство СПбГУ, 1992. 280 с.
- Фроянов 1999 - Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. 372 с.
- Фроянов 2015 - Фроянов И.Я. Лекции по русской истории. Киевская Русь. СПб.: Русская коллекция, 2015. 1048 с.
- Фульдские анналы 2010 - Фульдские анналы / Перевод с немецкого А. Кулакова. 2010 / Электронный ресурс: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Fuld/frametext1.htm (дата обращения - 04.05.2019).
- Хрестоматия 1949 - Хрестоматия по истории средних веков / Под редакцией Н.П. Грацианского и С.Д. Сказкина. Т. I. М.: Учпедгиз, 1949. 404 с.
- Шахматов 1899 - Шахматов А.А. К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. СПб.: Типография В.С. Балашева, 1899. 63 с.
- Шахматов 1919 - Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919. 65 с.

- Шинаков 2012 - Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. С. 34-93.
- Щавелев 2016 - Щавелев А.С. Еще раз о радимичах и пишанцах: анализ письменных текстов и интерпретация археологических данных // Русский сборник. Вып. 8. Т. 2. Брянск: РИО БГУ, 2016. С. 190-195.
- Щавелев 2017 - Щавелев А.С. К интерпретации древнерусских летописных известий о славянских общностях Восточной Европы // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIX Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2017. С. 259-267.
- Щавелев 2019 - Щавелев А.С. «Белые пятна» имагинарной этногеографии «Повести временных лет»: методологические и полемические заметки о локализации общностей дулебов, дреговичей, радимичей, тиверцев и хорватов // Историческая география. Т. 4. М.: Аквилон, 2019. С. 167-198.
- Kowalski 1946 - Kowalski T. Relacja Ibrahima ibn Jakuba z podróży do wo krajów słowiańskich w przekazie Al-Bekrego. Kraków, 1946. 162 s.
- Tolochko 2007 - Tolochko O.P. The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper and the Origin of Rud' State // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Turnhout, 2007. S. 169-188.
- Urbańczyk 2008 - Urbańczyk P. Trudne początki Polski. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008. 420 s.

REFERENCES

- Alekseev 1978 - Alekseev L.V. Nekotorye voprosy zaselennosti i razvitie Zapadnorusskikh zemel' v IX-XIII vv. [Some issues of settlement and development of Western Russian lands in the IX-XIII centuries], in: Drevnyaya Rus' i slavyane. Sbornik k 70-letiyu akademika B.A. Rybakova [Ancient Russia and the Slavs. Collection for the 70th anniversary of Academician B.A. Rybakov], Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 23-30 [in Russian].
- Alekseev 2006 - Alekseev L.V. Zapadnye zemli domongol'skoj Rusi: ocherki istorii, arheologii, kul'tury [The Western Lands of Pre-Mongol Russia: essays on history, archeology, and culture], Vol. 1, Moscow, Nauka Publ., 2006, 289 p. [in Russian].
- Barsov 1873 - Barsov N.P. Ocherki russkoj istoricheskoy geografii [Essays on Russian historical Geography. Geography of the initial chronicle], Geografiya nachal'noj letopisi, Varshava, 1873, 272 p. [in Russian].
- Danilevskij 2014 - Danilevskij I.N. Vostochnoslavjanskije «plemennye sojuzy»: Real'nost' ili letopisnaya legenda? [East Slavic "tribal unions": Reality or a chronicle legend?], in: Kniga kartiny Zemli. Sbornik statej v chest' I.G. Konovalovoj / Pod red. T.N. Dzhakson i A.V. Podosinova [The book is a picture of the Earth. Collection of articles in honor of I.G. Konovalova / Edited by T.N. Dzhakson and A.V. Podosinov], Moscow, Indrik Publ., 2014, pp. 66-75 [in Russian].
- Danilevskij 2018 - Danilevskij I.N. Istoricheskaya tekstologiya: uchebnoe posobie [Historical textology: a textbook], Moscow, Izdatel'skij dom Vysšej shkoly ekonomiki Publ., 2018, 556 p. [in Russian].
- Dvornichenko 2006 - Dvornichenko A.YU. O vostochnoslavjanskom politogeneze v VI-X vv. [On the East Slavic politogenesis in the VI-X centuries], in: Rossica antiqua, 2006, Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 2006, pp. 184-195 [in Russian].
- Eremeev, Dzyuba 2010 - Eremeev I.I., Dzyuba O.F. Ocherki istoricheskoy geografii lesnoj chasti puti iz varyag v greki [Essays on the historical geography of the forest part of the way from the Varangians to the Greeks], Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2010, 670 p. [in Russian].
- Florya 1981 - Florya B.N. Formirovanie cheshskoj rannefeodal'noj gosudarstvennosti i sud'by samosoznaniya slavyanskikh plemyon cheshskoj doliny [The formation of the Czech Early feudal statehood and the fate of the self-consciousness of the Slavic tribes of the Czech Valley], in: Formirovanie rannefeodal'nyh slavyanskikh narodnostej [Formation of early feudal Slavic peoples], Moscow, Nauka Publ., 1981, pp. 97-130 [in Russian].
- Froyanov 1980 - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus'. Ocherki social'no-politicheskoy istorii [Kievan Rus. Essays on socio-political history], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1980, 256 p. [in Russian].
- Froyanov 1992 - Froyanov I.YA. Myatezhnyj Novgorod. Ocherki istorii gosudarstvennosti, social'noj i politicheskoy bor'by konca IX – nachala XIII stoletiya [Rebellious Novgorod. Essays on the history of statehood, social and political struggle of the late IX – early XIII century], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1992, 280 p. [in Russian].
- Froyanov 1999 - Froyanov I.YA. Kievskaya Rus': Glavnye cherty social'no-ekonomicheskogo stroya [Kievan Rus: The main features of the socio-economic system], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1999, 372 p. [in Russian].
- Froyanov 2015 - Froyanov I.Ja. Lekcii po russkoj istorii. Kievskaja Rus' [Lectures on the Russian history. Kievan Rus'], St. Petersburg, Russkaja kollekcija Publ., 2015, 1048 p. [in Russian].
- Ful'dskie annaly 2010 - Ful'dskie annaly / Perevod s nemeckogo A. Kulakova [The Fulda Annals / Translated from the German by A. Kulakov], 2010, Electronic resource: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Fuld/frameset1.htm (Date of access - 04.05.2019) [in Russian].
- Gorskij 1995 - Gorskij A.A. Krivichi i polochane v IX-X vv. (Voprosy politicheskoy istorii) [Krivichs and the Polochans in the IX-X centuries. (Questions of political history)], in: Drevnejšie gosudarstva vostochnoj Evropy [The oldest states of Eastern Europe], 1992-1993, Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 50-63 [in Russian].
- Gorskij 2004 - Gorskij A.A. Rus': Ot slavyanskogo Rasseleniya do Moskovskogo carstva [Rus: From the Slavic Settlement to the Muscovite Kingdom], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2004, 207 p. [in Russian].
- Gorskij 2011 - Gorskij A.A. Slavyanskoe rasselenie i evolyuciya obshchestvennogo stroya slavyan [Slavic settlement and the evolution of the social system of the Slavs], in: Budanova V.P., Gorskij A.A., Ermolova I.E. Velikoe pereselenie narodov: Etnopoliticheskie i social'nye aspekty [The Great Migration of Peoples: Ethnopolitical and social aspects], Saint-Petersburg, Aleteja Publ., 2011, pp. 129-180 [in Russian].
- Hrestomatiya 1949 - Hrestomatiya po istorii srednih vekov / Pod redakciej N.P. Gracianskogo i S.D. Skazkina [A textbook on the history of the Middle Ages / Edited by N.P. Graziansky and S.D. Skazkin], Vol. I, Moscow, Uchpedgiz Publ., 1949, 404 p. [in Russian].

- Klyuchevskij 1987 - Klyuchevskij V.O.** Sochineniya v devyati tomah [Works in nine volumes], Vol. I, Moscow, Mysl' Publ., 1987, 432 p. [in Russian].
- Konstantin Bagrjanorodnyj 1991 - Konstantin Bagrjanorodnyj.** Ob upravlenii imperiej / Teksty, perevod, kommentarij; pod redakciej G.G. Litavrina i A.P. Novosel'ceva [De Administrando Imperio / Texts, translation, comment; Editor-in-chief G.G. Litavrin and A.P. Novoseltsev], Moscow, Nauka Publ., 1991, 496 p. [in Russian].
- Kowalski 1946 - Kowalski T.** Relasja Ibrahima ibn Jakuba z podrozy do wo krajow slowianskich w przekazie Al-Bekrego [The relinquishment of Toggle the table of contents Ibrahim ibn Yaqub from his travels to the Slavic lands in the message of Al-Bakri], Kraków, 1946, 162 p. [in Polish].
- Litavrin 2001 - Litavrin G.G.** Vizantiya i slavyane [Byzantium and the Slavs], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2001, 608 p. [in Russian].
- Lukin 2017 - Lukin P.V.** «No preblagii Bog" ne hotya smerti gr̄shnikom"»: nachal'noe letopisanie ob epohe Vladimira Svyatogo i literaturnye paralleli letopisnym rasskazam ["But the good God did not want sinners to die": the initial chronicle of the era of Vladimir the Saint and literary parallels to chronicle stories], in: Rus' epohi Vladimira Velikogo: gosudarstvo, cerkov', kul'tura [Russia of the era of Vladimir the Great: state, Church, culture], Moscow; Vologda, Drevnosti Severa Publ., 2017, pp. 283-293 [in Russian].
- Makushnikov 1990 - Makushnikov O.A.** Osnovnye etapy razvitiya letopisnogo Gomiya (do serediny XIII v.) [The main stages of the development of chronicle Gomel (until the middle of the XIII century)], in: Problemy arheologii YUzhnoj Rusi / Otvetsvennyj redaktor P.P. Tolochko [Problems of the archaeology of Southern Russia / Responsible editor P.P. Tolochko], Kiev, Naukova dumka Publ., 1990, pp. 56-62 [in Russian].
- Makushnikov 2002 - Makushnikov O.A.** Gomel' s drevnejshih vremyon do konca XVIII veka. Istoriko-kraevedcheskij ocherk [Gomel from ancient times to the end of the XVIII century. Historical and local history essay], Gomel, Centr nauchno-tekhničeskoj i delovoj informacii Publ., 2002, 244 p. [in Russian].
- Makushnikov 2009 - Makushnikov O.A.** Gomel'skoe Podneprov'e v V – seredine XIII vv.: Social'no-ekonomicheskoe i etnokul'turnoe razvitie [Gomel Dnieper region in the V – middle of the XIII centuries: Socio-economic and ethnocultural development], Gomel, GGU im. F. Skoriny Publ., 2009, 218 p. [in Russian].
- Mavrodin 1971 - Mavrodin V.V.** Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva i formirovanie drevnerusskoj narodnosti [The formation of the Ancient Russian state and the formation of the Ancient Russian nationality], Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1971, 192 p. [in Russian].
- Mavrodin, Froyanov 1974 - Mavrodin V.V., Froyanov I.YA.** «Starcy gradskie» na Rusi X v. ["Starcy gradskie" in Russia of the tenth century], in: Kul'tura srednevekovej Rusi. Sbornik k 70-letiyu M.K. Kargera [The culture of medieval Russia. Collection for the 70th anniversary of M.K. Karger], Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 29-33 [in Russian].
- Mel'nikova 2011 - Mel'nikova E.A.** Drevnyaya Rus' i Skandnaviya: Izbrannye Trudy [Ancient Russia and Scandinavia: Selected works], Moscow, Russkij Fond sodejstvija obrazovaniju i nauke Publ., 2011, 476 p. [in Russian].
- Morgan 1934 - Morgan L.G.** Drevnee obshchestvo [Ancient Society], Leningrad, Izdatel'stvo Instituta narodov severa CIK SSSR Publ., 1934, 352 p. [in Russian].
- Nazarenko 2001 - Nazarenko A.V.** Drevnyaya Rus' na mezhdunarodnyh putyah: Mezhdisciplinarnye ocherki kul'turnyh, torgovyh, politicheskikh svyazej IX-XII vv. [Ancient Russia on International Routes: Interdisciplinary essays on cultural, Trade, and Political Ties of the IX-XII centuries], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2001, 784 p. [in Russian].
- Neroznak 1983 - Neroznak V.P.** Nazvaniya drevnerusskikh gorodov [Names of ancient Russian cities], Moscow, Nauka Publ., 1983, 208 p. [in Russian].
- Niderle 1898 - Niderle L.** Chelovechestvo v doistoricheskie vremena [Humanity in prehistoric times], Saint-Petersburg, 1898, 655 p. [in Russian].
- Novosel'cev 2000 - Novosel'cev A.P.** Vostochnye slavyane i obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva [The Eastern Slavs and the formation of the Ancient Russian state], in: Istoriya Rossii s drevnejshih vremen do konca XVII v. [The history of Russia from ancient times to the end of the XVII century], Moscow, AST Publ., 2000, pp. 39-85 [in Russian].
- PSRL. I - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. I.** Lavrent'evskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Volume I. The Laurentian Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1997, 496 p. [in Russian].
- PSRL. II - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. II.** Ipat'evskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Volume II. The Ipatiev Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 1998, 648 p. [in Russian].
- PSRL. VII - Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. VII.** Voskresenskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Volume VII. The Resurrection Chronicle], Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001, 360 p. [in Russian].
- Pugolovok 2018 - Pugolovok YU.O.** Do pitannya pro vkluchennya pivdenno-skhidnih zemel' siveryan do skladu Rusi [On the issue of the inclusion of the southeastern lands of the Northerners into Russia], in: Starozhitnosti Livoberezhzhyia Dnipra [Antiquities of the Left Bank of the Dnieper], Kiev, 2018, pp. 216-228 [in Ukrainian].
- Rybakov 1947 - Rybakov B.A.** Polyane i severjane (K voprosu o razmeshchenii letopisnyh plemen na Srednem Dnepre) [The Glades and the Northerners (On the issue of the placement of chronicled tribes on the Middle Dnieper)], in: Sovetskaya etnografiya [Soviet ethnography], 1947, Vol. VI-VII, pp. 81-105 [in Russian].
- Rybakov 1953 - Rybakov B.A.** Drevnie rusy [Ancient Rus], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], 1953, Vol. XVII, pp. 23-104 [in Russian].
- Rybakov 1964 - Rybakov B.A.** Pervye veka russkoj istorii [The first centuries of Russian history], Moscow, Nauka Publ., 1964, 240 p. [in Russian].
- Rybakov 1982 - Rybakov B.A.** Kievskaya Rus' i russkie knyazhestva XII-XIII vv. [Kievan Rus and the Russian principalities of the XII-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 598 p. [in Russian].
- Sedov 1974 - Sedov V.V.** Dlinnye kurgany krivichej [The long barrows of Krivichi], Moscow, Nauka Publ., 1974, 94 p. [in Russian].
- Sedov 1981 - Sedov V.V.** Ob etnicheskoj prinadlezhnosti pskovskih dlinnyh kurganov [About the ethnicity of the Pskov long barrows], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology], 1981, Vol. 166, pp. 5-11 [in Russian].

- Sedov 1982** - Sedov V.V. Vostochnye slavyane v VI-XIII vv. [The Eastern Slavs in the VI-XIII centuries], Moscow, Nauka Publ., 1982, 328 p. [in Russian].
- Sedov 1999** - Sedov V.V. Drevnerusskaya narodnost'. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie [Ancient Russian nationality. Historical and archaeological research], Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 1999, 312 p. [in Russian].
- Sedov 1999a** - Sedov V.V. U istokov vostochnoslavjanskoj gosudarstvennosti [At the origins of the East Slavic statehood], Moscow, URSS Publ., 1999, 144 p. [in Russian].
- Sedov 2007** - Sedov V.V. Izborsk v rannem srednevekov'e [Izborsk in the Early Middle Ages], Moscow, Nauka, 2007, 413 p. [in Russian].
- Seredonin 1916** - Seredonin S.M. Istoricheskaya geografiya [Historical geography], Petrograd, 1916, 245 p. [in Russian].
- SHahmatov 1899** - SHahmatov A.A. K voprosu ob obrazovanii russkikh narechij i russkikh narodnostej [Russian dialects and ethnic groups on the issue of education], Saint-Petersburg, Tipografiya V.S. Balasheva Publ., 1899, 63 p. [in Russian].
- SHahmatov 1919** - SHahmatov A.A. Drevnejshie sud'by russkogo plemeni [The ancient destinies of the Russian tribe], Petrograd, 1919, 65 p. [in Russian].
- SHCHavelev 2016** - SHCHavelev A.S. Eshhe raz o radimichah i pishhanchah: analiz pis'mennyh tekstov i interpretacija arheologicheskikh dannyh [Once again about Radimichs and Pishchanets: analysis of written texts and interpretation of archaeological data], in: Russkij sbornik. Vyp. 8. T. 2 [Russian collection. Release 8. Volume 2], Bryansk, RIO BGU Publ., 2016, pp. 190-195 [in Russian].
- SHCHavelev 2017** - SHCHavelev A.S. K interpretacii drevnerusskikh letopisnyh izvestij o slavyanskikh obshchnostyah Vostochnoj Evropy [On the interpretation of the Old Russian chronicle news about the Slavic communities of Eastern Europe], in: Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XXIX CHteniya pamyati V.T. Pashuto [Eastern Europe in antiquity and the Middle Ages. XXIX Readings in memory of V.T. Pashuto], Moscow, 2017, pp. 259-267 [in Russian].
- SHCHavelev 2019** - SHCHavelev A.S. «Belye pyatna» imazhinarnoj etnogeografii «Povesti vremennyh let»: metodologicheskie i polemicheskie zametki o lokalizacii obshchnostej dulebov, dregovichej, radimichej, tivercev i horvatov [“White spots” of imaginary ethnogeography “Tale of Bygone Years”: methodological and polemical notes on the localization of communities of Dulebs, Dregovichs, Radimichi, Tivertsy and Croats], in: Istoricheskaya geografiya [Historical geography], Vol. 4, Moscow, Akvilon Publ., 2019, pp. 167-198 [in Russian].
- SHinakov 2012** - SHinakov E.A. Plemena Vostochnoj Evropy nakanune i v processe obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [Tribes of Eastern Europe on the eve and in the process of formation of the Ancient Russian state], in: Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2010 god. Predposylki i puti obrazovaniya Drevnerusskogo gosudarstva [The oldest states of Eastern Europe. The year is 2010. Prerequisites and ways of formation of the Ancient Russian state], Moscow, Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauke Publ., 2012, pp. 34-93 [in Russian].
- Sobolevskij 1884** - Sobolevskij A.I. Ocherki iz istorii russkogo yazyka [Essays from the history of the Russian language], Kiev, 1884 [in Russian].
- Solov'yova 1956** - Solov'yova G.F. Slavyanskije soyuzy plemyon po arheologicheskim materialam VIII-XIV vv. n.e. (vyatichi, radimichi, severjane) [Slavic tribal unions based on archaeological materials of the VIII-XIV centuries AD (Vyatichi, Radimichi, Severians)], in: Sovetskaya arheologiya [Soviet Archaeology], Vol. XXV, 1956, pp. 138-170 [in Russian].
- Spicyn 1899** - Spicyn A.A. Rasselenie drevnerusskikh plemyon po arheologicheskim dannym [Settlement of ancient Russian tribes according to archaeological data], in: ZHurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Public Education], 1899, Vol. VIII, pp. 301-340 [in Russian].
- Tacit 1993** - Kornelij Tacit. O proiskhozhdenii germancev i mestopolozhenii Germanii / Perevod A.S. Bobovicha; redaktor M.E. Sergeenko [On the origin of the Germans and the location of Germany / Translated by A.S. Bobovich; edited by M.E. Sergeenko], in: Kornelij Tacit. Sochineniya v dvuh tomah [Works in two volumes], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 1993, pp. 337-356 [in Russian].
- Tihomirov 1956** - Tihomirov M.N. Drevnerusskie goroda [Ancient Russian cities], Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 1956, 478 p. [in Russian].
- Timoshchuk 1990** - Timoshchuk B.A. Vostochnoslavjanskaya obshchina VI-X vv. [The East Slavic community of the VI-X centuries], Moscow, Nauka Publ., 1990, 184 p. [in Russian].
- Titmar Merzeburgskij 2019** - Titmar Merzeburgskij. Hronika. Tret'e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe / Perevod s latinskogo I.V. D'yakonova [The chronicle. The third edition, corrected and supplemented / Translated from Latin by I.V. Dyakonov], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2019, 674 p. [in Russian].
- Tolochko 2002** - Tolochko A.P. Voobrazhennaya narodnost' [An imaginary nationality], in: Ruthenica, Vol. I, Kiev, 2002, pp. 112-117 [in Russian].
- Tolochko 2007** - Tolochko O.P. The Primary Chronicle's «Ethnography» Revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper and the Origin of Rud' State, in: Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe, Turnhout, 2007, pp. 169-188 [in English].
- Tolochko 2015** - Tolochko A.P. Ocherki nachal'noj rusi [Essays of Primary Russia], Kiev; Saint-Petersburg, Laurus Publ., 2015, 336 p. [in Russian].
- Trubachev 1974** - Trubachev O.N. Rannie slavyanskije etnonimy – svideteli migracii slavyan [Early Slavic ethnonyms – witnesses of the migration of the Slavs], in: Voprosy yazykoznanija [Questions of linguistics], 1974, № 6, pp. 48-67 [in Russian].
- Trubachev 2005** - Trubachev O.N. V poiskah edinstva: vzglyad filologa na problemu istokov Rusi. Tret'e izdanie, dopolnennoe [In search of unity: a philologist's view on the problem of the origins of Russia. Third edition, expanded], Moscow, Nauka Publ., 2005, 286 p. [in Russian].
- Urbańczyk 2008** - Urbańczyk P. Trudne początki Polski [Difficult beginnings of Poland], Wrocław, Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego Publ., 2008, 420 p. [in Polish].
- ZHih 2012** - ZHih M.I. Narod i vlast' v Kievskoj Rusi (do konca XI veka) [The people and the government in Kievan Rus (until the end of the XI century)], in: Voprosy nacionalizma [Issues of nationalism], 2012, № 10, pp. 151-169 [in Russian].

ZHih 2015 - ZHih M.I. O sootnoshenii letopisnyh krivichej i polochan [Relations between Krivichians and Polochans from Annalistic chronicles], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 1, pp. 31-52 [in Russian].

ZHih 2015a - ZHih M.I. Slavyanskaya znat' dogosudarstvennoj epohi po dannym nachal'nogo letopisaniya [Slavs' upper class in the pre-state epoch (from the Earliest medieval annals)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2, pp. 7-28 [in Russian].

ZHih 2017 - ZHih M.I. Radimichi (lokalizaciya, proiskhozhdenie, social'no-politicheskaya istoriya) [The Radimichi: their habitat, origin, and socio-political history], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1-2, pp. 12-63 [in Russian].

Zhih 2017a - Zhih M.I. Pskovskie krivichi [Pskov Kriviches], in: Vojadzher: mir i chelovek [Voyager: world and person], 2017, № 8, pp. 87-106 [in Russian].

ZHih 2021 - ZHih M.I. Imazhinarnaya geografiya letopisca ili voobrazhenie sovremennogo avtora? Recenziya na stat'yu: SHCHavelev A.S. «Belye pyatna» imazhinarnoj etnogeografii «Povesti vremennyh let»: metodologicheskie i polemicheskie zametki o lokalizacii obshchnostej dulebov, dregovichej, radimichej, tivercev i horvatov [Imaginary geography of the chronicler or imagination of a contemporary author? Review of the article: A.S. Shchhavelev "White spots" of imaginary ethnogeography "Tale of Bygone Years": methodological and polemical notes on the localization of communities of Dulebs, Dregovichs, Radimichi, Tivertsy and Croats], in Istoricheskij format [Historical format], 2021, № 1, pp. 145-155 [in Russian].

Zvizdeckij 2008 - Zvizdeckij B.A. Gorodishcha IX-XIII vv. na teritorii litopisnih drevlyan [Settlements of the IX-XIII centuries on the territory of the chronicled Drevlyans], Kiev, 2008, 176 p. [in Ukrainian].

Жих Максим Иванович

– Заместитель главного редактора Международного научного журнала «Исторический формат» (Санкт-Петербург, Россия).

Maksim Zhikh

– Deputy Editor-in-Chief of International Scientific Journal «Historical Format» (Saint Petersburg, Russia).

max-mors@mail.ru

ОБЗОР ДАННЫХ ИСКОПАЕМОЙ ДНК: ГАПЛОКАРТА БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

И. Л. Рожанский

Академия ДНК-генеалогии

Россия, 127591, г. Москва, ул. Дубнинская, д. 26, корп. 1

e-mail: info@dna-academy.ru

Scopus Author ID: 6602811767

Researcher ID: M-8875-2018

<http://orcid.org/0000-0002-7571-7626>

SPIN-код: 9823-3659

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Был собран и систематизирован материал по ископаемым образцам с Балканского полуострова, опубликованный в научных работах с 2015 по январь 2024 года. Данные по более чем 1000 образцам размещены на интерактивной карте на платформе Google Maps. Согласно полученным результатам, Балканский полуостров пережил как минимум 5 волн миграции от палеолита до раннего средневековья, что сопровождалось значительными переменами в демографии региона. Последняя по времени миграция характеризовалась распространением славянских языков и Y-гаплогрупп I2a-Y3120 и R1a. Однако остается открытым вопрос о времени появления и носителях других индоевропейских языков Балкан, включая древнегреческий. Его решение с помощью данных палеогенетики должно уточнить существующие модели возникновения индоевропейской языковой семьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ископаемая ДНК, интерактивная карта, история Балканского полуострова, проблема индоевропейской прародин.

A REVIEW OF ANCIENT DNA DATA: HAPLOMAP OF THE BALKAN PENINSULA

Igor Rozhanskii

Academy of DNA Genealogy

Russia, 127591, Moscow, st Dubninskaya, house 26, building 1

e-mail: info@dna-academy.ru

ABSTRACT

Data on ancient DNA samples from the Balkan Peninsula have been collected and arranged. They are taken from scientific sources published from 2015 to January 2024. More than 1000 samples have been placed onto the interactive map on the Google Maps platform. The current results on ancient DNA samples suggest, that the Balkan Peninsula has undergone at least 5 major migration waves from Paleolithic to early Medieval times. They led to significant demographic changes in its population. The latest wave is characterized by the spread of Slavic languages and Y-haplogroups I2a-Y3120 and R1a. However, there is still an unresolved issue of spread and bearers of other Indo-European languages of Balkans, including ancient Greek. Its solution with the help of paleogenetics data would specify existing models of origins of Indo-European language family.

KEYWORDS: ancient DNA, interactive map, history of the Balkan Peninsula, problem of the Indo-European Urheimat.

ВВЕДЕНИЕ

Настоящая статья продолжает серию обзоров по ископаемой ДНК, начатой в 2017 году (Рожанский 2017) и продолженной спустя 4 года в виде тематических выпусков по данным из Y-гаплогрупп G и I (Рожанский 2021b), Q (Рожанский 2022b), R1a (Рожанский 2022a) и R1b (Рожанский 2021a). При анализе более 3500 образцов из перечисленных выше гаплогрупп были получены сведения по истории Евразии и Северной Америки, которые были ранее недоступны для исследовате-

лей. В частности, при анализе образцов из гаплогрупп G и I удалось независимым методом подтвердить гипотезу о возникновении первых неолитических культур Европы за счет миграции народов из Малой Азии, а также выяснить степень их взаимодействия с коренными жителями Европы. Анализ данных из гаплогрупп R1a и R1b дал прямое подтверждение, что смена археологических культур Европы эпохи ранней бронзы (5000-4200 лет назад) сопровождалась значительными изменениями в демографии и быстрым ростом популяций, в которых

Рис. 1. Места находок ископаемой ДНК с Балканского полуострова

доминировали носители гаплогрупп R1a и R1b. Данные по гаплогруппе Q для Северной и Южной Америки позволили сделать вывод, что они наиболее адекватно описываются моделью однократной миграции группы родственных племен, живших 16500-13500 лет назад на крайнем северо-востоке Евразии.

В предыдущих обзорах отмечался недостаток данных по ископаемой ДНК с Балканского полуострова, что не давало возможности реконструировать демографическую историю региона, сыгравшего ключевую роль в становлении европейской цивилизации. Ситуация изменилась к лучшему за последние 2 года, когда был опубликован ряд статей, целиком посвященных палеогенетике Балкан, либо содержащих значительные по размеру выборки образцов из этого региона. В настоящее время для анализа доступно 1055 образцов ископаемой ДНК из 218 археологических объектов. Места их расположения указаны на карте на рис. 1.

Широкий охват был достигнут не только по географии находок, но и по распределению на шкале времен (см. рис. 2), что дает возможность посвятить их анализу отдельную статью. По мере необходимости, будут также привлекаться данные из других регионов.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Также как в предыдущих обзорах, собранные автором сведения из оригинальных работ размещены на интерактивной карте, где каждый образец помещен в место его находки, а информация по нему открывается в виде всплывающего окна при нажатии на символ.

Во избежание неоднозначности, балканский регион в обзоре определен, исходя из современной политической карты, и включает себя в Грецию, Албанию, Македонию, Болгарию, Сербию, Черногорию, Боснию и Герцоговину, Хорватию, Словению, Румынию, Молдавию и часть Одесской области Украины между устьями Дуная и Днестра. Интерактивную гаплогарту на платформе Google Maps можно найти по следующей ссылке:

<https://www.google.com/maps/d/u/0/edit?mid=1Sq4V DYGJKuCBurpXUL077Ed5dUq3pRE&usp=sharing>

Пример информационного окна приведен на рис. 3. Каждый образец подписан его обозначением в оригинальной публикации, а также снабжен (если доступно) кодом в музейных каталогах, статьях археологов и т.п. Нотация Y-гаплогрупп приедена в соответствие с нотацией YFull v12.00.00 (<https://www.yfull.com/tree/>). Это дает возможности, при необходимости, быстро найти положение образца на древе, пользуясь опцией поиска на портале YFull. Нотация митохондриальных гаплогрупп оставлена такой же, как в оригинальных работах. Если доступно, во всплывающем окне также дается т.н. покрытие (coverage) – среднее число прочтений полного генома образца. Его величина дает представление о степени сохранности ДНК и надежности определения снипов. При тестировании современных образцов ДНК стандартом считается покрытие от 10 до 30, что позволяет, как правило, получить исчерпывающую информацию о позиции на древе гаплогрупп Y- и ми-

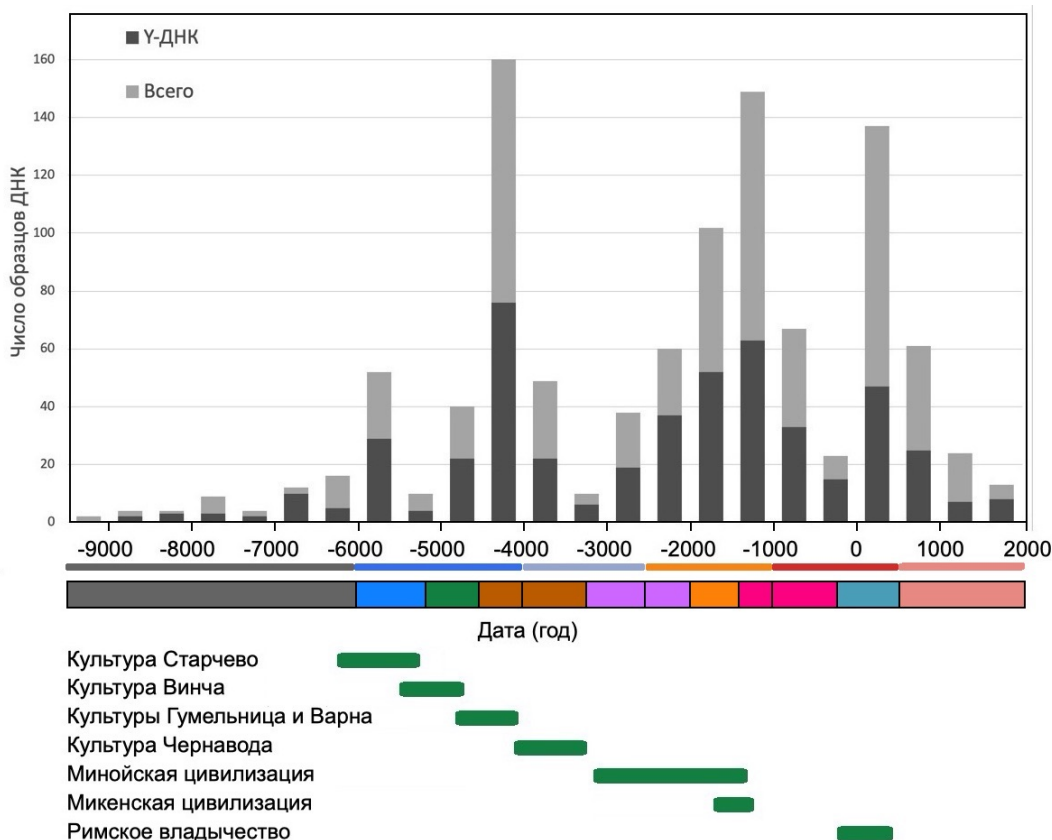

Рис. 2. Распределение опубликованных образцов ископаемой ДНК по датировкам. В нижней части отмечены интервалы существования общностей, сыгравших важную роль в демографической истории балканского региона

тохондриальной ДНК. Если оно меньше, то появляется неопределенность, нарастающая по мере убывания величины. По этой причине данные, полученные на покрытии менее 1, как правило, неоднозначны, а выводы, полученные из анализа, могут различаться у разных исследователей. Чтобы иметь сопоставимые величины, приведено покрытие для стандартного набора из 1,24 миллиона снипов, разработанного в Гарвардском Университете (Mathieson et al. 2015). Средняя датировка (date mean) соответствует среднему арифметическому от верхнего и нижнего пределов, и приведена в годах до нашей эры (отрицательная величина) и нашей эры (положительная). Она используется при сортировке образцов по периодам (см. ниже). В обозначениях полных датировок (full date) аббревиатура «cal» означает, что дата была получена при радиоуглеродном анализе материала из того же образца и откалибрована по общепринятой методике. Доверительный интервал дается для 95 % вероятности. Если пометка «cal» отсутствует, то датировка была получена по косвенным данным: археологическому контексту, близкому родству с образцами, датировки которых известны, и т.д. При заполнении графы «идентификатор группы» (group ID) приоритет отдавался данным из оригинальных работ. Если они отсутствовали или были неоднозначными, привлекались материалы из работ археологов по соответствующей тематике. Графа политическая единица (political entity) соответствует государству, в современных границах которого был найден образец. Названия мест находок (locality) и их координаты (latitude – широта,

longitude – долгота) взяты из оригинальных статей. Если данные по координатам не было или они были заведомо неточными, их поиск автор проводил самостоятельно, используя все доступные материалы. Каждый образец снабжен ссылкой на публикацию, где он описан. Их список можно найти в конце статьи. В оригинальных работах можно, при необходимости, найти другие характеристики образцов, что были опущены в таблицах во избежание излишней перегруженности.

При пользовании картой следует иметь в виду, что образцы, взятые из одного и того же места, накладываются один на другой, а потому виден только последний из списка. Чтобы получить информацию по каждому, следует воспользоваться легендой к карте, где они выписаны по отдельности. Автор сознательно не стал их искусственно разносить, чтобы не исказить фактическое географическое положение того или иного археологического объекта.

В отличие от тематических обзоров по Y-гаплогруппам, на карту нанесены как мужские, так и женские образцы, в том числе те, гаплогруппы которых не определялись в оригинальных статьях. Автор счел это необходимым для того, чтобы дать представление о масштабе и глубине работы, проделанной разными группами палеогенетиков. В списке находок представлено большое число гаплогрупп и субкладов, что может вызвать проблемы с восприятием карты, если каждый из них обозначать собственным символом. Чтобы не усложнять карту сверх меры, все метки даются в виде кружков, а их цвет соответствует слою, в зависимости от датировки.

I5411

Skeletal code	SCCL_12
Y haplogroup	R1b-V2219>Y244183
mtDNA haplogroup	U5a1+@16192
1240k coverage	1.141
Date mean	-6650
Full Date	7000-6300 BCE
Group ID	Romania_IronGates_Mesolithic
Political Entity	Romania
Locality	Iron Gates, Schela Cladovei
Latitude	44.626111
Longitude	22.605833
Publication	MathiesonNature2018

Рис. 3. Пример информационной сводки по образцу ископаемой ДНК с карты

Цвета отрезков под шкалой времен на рис. 2 соответствуют цветам меток для разных слоев на карте. Помимо них, при обсуждении каждого слоя используется более тонкая градация по временной шкале. Соответствующие цвета символов и датировки приведены на рис. 2 в прямоугольниках строкой ниже. Для сортировки автор руководствовался средними датировками образцов, но в ряде случаев в ту или иную группу были включены образцы, формально выходящие за ее временные рамки, но по археологическому контексту и месту находки тесно связанные с ней.

Также как в предыдущих обзорах, в список источников вошли работы, в которых анализ ДНК проводили по технологии NGS (Next Generation Sequencing), а сырые данные по секвенированию образцов были размещены в открытом генетическом банке данных (<https://www.ebi.ac.uk/ena/browser/home>). Эти публикации датируются 2015 годом и позднее. Для дальнейшего уточнения привлекались материалы с порталов YFull (<https://www.yfull.com/tree/>) и FTDNA Discovery (<https://discover.familytreedna.com>), на которых размещены результаты независимого анализа генетических данных для части опубликованных образцов.

По состоянию на конец января 2024 года на интерактивной карте размещено 1055 образцов. Как и в предыдущих обзорах, они распределены по 6 слоям по хронологическому принципу. По тому же принципу построен обзор данных, который ориентирован на ключевые моменты по каждой из рассматриваемых эпох.

СЛОЙ № 1. ПАЛЕОЛИТ И МЕЗОЛИТ

Самые ранние образцы ископаемой ДНК с Балкан были получены из пещеры Виндия в Хорватии, местоположение которой отмечено звездочкой на рис. 4. Согласно уточненным данным, они принадлежат неандертальцам, жившим между 50000 и 45000 лет назад (Devièse et al. 2017). С расшифровки полного митохондриального генома образца Vindija 33.16 начинается отсчет публикаций по палеогенетике древних людей, по результатам которых руководитель исследовательской группы С. Паабо был удостоен Нобелевской Премии в области физиологии и медицины за 2022 год (Green et al. 2008). Образцы из пещеры Виндия в дальнейшем сыграли важную роль в генетических исследованиях гоминид. В частности, данные по их митохондриальной и ядерной ДНК позволили установить, что популяция европейских неандертальцев прошла через бутылочное горлышко между 60 и 70 тысяч лет назад, после чего вновь заселила Европу (Prüfer et al. 2017; Hajdinjak et al. 2018).

За неандертальцами следуют образцы человека современного вида из пещеры Бачо Киро в Болгарии, что на сегодняшний день являются самыми древними из тех, по которым есть данные ДНК – между 45370 и 44600 лет назад (Hajdinjak et al. 2021). Место находки отмечено на рис. 4 желтым кружком, также как для образцов эпохи палеолита из Румынии (Fu et al. 2015; Fu et al. 2016; Svensson et al. 2021). Люди из пещеры Бачо Киро были современниками неандертальцев, а потому центральной темой исследования стал поиск свидетельств, отобразились ли в их геномах следы гибридизации (метисации) с последними. Y-Хромосомные и митохондри-

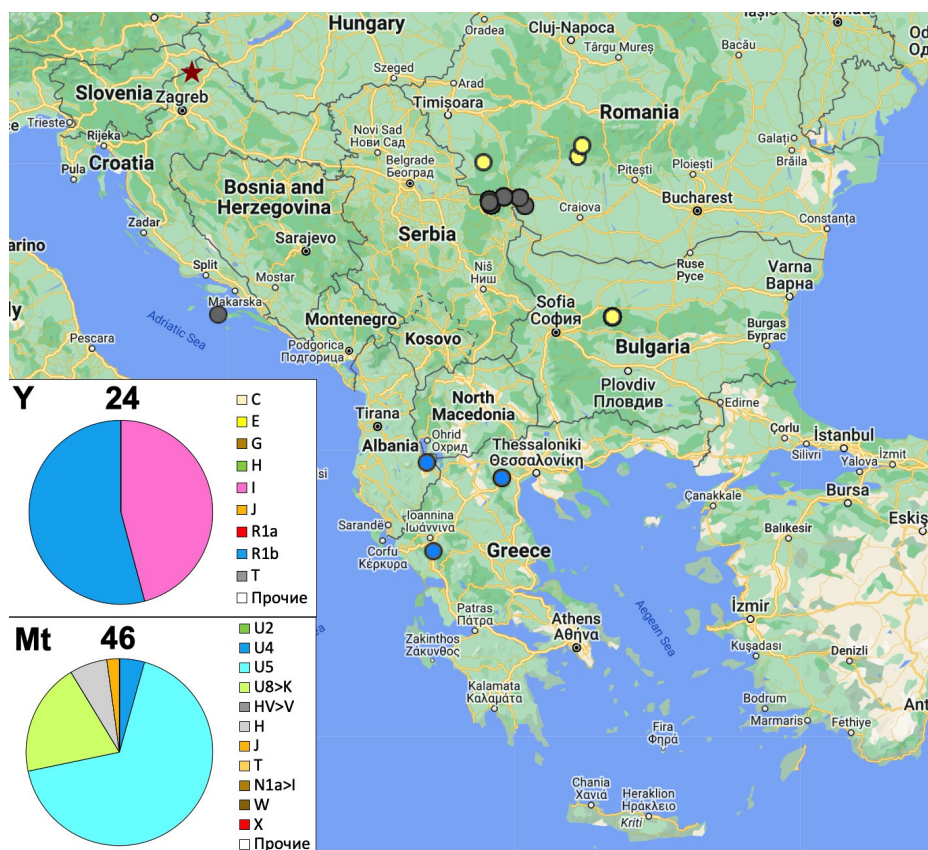

Рис. 4. Снимок экрана для слоя с образцами периодов палеолита и мезолита от 03.01.2024. На врезке приведена статистика по гаплогруппам для образцов периода мезолита. Число образцов указано в цифрах над круговыми диаграммами

альные гаплогруппы людей из Бачо Киро (С и N, соответственно), относятся к анатомически современному человеку, а потому оценку проводили по полным геномам, в которых сохраняются родословные не только по прямой мужской или женской линии. На основании расчета методом f-статистики авторы пришли к выводу, что в родословных двух исследованных ими индивидов из пещеры Бачо Киро гибридизация с неандертальцем имела место за 5-7 поколений до их рождения. Однако, неизвестно, насколько надежна такая оценка, поскольку она сделана на высоком уровне шума. На представленных в статье графиках доля унаследованных от неандертальца сегментов в ДНК этих индивидов составляет 2,5-4 %, тогда как у взятых для сравнения древних и современных образцов она колеблется от 1 до 3 %, не показывая статистически значимой временной и географической зависимости. Очевидно, несмотря на заголовков статьи («Люди начального верхнего палеолита в Европе имели недавнее наследие неандертальцев»), вопрос о времени и самом факте интрогрессии ДНК неандертальца в геном современных людей остается открытым.

Единственным образцом, для которого факт недавней гибридизации можно считать очень вероятным – это человек из пещеры Ку Оасе в Румынии, живший 41900-37700 лет назад. В его геноме определили 6-7 % сегментов ДНК неандертальца, что дало оценку в 4-5 поколений. Однако, эти люди времен начального верхнего палеолита не оставили потомков, доживших до наших дней, а потому вопрос об их гибридизации с неандер-

тальцами выглядит несколько схоластическим. Их линии из Y-хромосомных гаплогрупп C1-F3393 и F оказались тупиковыми, также как митохондриальная гаплогруппа N*. Для женского образца из пещеры Муйерий в Румынии (32228-31195 до н.э.) определили редкую гаплогруппу U6, которая встречается в основном в Северной Африке, но в ископаемой ДНК с Балкан в последующее время пока не найдена. Очевидно, та линия также пресеклась.

Следующие по времени находки появляются спустя более чем 20000 лет после образцов верхнего палеолита. Места находок отмечены серыми кружками на рис. 4. Почти все образцы поступили из района Железных Ворот на Дунае, где в 1960-е годы проводились масштабные археологические раскопки перед затоплением водами водохранилища (Gonzales-Fortes et al. 2017; Mathieson et al. 2018; Marchi et al. 2022). Наиболее крупное поселение получило у археологов название Лепенский Вир, оно же дало название культуре эпохи мезолита. В общей сложности, были опубликованы данные по 46 образцам с датировками от 9500 до 6000 гг. до н.э. Статистика по их гаплогруппам приведена на круговых диаграммах на рис. 4.

Распределение митохондриальных линий в этой группе характерно для европейцев эпохи мезолита – значительный перевес различных ветвей гаплогруппы U5 отмечается для всех исследованных популяций от Испании до Поволжья. В Y-ДНК людей из культуры Лепенский Вир определены субклады гаплогруппы I2, распространенные также в других частях древней Европы.

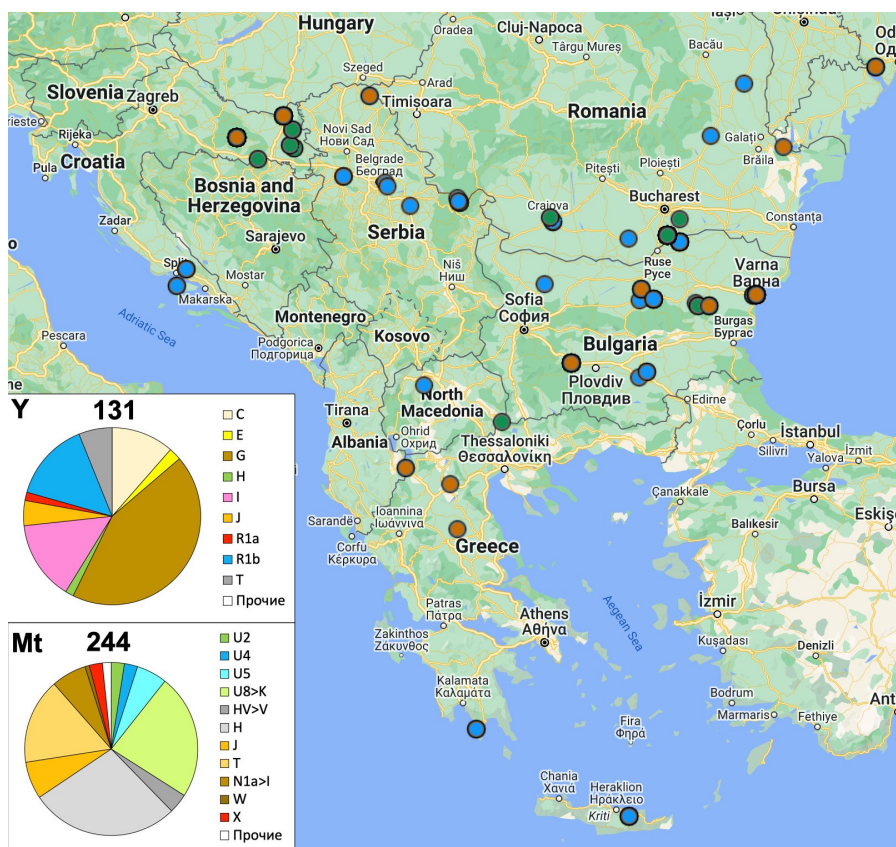

Рис. 5. Снимок экрана для слоя с образцами периода неолита от 03.01.2024. На врезке приведена статистика по гаплогруппам. Число образцов указано в цифрах над круговыми диаграммами

К ним относятся I2a-P37>S21825, I2a-M436>S2555 и I2a-M436>M223. Людей из этой группы выделяет на фоне других европейских популяций эпохи мезолита высокая доля гаплогруппы R1b-V2219, впоследствии угасшей в Восточной Европе. Поскольку результат был получен на сравнительно небольшой выборке в ограниченном ареале, неизвестно, является ли высокая доля субклада R1b-V2219 и нисходящего от него R1b-V88 локальной особенностью или она была характерна для всего региона. За пределами Железных Ворот этот субклад был найден в единичных образцах из Испании, Италии, Германии, Чехии и Дании эпохи неолита в качестве минорной линии к гаплогруппе I2. В значимых количествах он представлен в образцах эпохи мезолита и неолита с Украины, из района днепровских порогов, также в сочетании с митохондриальной гаплогруппой U5 (Mathieson et al. 2018; Allentoft et al. 2024). Вероятно, эти две группы людей находятся в родстве друг с другом, однако их происхождение и пути миграций пока остаются неизвестными в отсутствие данных из других мест.

Наконец, несколько образцов из Греции и Албании с датировками ранее 6000 г. до н.э. находятся в родстве не со своими современниками на Дунае, а с жителями Малой Азии той же эпохи и Балкан периода неолита, как можно заключить из митохондриальных гаплогрупп K1a, N1a1a1 и X2b. Они обозначены синими кружками. По археологическому контексту эти люди представляют первую волну миграции из Малой Азии, о которой подробнее рассказано в следующем разделе.

СЛОЙ № 2. НЕОЛИТ

Слой насчитывает 264 образца со средними датировками от 6000 до 4000 гг. до н.э. Статистика по гаплогруппам приведена на круговых диаграммах. Для большей информативности, образцы периода неолита поделены на подгруппы по хронологическому принципу: со средними датировками между 6000 и 5300 гг. до н.э. (синие кружки), между 5300 и 4630 гг. до н.э. (зеленые) и между 4630 и 4000 гг. до н.э. (коричневые). Образцы найдены в разных странах, но систематические данные по всем трем периодам есть пока только для Хорватии и Сербии.

Обращает на себя внимание почти полная замена митохондриальных линий на гаплогруппы, принесенные из Малой Азии. Например, доминировавшая в мезолитической Европе гаплогруппа U5 определена всего у 14 образцов из 244, то есть на уровне $6 \pm 3\%$, с учетом статистической погрешности. Мужские линии коренного населения Балкан сохранились в большей степени – гаплогруппы I2 и R1b-Y2219 определены для 38 образцов из 131, что соответствует $29 \pm 8\%$. Данные по смене гаплогрупп согласуются со сведениями из археологии и антропологии о миграции земледельческих племен из Малой Азии. Однако, выраженная асимметрия в распределении мужских и женских линий в пользу последних требует осмысления. В Евразии времен бронзы и железа, как правило, наблюдалась обратная картина – Y-гаплогруппы мигрантов вытесняли линии прежнего населения, тогда как распределение митохондриальных гаплогрупп менялось мало. Последняя модель со-

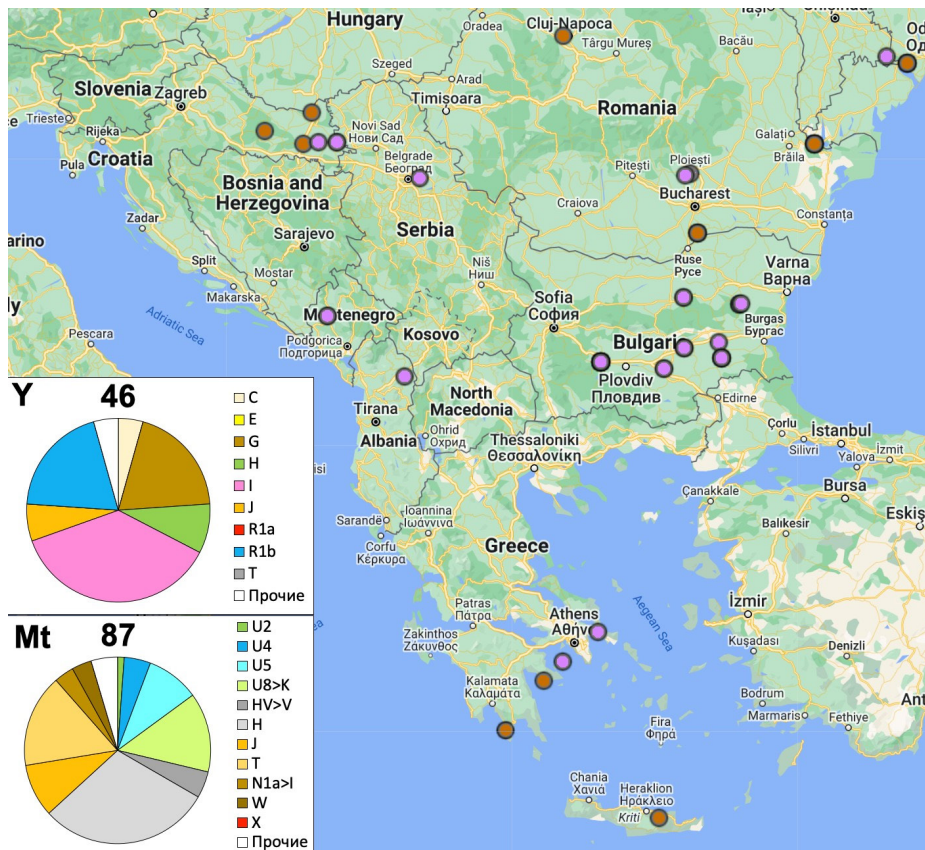

Рис. 6. Снимок экрана для слоя с образцами периода энеолита от 03.01.2024. На врезке приведена статистика по гаплогруппам. Число образцов указано в цифрах над круговыми диаграммами

гласуется с патрилокальной системой отношений, когда жена уходит в семью мужа, а социальные связи строятся на родстве по мужской линии. Является ли статистически значимое отклонение свидетельством, что в сообществах балканского региона того времени существовала система отношений, отличная от патрилокальной, или его можно объяснить какими-то иными причинами, пока неизвестно. Решение этого важного для истории Европы вопроса требует привлечения новых данных и новых подходов в палеогенетике.

Среди Y-хромосомных линий, помимо унаследованных от коренного населения, найдены ветви, характерные для Малой Азии с теми же или более ранними датировками. Это субклады C1a-V20>V86, G2a-PF3147, G2a-PF3359, G2a-P303 и H2-P96. Образцы из перечисленных выше субкладов распределены по археологическим объектам и периодам почти случайным образом, что не дает возможности использовать данные ДНК для решения вопроса о преимственности населения из археологических культур региона той эпохи. В частности, одним из таких вопросов является происхождение культуры Винча, существовавшей на северо-западе Балканского полуострова с середины V тыс. до н.э. до середины IV тыс. до н.э. По мнению ряда археологов, она явилась результатом эволюции локального варианта культурно-археологической общности Старчево-Кёрёш-Криш, которую создали мигранты первой волны. Согласно альтернативной трактовке, она возникла за счет нового этапа миграции (Porčić 2020). В трактовке анатолийской гипотезы происхождения ин-

доевропейских языков, ее носители первыми принесли их в Европу (Дыбо 2006). Несколько образцов из Сербии времен культуры Винча принадлежат к тем же субкладам гаплогруппы G, что более ранние образцы с Балкан и из Малой Азии; аналогичная ситуация была также с митохондриальными гаплогруппами (Mathieson et al. 2018). Полученные результаты означают, что либо культура Винча родилась в среде потомков мигрантов первой волны, в согласии с первой гипотезой, либо вторая волна пришла из тех же мест, что первая, принесла с собой инновации в материальной культуре, но не в генетике. По имеющимся немногочисленным данным пока нет возможности выбрать наиболее вероятную гипотезу.

Общей чертой основных Y-хромосомных линий людей из балканских неолитических культур является их уход на второй план в последующие эпохи, вплоть до полного исчезновения. Однако, уже в неолите фиксируются единичные пока образцы из линий, что в последующем станут в регионе одними из основных. Это E1b-L618 из культур кардиальной керамики в Хорватии (6007-5803 до н.э.) и Варна в Болгарии (4580-4350 до н.э.). Быстрый рост нисходящего субклада E1b-V13 начнется спустя несколько тысячелетий и захватит более обширный ареал.

СЛОЙ № 3. ЭНЕОЛИТ

В слой включено 97 образцов со средними датировками от 4000 до 2500 гг. до н.э., из которых 32 приходится на археологический объект Урзичени на севере

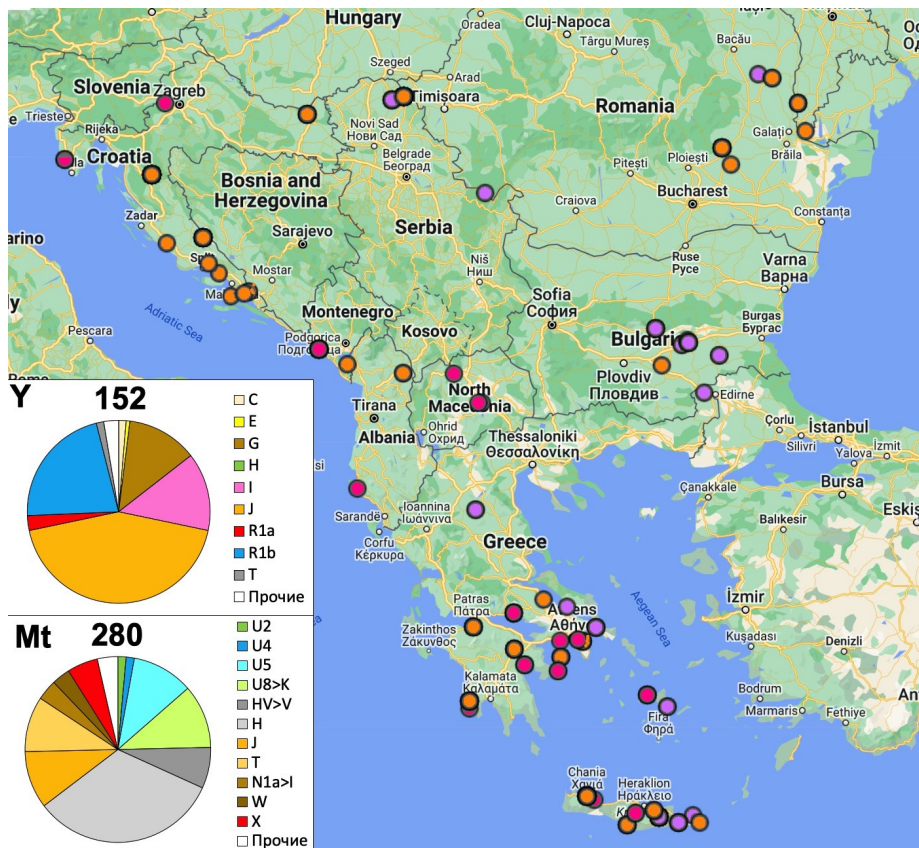

Рис. 7. Снимок экрана для слоя с образцами бронзового века от 03.01.2024. На врезке приведена статистика по гаплогруппам. Число образцов указано в цифрах над круговыми диаграммами

Румынии, за пределами снимка экрана на рис. 6. Столь заметное снижение числа образцов в сравнении с предшествующей эпохой неолита вызвано, прежде всего, изменением характера археологических объектов. На смену долговременным городищам приходят поселения размером в несколько жилищ, которые функционировали в течение 2-3 поколений. Их обнаружение, равно как обнаружение останков их обитателей – более сложная задача, чем в случае культур эпохи неолита. Археологи отмечают также заметный регресс в технологии (Anthony 2007: 225-230). В работах М. Гимбутас этот период получил образное название «Гибель Старой Европы». Немногочисленные находки того времени, между 4000 и 3300 гг. до н.э., отмечены на рис. 6 коричневыми кружками.

Согласно гипотезе М. Гимбутас и ее последователей, изменения начала энеолита были вызваны вторжением степных племен, носителей индоевропейских языков. К их числу относили создателей культуры Чернавода, существовавшей в 4000-3200 гг. до н.э. на востоке Румынии. Недавно были опубликованы данные по 11 образцам из Румынии и Одесской области, отнесенным к этой культуре (Penske et al. 2023). По четырем из них есть результаты Y-ДНК. Определены гаплогруппы I2a-M223>L701 (2 образца), J2a-M410 и R1b-V1636. Столь малая выборка не позволяет с определенностью судить о происхождении людей из культуры Чернавода. Субклад I2a-M223>L701 в предшествующую эпоху был распространен на юго-востоке Европы от Балкан до бассейна Дона, а потому не может служить индикатором

степного происхождения. Низкое покрытие образца из гаплогруппы J2a-M410 не позволяет установить субклад, что дал бы привязку к той или иной группе той эпохи. Редкий субклад R1b-V1636 был найден в более ранней Хвалынской культуре Поволжья (Anthony et al. 2022) и в степях Предкавказья того же времени (Wang et al. 2019), что может указывать на степные корни индивида из археологического объекта Картал, недалеко от Измаила. При моделировании геномных данных образцов из культуры Чернавода методом f-статистики в оригинальной работе отметили их промежуточное положение между популяциями юго-востока Европы эпохи неолита и образцами из Хвалынской культуры Поволжья. Находка образца из субклада R1b-V1636 близ устья Дуная согласуется с моделью о появлении людей степного происхождения, но данных пока недостаточно, чтобы выяснить детали.

Западным соседом культуры Чернавода была культура Бодроккерестур, которую также рассматривают в контексте распространения индоевропейских языков. Одним из аргументов в пользу такой трактовки был похоронный обряд, схожий с обрядом из более поздней культуры шнуровой керамики, носителей которой почти единогласно считают индоевропейцами: мужчин укладывают в могилу в скорченном положении на правом боку, женщин – на левом. Отнесенный к ней археологический объект Урзичени дал больше всего образцов для периода между 4000 и 3300 гг. до н.э. (Harney et al. 2021; Lazaridis et al. 2022). Определенные у них Y-гаплогруппы почти поровну разделились между I2 (7

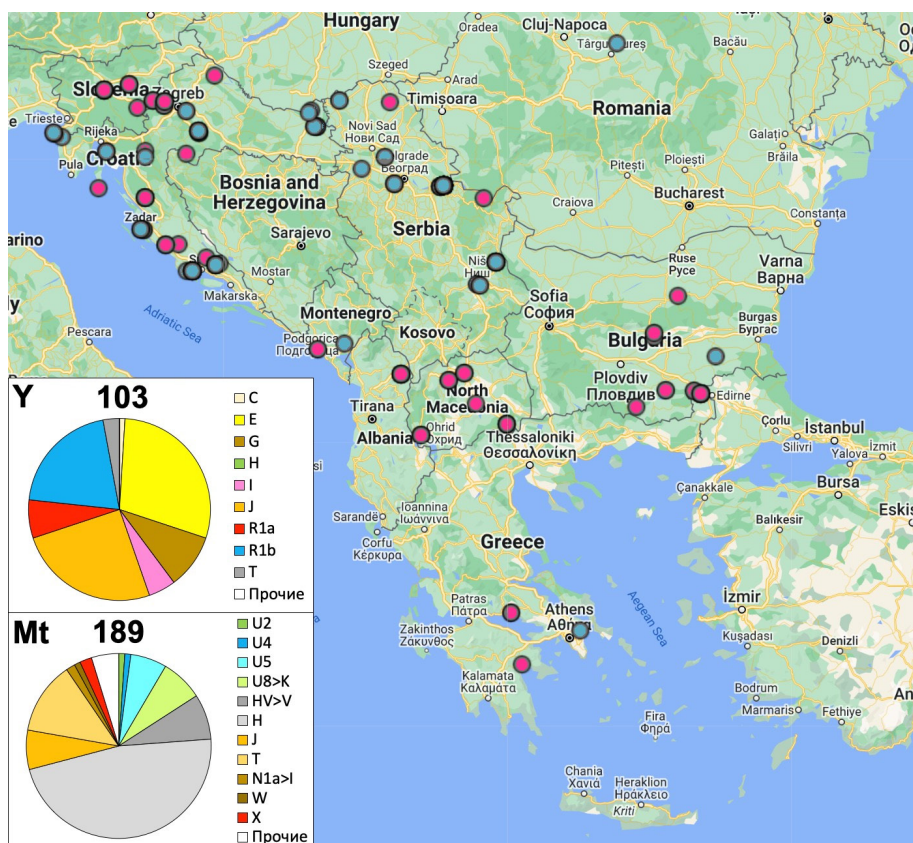

Рис. 8. Снимок экрана для слоя с образцами железного века от 03.01.2024. На врезке приведена статистика по гаплогруппам. Число образцов указано в цифрах над круговыми диаграммами

образцов) и «неолитической триадой» C1, G2a, H2 (9 образцов), что характерно для культур позднего неолита Венгрии, на границе с которой находится некрополь. Среди 32 образцов митохондриальной ДНК был только один из гаплогруппы U5, остальные входят в линии, принесенные из Малой Азии. Можно заключить, что родословные жителей того поселения эпохи энеолита ведут в Малую Азию и Балканы эпохи мезолита, не затрагивая степную зону.

Ситуация заметно поменялась в последующий период, между 3300 и 2500 гг. до н.э. Места находок, датированных этим периодом, отмечены на рис. 6 сиреневыми кружками. В дополнение к набору Y-гаплогрупп, характерному для Урзичени (см. выше), появляются образцы из субклада R1b-Y2219, который в ту эпоху был характерен для ямной и афанасьевской культур степной зоны Евразии. Самые ранние образцы датируются 2900-2700 гг. до н.э. Первый (MAJ017) поступил из археологического объекта Маяки в Одесской области, и был отнесен к усатовской культуре, которая сменила культуру Чернавода в Северо-Западном Причерноморье (Penske et al. 2023). Второй (I18801) был найден в кургане Могила на юго-востоке Болгарии. По археологическому контексту и положению костяка (на спине с ногами, согнутыми в коленях) он был отнесен к ямной культуре, носители которой оставили многочисленные следы к югу от Дуная (Lazaridis et al. 2022). Несколько более поздним временем датируются образцы из Болгарии (Бояново) (Penske et al. 2023) и Хорватии (Белы Манастыр) (Mathieson et al. 2018). В силу небольшого количества образцов этого пе-

риода и их территориальной разбросанности сложно оценить, какую долю в населении балканского региона тогда составляли мигранты из степей Причерноморья.

Ранее распространенный на Балканах субклад R1b-Y2219 не был обнаружен среди 46 образцов Y-ДНК из этого слоя, в согласии с общей закономерностью о «вымывании» линий древнего населения Балкан. Можно отметить обнаружение трех образцов из субклада I2a-M423>L621 в Болгарии и Румынии (Penske et al. 2023). В последующем нисходящий от него субклад I2a-Y3120 станет одной из основных линий региона.

СЛОЙ № 4. БРОНЗОВЫЙ ВЕК

Эпоха бронзы, ограниченная в обзоре средними датировками с 2500 по 1000 гг. до н.э., вновь дала выборку образцов, сопоставимую по размерам с эпохой неолита. Чтобы иметь представление о динамике находок, образцы разделены по хронологии: 2500-2000 до н.э. (сиреневые кружки, 61 образец), 2000-1400 до н.э. (оранжевые, 128) и 1400-1000 до н.э. (малиновые, 122).

В отличие от предыдущих эпох, основная часть образцов (140 из 311) поступила из Греции, что ранее была на периферии внимания палеогенетиков. Немногочисленные образцы времен неолита и энеолита не давали возможности получить связную картину по истории заселения юга Балканского полуострова. Среди Y-хромосомных линий эпохи бронзы на первом месте как в материковой, так и в островной Греции оказывается J2a-M410 – 30 из 70 образцов. Среди них можно отметить субклады J2a-M67 (7 образцов), J2a-Y5014>M319

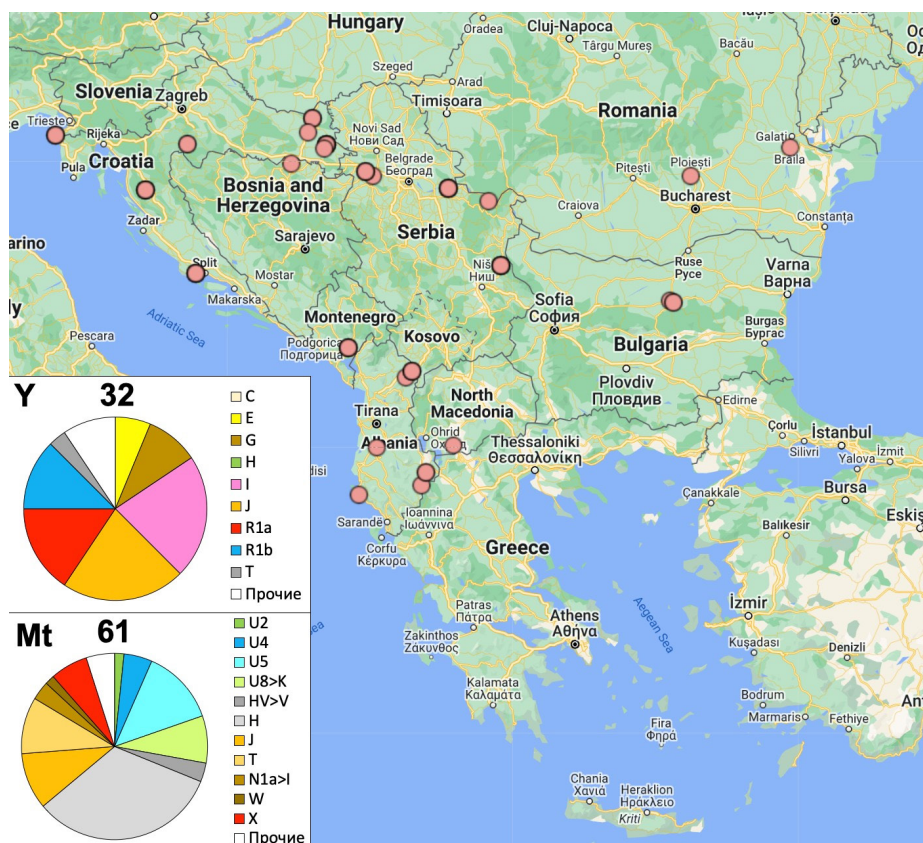

Рис. 9. Снимок экрана для слоя с образцами Средних Веков и Нового Времени от 03.01.2024. На врезке приведена статистика по гаплогруппам. Число образцов указано в цифрах над круговыми диаграммами

(6 образцов) и J2a-Z6064 (6 образцов), что по сей день распространены в Греции, Турции и Средиземноморье. Помимо J2a, гаплогруппа J представлена в Греции эпохи бронзы гаплогруппами J1 (7 образцов) и J2b (4 образца). Столь высокая доля гаплогруппы J дает основание предположить, что заселение Греции проходило за счет миграций, отличных от тех, что рассматривались выше для северной части Балканского полуострова. В находках предшествовавших эпох гаплогруппа J представлена единичными образцами, в сравнении с доминировавшими тогда гаплогруппами Старой Европы: C1, G2a, H2, I2 и R1b-Y2219.

Малое число образцов из Греции времен неолита и энеолита не позволяет пока выяснить с определенностью, когда началась миграционная волна, принесшая людей из гаплогруппы J, и по какому маршруту она проходила. К началу минойской цивилизации их уже было большинство. Если принять во внимание культурные связи минойцев и их достижения в мореплавании, то можно предположить, что освоение Греции проходило морским путем со стороны Малой Азии через острова Эгейского моря.

На втором месте в Греции эпохи бронзы находится гаплогруппа G2a (14 образцов из 70), представленная субкладами, что появились на Балканах во времена раннего неолита: G2a-PF3147, G2a-PF3359 и G2a-P303. К одному из этих субкладов, вероятно, принадлежит «Воин с грифоном» (I13519) из Пилоса на юге Пелопоннеса, который стал одной из самых громких археологических находок в Греции последних 25 лет (<https://griffinwarrior.org/about/>).

Образец ДНК атлетически сложенного молодого мужчины, похороненного с необычайной пышностью, дал слишком низкое покрытие, чтобы углубиться дальше уровня гаплогруппы G, а потому его точное отнесение пока неясно. Вероятно, жители Греции бронзового века из гаплогруппы G2a являются потомками мигрантов первой волны, заселившей Европу в раннем неолите. Однако, кто-то из них мог появиться и позже, вместе с людьми из гаплогруппы J.

Наконец, концом бронзового века (1400-1000 до н.э.) датируется 6 образцов из гаплогруппы R1b-M269, носители которой тысячелетием раньше расселились по всей Центральной и Западной Европе (Lazaridis et al. 2022; Skourtanioti et al. 2023). Для образцов с приемлемым покрытием был установлен редкий субклад R1b-PF7562, который до того не был обнаружен ни в степных культурах, ни в Европе. По этой причине пути, приведшие его носителей на Пелопоннес и Крит, пока неизвестны. Возможно, этот субклад был минорной линией в степных культурах, наряду с намного более успешным R1b-Z2103, но для доказательства нужны новые данные.

Образцы из северной части Балканского полуострова географически разрозненны, что усложняет изучение преемственности населения в эпоху бронзы. В отличие от Греции, среди 82 опубликованных образцов Y-ДНК нет ни одного из гаплогруппы J2a, а на первый план выходит R1b в количестве 27 образцов. Среди них в равной степени представлены как «западный» субклад R1b-L51, так и «восточный» R1b-Z2103. Первый встречается в западной части (Хорватия, Словения,

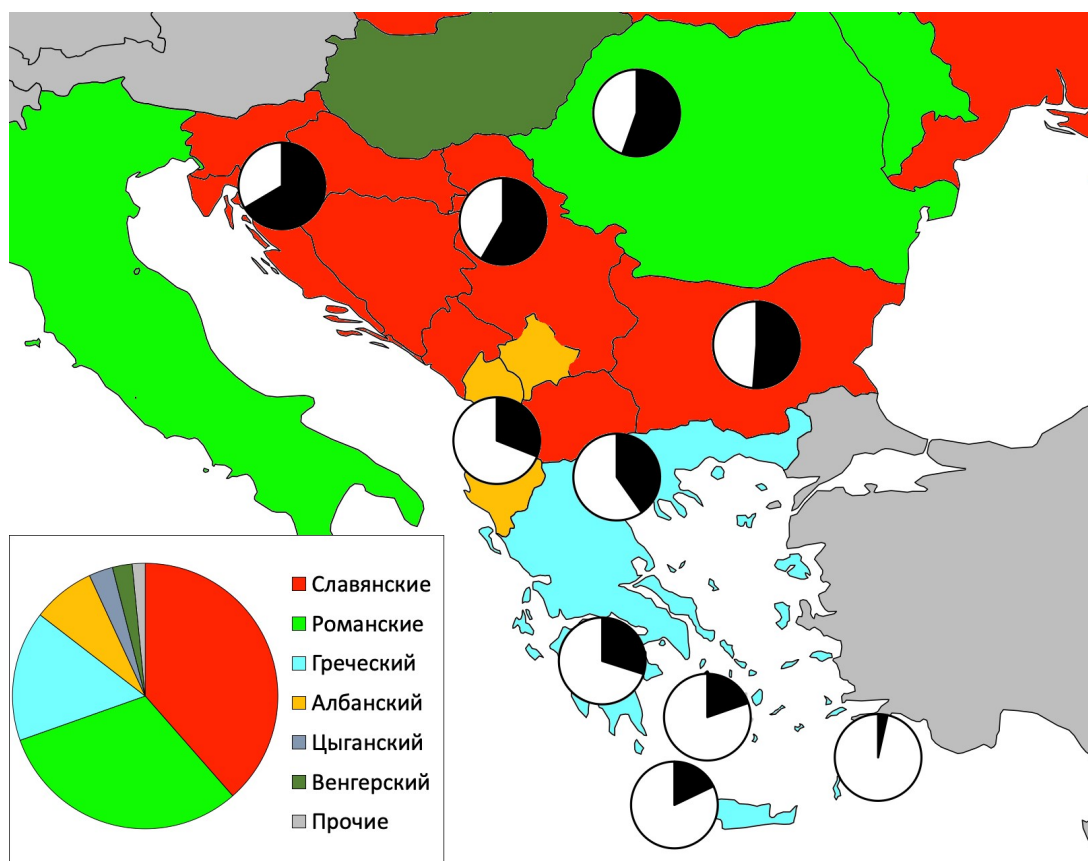

Рис. 10. Политическая карта балканского региона, с указанием принадлежности государственных языков стран и территорий к той или иной группе. Численная статистика приведена на врезке. Черные сектора на круговых диаграммах отмечают долю восточноевропейской компоненты в геномах современных жителей, согласно опубликованным оценкам (Olalde et al. 2023)

Сербия), второй – в восточной (Сербия, Македония, Албания, Болгария, Молдавия), в согласии с данными по ямной культуре из Болгарии предшествующей эпохи. Образцы из пещеры Безданыча на западе Хорватии, датируемые 1500-800 гг. до н.э., представляют субклад R1b-L51>P312>U152>L2, история которого берет начало в культуре колоколовидных кубков Центральной Европы. О преемственности с предыдущим населением можно судить по 26 образцам из гаплогрупп G2a и I2. Как и ранее, доля гаплогруппы G2a, принесенной из Малой Азии, продолжает снижаться – 5 образцов против 21 из гаплогруппы I2, унаследованной от аборигенов Европы.

На третьем месте находится субклад J2b-L283, численный рост которого начался незадолго до времени самой ранней находки, датируемой 2100-1800 гг. до н.э. К нему принадлежит 24 образца в западной части региона, от Хорватии до Греции. В настоящее время он чаще всего встречается у албанцев, в наибольшей мере сохранивших линии Балкан эпохи бронзы.

СЛОЙ № 5. ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

В слое размещен 251 образец с датировками от 1000 г. до н.э. по 600 г. н.э. Он поделены на два периода: 1000-140 до н.э. и 140 до н.э. – 600 н.э. Последний соответствует времени, когда большая часть Балканского полуострова находилась в составе Римской Империи, что вызвало сдвиги в демографии.

Эпоха до римского завоевания представлена 87 образцами, преимущественно из Хорватии, Словении, Македонии и Болгарии. Места находок отмечены малиновыми кружками на рис. 8. Из-за небольшого размера выборки и территориальной разбросанности образцов пока сложно установить, произошли ли сколько-нибудь значимые изменения в демографии и этническом составе Балканского полуострова в сравнении с эпохой бронзы. Однако, можно отметить несомненную преемственность населения в приморской части Хорватии. Также как в эпоху бронзы, здесь наблюдается заметный перевес субклада J2b-L283. Из античных источников известно, что эти земли тогда населяли иллирийцы, язык которых выделяют в отдельную ветвь индоевропейской семьи. На территории Болгарии и Македонии в то же самое время на первом месте по числу находок находится субклад E1b-V13, что сохраняет свои лидирующие позиции по настоящее время. По-видимому, он был одной из основных линий фракийцев, северных соседей греков времен античности. Был ли он распространен среди самих греков, пока неизвестно из-за недостатка данных по Y-ДНК Греции железного века.

Ископаемой ДНК с Балкан времен римского владычества было посвящено отдельное исследование (Olalde et al. 2023; Antonio et al. 2024). В базах данных размещена информация о 163 образцах с датировками от I до V веков н.э., но не для всех из них опубликованы гаплогруппы. Места находок отмечены синими кружками на рис. 8. Почти 40 % образцов (62 из 163) приходится на Вимина-

циум (Viminacium) – административный центр римской провинции Мёзия. Руины города, находившего в 60 км ниже по течению Дуная от современного Белграда, сейчас превращены в музей под открытым небом. Остальные образцы поступили преимущественно из Хорватии и Сербии, с территорий римских провинций Далмация и Мёзия. На основании исследования генетическими методами авторы делают вывод о смешанном характере городского населения этих провинций.

Большинство составили потомки населения Балкан раннего железного века, но заметная доля принадлежит уроженцам восточных провинций Империи. Как и в доримскую эпоху, маркерами местных народов в Y-ДНК остаются субклады E1b-V13 (не менее 13 образцов), J2b-L283 (4 образца) и R1b-Z2103 (4 образца). Уроженцы Ближнего Востока представлены ветвями гаплогрупп E, G и J, не характерными для балканского региона. О мобильности людей в Римской Империи можно судить по захоронению «Алладина» (образец I15499) – юноши 15-17 лет, которого в последний путь сопровождала керамическая масляная лампа изящной работы. Согласно анализу антропологических данных и изотопного состава зубной эмали, он был уроженцем Восточной Африки. Митохондриальная гаплогруппа L2a1j и Y-хромосомная E1b-V12>V32 подтверждают выводы. Последняя чаще всего встречается у современных сомалийцев. Начиная с IV века, среди похороненных в римских городах Далмации и Мёзии появляются уроженцы Северной Европы и евразийских степей, как следует из анализа геномов. Их можно распознать по гаплогруппам I1 и R1a-Z93, соответственно. Кем были те люди – переселенцами или наемными солдатами – пока неизвестно. Авторы оригинальной статьи проявляют осторожность при обсуждении результатов, подчеркивая, что они касаются, прежде всего, городского населения, что во времена Римской Империи было более пестрым, чем сельское. На состав находок могли также повлиять разные погребальные традиции – в каких-то социальных и этнических группах в то время практиковалась кремация, а потому они недостаточно представлены в выборке (Olalde et al. 2023).

СЛОЙ № 6. СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

В слое насчитывается 74 образца с датировками от VIII до XVIII века. Также, как по многим другим регионам, Средние Века пока не привлекают внимания палеогенетиков, в сравнении с другими эпохами. Большая часть образцов (40 из 74) была собрана в Сербии и Хорватии в ходе исследования, посвященного палеогенетике Балкан нашей эры (Olalde et al. 2023). Авторы указали на более, чем 100-летний разрыв между самыми поздними находками римского периода и самыми ранними времен Средневековья. В него попадает весь VII век, на который приходится вторжения кочевых племен аваров и булгар, проникновение славян и резкое падение численности населения, вызванное разрывом экономических связей и пандемией «юстиниановой чумы». Упадок городов и политическая нестабильность того периода, очевидно, стали причиной, что археологи

не располагают в достаточном количестве материальными свидетельствами, включая костные останки.

Среди жителей славянских поселений, возникших на месте городов римского времени, по-прежнему обнаружены специфические для Балкан железного века субклады E1b-V13 и J2b-L283 (в сумме 4 образца), но их превосходят по численности ветви I2a-Y3120 и R1a-Z280 (7 образцов), что почти не встречались в находках римского времени из тех же мест. Хотя при столь малой статистике сложно делать категоричные выводы, по сумме ископаемых и современных данных можно заключить, что массовое появление на территории Балканского полуострова людей из субкладов I2a-Y3120 и R1a-Z280 (а также R1a-M458) можно датировать «темными веками» между упадком городов римского времени и возникновением новых политических образований с преимущественно славянским населением. Это период между VI и VIII веками, о событиях которого известно в основном по византийским источникам. Они сообщают о многочисленных славянских племенах, которые селились на обезлюдивших к тому времени землях, номинально входивших в состав Византийской Империи, но фактически ей не подконтрольных. Эти сведения согласуются со статистикой по ветвям гаплогрупп I2a и R1a на Балканах, что характерно для славянских народов.

Также как в римскую эпоху, в находках встречаются выходцы из дальних мест. Среди них можно отметить братьев-близнецов, похороненных в соседних могилах в X веке у деревни Равна на востоке Сербии, рядом с болгарской границей (образцы I15538 и I15539). По результатам анализа их генома, и в согласии с Y- и митохондриальной гаплогруппами (R1b-L51>P312>DF99 и H1e1a6, соответственно), они, очевидно, были уроженцами Испании или юга Франции. Это первая опубликованная находка ископаемой ДНК однойцевых близнецов, достигших взрослого возраста. Ранее находили новорожденных младенцев. Исследователям пришлось провести дополнительную проверку, чтобы подтвердить, что образцы ДНК получены от разных людей, а не от одного и того же.

ОБСУЖДЕНИЕ

Балканский полуостров в настоящее время является одним из самых пестрых в этническом и политическом отношении регионов Европы. По оценкам на начало 2020-х годов, его население (без европейской части Турции) составляет около 63 миллионов человек, которые говорят на языках, принадлежащих к разным ветвям индоевропейской семьи, за исключением венгерского и тюркских. Краткую сводку по их распространенности можно получить из карты на рис. 10. Даже без углубления в исторические источники нетрудно предположить богатое прошлое региона.

На территории полуострова найдены древнейшие в Европе письменные памятники, которые оставили люди из микенской и минойской цивилизаций бронзового века. В эпоху железа города-государства Древней Греции стали центрами античной культуры, с которой берет начало современная европейская цивилизация. С развитием археологии выяснилось, что за тысяче-

летия до Древней Эллады на Балканском полуострове существовали археологические культуры, что были связующим звеном между Передней Азией и Европой. Их открытие поколебало господствовавшую в археологии XIX века концепцию, в которой Балканам каменного века отводилась роль культурной периферии Европы. По мере осмысления данных археологии была предложена гипотеза анатолийской прародины индоевропейских языков, согласно которой люди, принесшие из Малой Азии на Балканы новый хозяйственный уклад, говорили на языках, которые впоследствии эволюционировали в разные ветви индоевропейской семьи (Renfrew 1990). В пользу анатолийской гипотезы приводят датировки расхождения ветвей, рассчитанные методами лексикостатистики (Gray and Atkinson 2003), против – археологические аргументы, которые составили основу т.н. курганной гипотезы (Anthony 2007). Данные палеогенетики Балкан дают возможность рассмотреть проблему с позиции преемственности населения и направления миграций.

Имеющиеся на сегодняшний день данные позволяют выявить, как минимум, 5 принципиальных волн миграции, приносивших людей в балканский регион. Первые две относятся к эпохе палеолита, и по ним имеются очень фрагментарные сведения. Откуда пришли первые люди, заставшие неандертальцев, как долго их потомки прожили на Балканском полуострове и какие еще части Европы заселили, пока неизвестно. Поскольку найденные у них гаплогруппы отсутствуют в более поздних образцах, можно заключить, что линии тех людей начального верхнего палеолита угасли, не оставив потомков. Люди, заселившие долину Дуная после таяния ледника, имели набор гаплогрупп, что объединяет их с племенами той же эпохи, жившими в Западной и Центральной Европе от Испании до Швеции. В захоронениях из культуры Лепенский Вир носители субклада R1b-Y2219 и разных, далеко разошедшихся ветвей гаплогруппы I2 лежат рядом друг с другом, без явных различий в датировках и особенностях погребального обряда. При анализе геномов они также группируются в один кластер. Очевидно, аборигены Европы из разных родов перемешались между собой задолго до того, как одно из их племен осело в районе Железных Ворот на Дунае. Будущие находки палеогенетиков должны дать материал для дальнейшей реконструкции их истории.

Третья волна, пришедшая из Малой Азии на рубеже VI и VII тысячелетий до н.э., изучена больше всего. Митохондриальные и Y-гаплогруппы большинства первых земледельцев Европы совпадают с теми, что были найдены в культурах раннего неолита Малой Азии, в том числе в городище Чатал-Хююк. Эти данные стали решающими для подтверждения концепции, что распространение технологий неолита в Европе происходило главным образом за счет миграции населения, а не распространения новых достижений в среде коренных жителей Европы. Антропологи ранее отмечали смену краниологических типов с кроманоидного на средиземноморский, но их методы не позволяли выяснить исходный район миграции. Это удалось сделать методами палеогенетики.

Остается открытым вопрос о языках, которые принести с собой переселенцы из Малой Азии. В отсутствие прямых данных аргументация сторонников разных гипотез строится на косвенных доводах и интерпретациях численных моделей. Сторонники анатолийской гипотезы указывают на близость датировок расхождения языков к временам миграции из Малой Азии эпохи неолита, их оппоненты считают эти датировки завышенными, а генетической меткой распространения индоевропейских языков называют появление т.н. степной компоненты в ДНК европейцев раннего бронзового века.

Вторая проблема, ожидающая решения – объяснение асимметрии в соотношении мужских и женских линий в неолитической Европе. Отмеченный выше перекос в сторону митохондриальных гаплогрупп, принесенных из Малой Азии, становится еще более выраженным при продвижении на север. Например, среди 38 образцов митохондриальной ДНК из Дании из поздне-неолитической культуры воронковидных кубков (4200-2800 до н.э.) 34 относились к гаплогруппам, появившимся в Европе в эпоху неолита, но среди 26 образцов Y-ДНК из той же выборки таких не было ни одного (Allentoft et al. 2024). Таким образом, асимметрия достигает на севере Европы почти 100%: по женской линии те люди были потомками мигрантов из Малой Азии, по мужской – аборигенов Европы времен мезолита. Движущие силы и механизм «женского завоевания Европы» еще предстоит выяснить. Сложившееся к концу неолита соотношение митохондриальных гаплогрупп сохраняется в общих чертах у современных европейцев, а потому решение вопроса имеет значение не только для региональной, но и мировой истории.

Наряду с волной, принесшей на Балканы «неолитическую триаду» гаплогрупп C1, G2a, H2, данные по Греции эпохи бронзы предполагают еще одну миграцию, маркируемую гаплогруппой J, корни которой уходят, по-видимому, в Восточную Анатолию, Закавказье и запад Ирана. Время появления тех людей в материковой Греции и на островах Эгейского моря пока не удастся установить из-за отсутствия данных по ранним периодам. Язык одного из пришедших тогда народов известен, но не расшифрован. Это т.н. минойский язык о. Крит, на котором записаны тексты на линейном письме А, датируемые периодом между 1800 и 1450 гг. до н.э. По мнению исследователей, он не относится к индоевропейской семье. Языки, на которых говорили в Греции бронзового века, оставили след в древнегреческом в качестве субстрата, происхождение и состав которого являются предметом исследования специалистов. Остается дискуссионным вопрос о происхождении и распространении древнегреческого языка, от которого сохранились тексты на линейном письме В, датируемые 1450-1200 гг. до н.э. Он принадлежит к индоевропейской семье, но его предполагаемые носители микенского периода по набору гаплогрупп почти неотличимы от жителей Крита минойской эпохи, по имеющимся на сегодня данным. Очевидно, образцов ДНК из Древней Греции пока недостаточно, чтобы составить представление о миграциях, принесших первых носителей греческого языка.

Четвертая волна миграций в балканский регион была более растянутой во времени, и от нее сохранилось меньше данных ископаемой ДНК, в сравнении с эпохой неолита. О ней можно судить по изменениям времен «гибели Старой Европы» 4000-3300 гг. до н.э. и последующего периода раннего бронзового века. Доля ранее преобладавших Y-хромосомных линий с корнями в Малой Азии снижается за счет роста доли гаплогруппы I2 и появления ветвей степного происхождения, прежде всего R1b-Z2103. Эти изменения характеризуются появлением «степной компоненты», носителями которой предполагаются люди из ямной культуры евразийских степей. Обнаружение характерной для них ветви R1b-Z2103 и захоронений по типичному для ямной культуры обряду согласуется с проникновением на Балканы степных народов, но об их маршрутах и вкладе в демографию региона пока сложно судить из-за недостаточного охвата. В отличие от эпохи неолита, изменения затронули преимущественно Y-хромосомные линии, тогда как распределение митохондриальных гаплогрупп осталось прежним, на статистически значимом уровне. Согласно курганной гипотезе, люди из степных культур принесли с собой индоевропейские языки, что вытеснили языки, бывшие в ходу со времен неолита. Ее сторонники также делают предположения, с какими языками связаны культуры энеолита Балкан. Например, людей из культуры Чернавода считают носителями анатолийских языков, а представителей усатовской культуры – прото-кельтских (Anthony 2007). По обеим культурам пока слишком мало данных ископаемой ДНК, чтобы их можно было использовать для проверки гипотезы, но те, что сейчас имеются, не согласуются с предполагаемым отнесением. По мере появления новых образцов этот вопрос должен будет проясниться.

Балканский полуостров оказался почти не затронут изменениями в демографии, что в других частях Европы сопровождалось распространением культур шнуровой керамики и колоколовидных кубков. Выводы археологов подтверждаются отсутствием образцов из характерных для тех культур субкладов R1a-M417 и R1b-L51 с соответствующими датировками. Начиная с времени поздней бронзы, на первый план в регионе выходят субклады E1b-V13 и J2b-L283, что ранее, очевидно, были слишком малочисленны, чтобы оказаться в числе находок палеогенетиков. Видимо, эти ветви оказались наиболее успешными после преодоления демографического кризиса, известного как «катастрофа бронзового века» 1200-1000 гг. до н.э. Ему предшествовали военные столкновения, отразившиеся в эпосе о Троянской войне, за которыми последовали набеги «народов моря», приведшие к падению Хеттской державы в Малой Азии, упадку микенской цивилизации в Греции и кризису власти в Древнем Египте. Начиная с этого времени, уже можно определенно говорить о доминировании индоевропейских языков в регионе и даже предположить, что рост ветви J2b-L283 проходил преимущественно в среде иллирийцев, а E1b-V13 – фракийцев.

Время римского владычества добавило разнообразия в городское население за счет мигрантов из других частей Империи и даже из более дальних мест. Одним

из следствий стала быстрая романизация Далмации, Мёзии и Дакии. Среди специалистов по Древнему Риму распространена гипотеза, что восточные романские диалекты, предки современного румынского, возникли в среде вышедших в отставку ветеранов, получавших земли в дунайских провинциях. Однако, среди образцов того периода из Сербии и Хорватии исследователи не обнаружили уроженцев Италии и западных провинций Империи, для кого латынь была родным языком (Olalde et al. 2023). Гипотеза пока не находит подтверждения методами палеогенетики, но это может быть вызвано ограниченным объемом материала. Ее дальнейшая проверка – дело будущего.

Последняя по времени волна, которая дала наибольший вклад в современную демографию региона, приходится на VII-VIII века н.э. По ней имеются многочисленные сведения из византийских источников. Обезлюдившие после бурных событий предшествующего века земли к северу от Греции заселили славянские племена, прародина которых до сих пор остается предметом дебатов историков и лингвистов. По одной из версий, опирающейся на вводную часть «Повести временных лет», славянские племена начали свой путь на Дунае. Поскольку в летописи не уточняется, в какой части его течения жили ранние славяне, круг поисков можно сузить, используя данные палеогенетики. В римских провинциях Далмация и Мёзия среди образцов II-VI веков лишь единицы принадлежали к Y-гаплогруппе R1a-Z280, что станет основной среди сербов и хорватов спустя одно-два столетия после падения Западной Римской Империи. Если их предки жили на Дунае, то, очевидно, выше по течению, на территории современной Венгрии или Словакии.

Отдельно следует упомянуть про субклад I2a-Y3120, что ныне является одной из основных линий южных и восточных славян. Образцы из родительского субклада I2a-L621 были найдены в энеолитических культурах Болгарии и Румынии, но затем его следы теряются. Вероятно, численность была не настолько велика, чтобы оказаться в выборках более позднего времени. Быстрый рост его основных ветвей начинается в первые века нашей эры, в римское время. Однако, в городах по Дунаю образцов все еще не обнаружено, хотя другие специфические для Балкан линии (E1b-V13, J2b-L283, R1b-Z2103) встречаются регулярно. Образцы из субклада I2a-Y3120 появляются в находках с территории Сербии, начиная с VIII века, причем синхронно также в Венгрии и Чехии. Можно заключить, что начало роста этой многомиллионной ветви проходило в славянской среде за пределами Балкан, а его носители фактически вернулись на родину предков спустя несколько тысячелетий.

Пришедшие на Балканы славяне впоследствии внесли вклад в этногенез не только болгар, македонцев, сербов, черногорцев, хорватов, боснийцев и словенцев, но также румын, албанцев и греков, среди которых заметную долю составляют носители субкладов I2a-Y3120, R1a-Z280 и R1a-M458. Их распределение в целом пропорционально доле «восточноевропейской компоненты», рассчитанной у современных жителей региона методами популяционной генетики (рис. 10).

В заключение, следует отметить исторические периоды и регионы, по которым пока нет связной информации в имеющихся публикациях. В первую очередь, это Греция, для которой по бронзовому веку имеется большой массив данных ископаемой ДНК, но по предшествующим и последующим эпохам их крайне мало. Отсутствие данных по преемственности населения Греции и миграциям на ее территорию оставляет открытым вопрос о происхождении древнегреческого языка, который сыграл ключевую роль в истории мировой культуры. Эпоха железа, хотя и представлена довольно большой выборкой в 251 образец, охвачена неравномерно. Например, нет данных по Румынии, что не позволяет реконструировать демографические процессы, приведшие к распространению народной латыни и ее сохранению как разговорного языка в конкуренции со многими другими. Очень фрагментарна информация по периоду позднего энеолита и ранней бронзы, что характеризовалась проникновением людей из степных культур. Неясно, насколько массовым было это проникновение, и продолжилось ли оно далее на запад, согласно курганной гипотезе индоевропейской прародины. Эпоха мезолита представлена фактически единственной точкой у Железных Ворот на Дунае, а потому неизвестно, насколько однородным было население региона ко времени появления мигрантов из Малой Азии. Отсутствие данных по позднему палеолиту оставляет открытым вопрос о проверке некогда популярной концепции «балканского убежища» времен последнего ледникового максимума. Можно надеяться, что со временем какие-то из имеющихся пробелов будут заполнены.

ВЫВОДЫ

Данные по более, чем 1000 образцам ископаемой ДНК с Балканского полуострова дали возможно проследить его демографическую историю, начиная с прихода первых людей современного вида более 45 тысяч лет назад. Анализ образцов ДНК IV-IV тысячелетий до н.э. позволил установить происхождение людей эпохи раннего неолита Балкан от жителей Малой Азии и проследить их дальнейшую судьбу в ходе смешения с коренными обитателями Европы. Характерной чертой этого процесса стало «вымывание» мужских (Y-хромосомных) линий переднеазиатского происхождения и их замещение на ветви европейской гаплогруппы I2, при сохранении женских (митохондриальных) линий времен раннего неолита. Как трактовать выявленную закономерность с позиций исторической демографии, еще предстоит выяснить. Ключевыми периодами, когда сформировались основные группы народов Балкан, были эпохи бронзы и раннего Средневековья. Первый из них нашел отражение в преимущественном росте субкладов E1b-V13 и J2b-L283 на севере полуострова, а также различных ветвей гаплогруппы J2a в Греции. Второй – в появлении ветвей, связанных со славянами, прежде всего из субкладов I2a-Y3120, R1a-Z280 и R1a-M458. Данные по палеогенетике Балкан пока не дают возможности выбрать, какая из существующих гипотез индоевропейской прародины согласуется с ними в большей мере. По-видимому, принципиальный вклад в решение вопроса должна внести будущая реконструкция возникновения и распространения греческого языка, письменная история которого насчитывает около 3500 лет.

ЛИТЕРАТУРА

- Дыбо 2006 - Дыбо В.А. Язык – этнос – археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы). IV // Глобализация – этнизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы. Кн. 1. М.: Наука, 2006. С. 75-94.
- Рожанский 2017 - Рожанский И.Л. Исторические гаплокарты: обзор данных по ископаемой ДНК // Исторический формат. 2017. № 1-2. С. 92-114.
- Рожанский 2021a - Рожанский И.Л. Обзор данных по ископаемой ДНК: гаплокорта R1b // Исторический формат. 2021. № 2. С. 21-35.
- Рожанский 2021b - Рожанский И.Л. Обзор данных по ископаемой ДНК: гаплокарты G и I // Исторический формат. 2021. № 4. С. 125-140.
- Рожанский 2022a - Рожанский И.Л. Обзор данных по ископаемой ДНК: гаплокорта R1a // Исторический формат. 2022. № 1. С. 11-23.
- Рожанский 2022b - Рожанский И.Л. Обзор данных по ископаемой ДНК: гаплокорта Q // Исторический формат. 2022. № 3. С. 20-33.
- Allentoft et al. 2015 - Allentoft M. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. S. 167-172.
- Allentoft et al. 2024 - Allentoft M. et al. Population genomics of post-glacial western Eurasia // Nature. 2024. Vol. 625. S. 301-311.
- Anthony 2007 - Anthony D.W. The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World. Princeton, 2007. 553 s.
- Anthony et al. 2022 - Anthony D.W. et al. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River // Praehistorische Zeitschrift. 2022. Vol. 97. S. 22-67.
- Antonio et al. 2024 - Antonio M.L. et al. Stable population structure in Europe since the Iron Age, despite high mobility // eLife. 2024. Vol. 13. Article № e79714.
- Clemente et al. 2021 - Clemente F. et al. The genomic history of the Aegean palatial civilizations // Cell. 2021. Vol. 184. № 10. S. 2565-2586.
- Devièse et al. 2017 - Devièse T. et al. Direct dating of Neanderthal remains from the site of Vindija Cave and implications for the Middle to Upper Paleolithic transition // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2017. Vol. 114. № 40. S. 10606-10611.

- Freilich et al. 2021 - Freilich S. et al. Reconstructing genetic histories and social organisation in Neolithic and Bronze Age Croatia // *Scientific Reports*. 2021. Vol. 11. Article № 16729.
- Fu et al. 2015 - Fu Q. et al. An early modern human from Romania with a recent Neanderthal ancestor // *Nature*. 2015. Vol. 524. S. 216-219.
- Fu et al. 2016 - Fu Q. et al. The genetic history of Ice Age Europe // *Nature*. 2016. Vol. 534. S. 200-205.
- Gonzales-Fortes et al. 2017 - González-Fortes G. et al. Paleogenomic evidence for multi-generational mixing between Neolithic farmers and Mesolithic hunter-gatherers in the Lower Danube Basin // *Current Biology*. 2017. Vol. 27. № 12. S. 1801-1810.
- Gray and Atkinson 2003 - Gray R.D. and Atkinson Q.D. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin // *Nature*. 2003. Vol. 426. S. 435-439.
- Green et al. 2008 - Green R.E. et al. A complete Neandertal mitochondrial genome sequence determined by high-throughput sequencing // *Cell*. 2008. Vol. 134. S. 416-426.
- Hajdinjak et al. 2018 - Hajdinjak M. et al. Reconstructing the genetic history of late Neanderthals // *Nature*. 2018. Vol. 555. S. 652-656.
- Hajdinjak et al. 2021 - Hajdinjak M. et al. Initial Upper Palaeolithic humans in Europe had recent Neanderthal ancestry // *Nature*. 2021. Vol. 592. S. 253-257.
- Harney et al. 2021 - Harney É. et al. A minimally destructive protocol for DNA extraction from ancient teeth // *Genome Research*. 2021. Vol. 31. S. 472-483.
- Hofmanová et al. 2016 - Hofmanova Z. et al. Early farmers from across Europe directly descended from Neolithic Aegeans // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2016. Vol. 113. № 25. S. 6886-6891.
- Lazaridis et al. 2017 - Lazaridis I. et al. Genetic origins of the Minoans and Mycenaeans // *Nature*. 2017. Vol. 548. S. 214-218.
- Lazaridis et al. 2022 - Lazaridis I. et al. The genetic history of the Southern Arc: A bridge between West Asia and Europe // *Science*. 2022. Vol. 377. № 6609. Article № eabm4247.
- Marchi et al. 2022 - Marchi N. et al. The genomic origins of the world's first farmers // *Cell*. 2022. Vol. 185. S. 1842-1859.
- Maroti et al. 2022 - Maroti Z. et al. The genetic origin of Huns, Avars, and conquering Hungarians // *Current Biology*. 2022. Vol. 32. S. 2858-2870.
- Mathieson et al. 2015 - Mathieson I. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians // *Nature*. 2015. Vol. 528. S. 499-503.
- Mathieson et al. 2018 - Mathieson I. et al. The genomic history of southeastern Europe // *Nature*. 2018. Vol. 555. S. 197-203.
- Novak et al. 2021 - Novak M. et al. Genome-wide analysis of nearly all the victims of a 6200 year old massacre // *PLoS ONE*. Vol. 16. № 3. Article № e0247332.
- Olalde et al. 2023 - Olalde I. et al. A genetic history of the Balkans from Roman frontier to Slavic migrations // *Cell*. 2023. Vol. 186. S. 5472-5485.
- Patterson et al. 2021 - Patterson N. et al. Large-scale migration into Britain during the Middle to Late Bronze Age // *Nature*. 2021. Vol. 601. S. 588-594.
- Penske et al. 2023 - Penske S. et al. Early contact between late farming and pastoralist societies in southeastern Europe // *Nature*. 2023. Vol. 620. S. 358-365.
- Porčić 2020 - Porčić M. Observations on the origin and demography of the Vinča culture // *Quaternary International*. 2020. Vol. 560-561. S. 57-64.
- Prüfer et al. 2017 - Prüfer K. et al. A high-coverage Neandertal genome from Vindija Cave in Croatia // *Science*. 2017. Vol. 358. № 6363. S. 655-658.
- Renfrew 1990 - Renfrew C. *Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins*. CUP Archive, 1990. 346 s.
- Skourtanioti et al. 2023 - Skourtanioti E. et al. Ancient DNA reveals admixture history and endogamy in the prehistoric Aegean // *Nature Ecology & Evolution*. 2023. Vol. 7. S. 290-303.
- Svensson et al. 2021 - Svensson E. et al. Genome of *Pesxtera Muierii* skull shows high diversity and low mutational load in pre-glacial Europe // *Current Biology*. 2021. Vol. 31. S. 2973-2983.
- Veeramah et al. 2018 - Veeramah K.R. et al. Population genomic analysis of elongated skulls reveals extensive female-biased immigration in Early Medieval Bavaria // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2018. Vol. 115. № 13. S. 3494-3499.
- Wang et al. 2019 - Wang C.-C. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // *Nature Communications*. 2019. Vol. 10. Article № 590.
- Žegarac et al. 2021 - Žegarac A. et al. Ancient genomes provide insights into family structure and the heredity of social status in the early Bronze Age of southeastern Europe // *Scientific Reports*. 2021. Vol. 11. Article № 10072.

REFERENCES

- Allentoft et al. 2015 - Allentoft M. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia, in: *Nature*, 2015, № 522, pp. 167-172 [in English].
- Allentoft et al. 2024 - Allentoft M. et al. Population genomics of post-glacial western Eurasia, in: *Nature*, 2024, Vol. 625, pp. 301-311 [in English].
- Anthony 2007 - Anthony D.W. *The Horse, the Wheel and Language: How Bronze-age Riders from the Eurasian Steppes Shaped the Modern World*, Princeton, 2007, 553 p. [in English].
- Anthony et al. 2022 - Anthony D.W. et al. The Eneolithic cemetery at Khvalynsk on the Volga River, in: *Præhistorische Zeitschrift*, 2022, Vol. 97, pp. 22-67 [in English].
- Antonio et al. 2024 - Antonio M.L. et al. Stable population structure in Europe since the Iron Age, despite high mobility, in: *eLife*, 2024, Vol. 13, article № e79714 [in English].

- Clemente et al. 2021 - Clemente F. et al. The genomic history of the Aegean palatial civilizations, in: *Cell*, 2021, Vol. 184, № 10, pp. 2565-2586 [in English].
- Devièse et al. 2017 - Devièse T. et al. Direct dating of Neanderthal remains from the site of Vindija Cave and implications for the Middle to Upper Paleolithic transition, in: *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2017, Vol. 114, № 40, pp. 10606-10611 [in English].
- Dybo 2006 - Dybo V.A. Yazyk – etnos – arkeologicheskaya kultura (Neskol'ko myslei po povodu indoevroppeiskoi problemy). IV [Language – ethnos – archeological culture (A few thoughts on Indo-European problem). IV], in: *Globalizatsiya – Etnizatsija. Etnokulturnyye i etnoyazykovyye protsessy* [Globalization – Ethnization. Ethno-cultural and ethno-language processes], Book 1, Moscow, Nauka Publ., 2006, pp. 75-94 [in Russian].
- Freilich et al. 2021 - Freilich S. et al. Reconstructing genetic histories and social organisation in Neolithic and Bronze Age Croatia, in: *Scientific Reports*, 2021, Vol. 11, article № 16729 [in English].
- Fu et al. 2015 - Fu Q. et al. An early modern human from Romania with a recent Neanderthal ancestor, in: *Nature*, 2015, Vol. 524, pp. 216-219 [in English].
- Fu et al. 2016 - Fu Q. et al. The genetic history of Ice Age Europe, in: *Nature*, 2016, Vol. 534, pp. 200-205 [in English].
- Gonzales-Fortes et al. 2017 - González-Fortes G. et al. Paleogenomic evidence for multi-generational mixing between Neolithic farmers and Mesolithic hunter-gatherers in the Lower Danube Basin, in: *Current Biology*, 2017, Vol. 27, № 12, pp. 1801-1810 [in English].
- Gray and Atkinson 2003 - Gray R.D. and Atkinson Q.D. Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin, in: *Nature*, 2003, Vol. 426, pp. 435-439 [in English].
- Green et al. 2008 - Green R.E. et al. A complete Neandertal mitochondrial genome sequence determined by high-throughput sequencing, in: *Cell*, 2008, Vol. 134, pp. 416-426 [in English].
- Hajdinjak et al. 2018 - Hajdinjak M. et al. Reconstructing the genetic history of late Neanderthals, in: *Nature*, 2018, Vol. 555, pp. 652-656 [in English].
- Hajdinjak et al. 2021 - Hajdinjak M. et al. Initial Upper Palaeolithic humans in Europe had recent Neanderthal ancestry, in: *Nature*, 2021, Vol. 592, pp. 253-257 [in English].
- Harney et al. 2021 - Harney É. et al. A minimally destructive protocol for DNA extraction from ancient teeth, in: *Genome Research*, 2021, Vol. 31, pp. 472-483 [in English].
- Hofmanová et al. 2016 - Hofmanová Z. et al. Early farmers from across Europe directly descended from Neolithic Aegeans, in: *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2016, Vol. 113, № 25, pp. 6886-6891 [in English].
- Lazaridis et al. 2017 - Lazaridis I. et al. Genetic origins of the Minoans and Mycenaeans, in: *Nature*, 2017, Vol. 548, pp. 214-218 [in English].
- Lazaridis et al. 2022 - Lazaridis I. et al. The genetic history of the Southern Arc: A bridge between West Asia and Europe, in: *Science*, 2022, Vol. 377, № 6609, article № eabm4247 [in English].
- Marchi et al. 2022 - Marchi N. et al. The genomic origins of the world's first farmers, in: *Cell*, 2022, Vol. 185, pp. 1842-1859 [in English].
- Maroti et al. 2022 - Maroti Z. et al. The genetic origin of Huns, Avars, and conquering Hungarians, in: *Current Biology*, 2022, Vol. 32, pp. 2858-2870 [in English].
- Mathieson et al. 2015 - Mathieson I. et al. Genome-wide patterns of selection in 230 ancient Eurasians, in: *Nature*, 2015, Vol. 528, pp. 499-503 [in English].
- Mathieson et al. 2018 - Mathieson I. et al. The genomic history of southeastern Europe, in: *Nature*, 2018, Vol. 555, pp. 197-203 [in English].
- Novak et al. 2021 - Novak M. et al. Genome-wide analysis of nearly all the victims of a 6200 year old massacre, in: *PLoS ONE*, Vol. 16, № 3, article № e0247332 [in English].
- Olalde et al. 2023 - Olalde I. et al. A genetic history of the Balkans from Roman frontier to Slavic migrations, in: *Cell*, 2023, Vol. 186, pp. 5472-5485 [in English].
- Patterson et al. 2021 - Patterson N. et al. Large-scale migration into Britain during the Middle to Late Bronze Age, in: *Nature*, 2021, Vol. 601, pp. 588-594 [in English].
- Penske et al. 2023 - Penske S. et al. Early contact between late farming and pastoralist societies in southeastern Europe, in: *Nature*, 2023, Vol. 620, pp. 358-365 [in English].
- Porčić 2020 - Porčić M. Observations on the origin and demography of the Vinča culture, in: *Quaternary International*, 2020, Vol. 560-561, pp. 57-64 [in English].
- Prüfer et al. 2017 - Prüfer K. et al. A high-coverage Neandertal genome from Vindija Cave in Croatia, in: *Science*, 2017, Vol. 358, № 6363, pp. 655-658 [in English].
- Renfrew 1990 - Renfrew C. *Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins*, CUP Archive, 1990, 346 p. [in English].
- Rozhanskii 2017 - Rozhanskij I.L. Istoricheskie gaplokarty: obzor dannyh po iskopaemoj DNK [Historical haplomap: review of ancient Y-DNA data], in: *Istoricheskij format* [Historical format], 2017, № 1-2, pp. 92-114 [in Russian].
- Rozhanskii 2021a - Rozhanskij I.L. Obzor dannyh po iskopaemoj DNK: gaplokarta R1b [A review of ancient DNA data: haplomap of R1b], in: *Istoricheskij format* [Historical format], 2021, № 2, pp. 21-35 [in Russian].
- Rozhanskii 2021b - Rozhanskij I.L. Obzor dannyh po iskopaemoj DNK: gaplokarty G i I [A review of ancient DNA data: haplomaps of G and I], in: *Istoricheskij format* [Historical format], 2021, № 4, pp. 125-140 [in Russian].
- Rozhanskii 2022a - Rozhanskij I.L. Obzor dannyh po iskopaemoj DNK: gaplokarta R1a [A review of ancient DNA data: haplomap of R1a], in: *Istoricheskij format* [Historical format], 2022, № 1, pp. 11-23 [in Russian].
- Rozhanskii 2022b - Rozhanskij I.L. Obzor dannyh po iskopaemoj DNK: gaplokarta Q [A review of ancient DNA data: haplomap of Q], in: *Istoricheskij format* [Historical format], 2022, № 3, pp. 20-33 [in Russian].
- Skourtanioti et al. 2023 - Skourtanioti E. et al. Ancient DNA reveals admixture history and endogamy in the prehistoric Aegean, in: *Nature Ecology & Evolution*, 2023, Vol. 7, pp. 290-303 [in English].

Svensson et al. 2021 - Svensson E. et al. Genome of *Pesxtera Muierii* skull shows high diversity and low mutational load in pre-glacial Europe, in: *Current Biology*, 2021, Vol. 31, pp. 2973-2983 [in English].

Veeramah et al. 2018 - Veeramah K.R. et al. Population genomic analysis of elongated skulls reveals extensive female-biased immigration in Early Medieval Bavaria, in: *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2018, Vol. 115, № 13, pp. 3494-3499 [in English].

Wang et al. 2019 - Wang C.-C. et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions, in: *Nature Communications*, 2019, Vol. 10, article № 590 [in English].

Žegarac et al. 2021 - Žegarac A. et al. Ancient genomes provide insights into family structure and the heredity of social status in the early Bronze Age of southeastern Europe, in: *Scientific Reports*, 2021, Vol. 11, article № 10072 [in English].

Рожанский Игорь Львович

– Кандидат химических наук, Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония).

Igor Rozhansky

– PhD in Chemistry, Academy of DNA Genealogy (Tsukuba, Japan).

info@dna-academy.ru

НОЖИ-КИНЖАЛЫ ПРУССОВ И СКРАМАСАКСЫ ГЕРМАНЦЕВ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

В.И. Кулаков

Институт археологии Российской академии наук
Россия, 117036, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19
e-mail: drkulakov@mail.ru
Scopus Author ID: 26038228300
SPIN-код: 3764-2260

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье проводится сравнение некоторых черт однолезвийных боевых клинков западных балтов и германцев. Результаты исследования можно представить следующим образом. Во-первых, своим происхождением ножи-кинжалы западных балтов и скрамасаксы части западных германцев (англы и саксы) связаны с боевыми ножами с горбатой спинкой, обозначенными как тип 2. Во-вторых, судя по форме своего клинка ножи-кинжалы небольших размеров предназначались преимущественно для нанесения противнику тычковых ударов (укол). В-третьих, к началу VI в. клинки пруссов и саксов увеличиваются в размерах и уже предназначаются для рубки противника. Наконец, для удобства рубки скрамасаксы обретают скос или закругление лезвия у своего острия, ножи-кинжалы и саксы пруссов получают изгиб лезвия. Так появляется прототип позднейшей шашки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ножи-кинжалы, скрамасаксы, западные и северные германцы, рубка противника.

PRUSSIAN KNIFE-DAGGERS AND GERMANIC SCRAMASAXES: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Vladimir Kulakov

Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences
Russia, 117036, Moscow, Dmitry Ulyanov Street, 19
e-mail: drkulakov@mail.ru

ABSTRACT

A comparison of the knife-daggers of the Prussians and the Scramasaxes of the Western and Northern Germans of the era of the Great Migration allowed the author to draw the conclusions as follows. First, the origin of the knife-daggers of the Western Balts and the Scramasaxes of the Western Germans (Angles and Saxons) is associated with combat knives with a humped back, designated as type 2. Second, judging by the shape of their blade, small-sized knife-daggers were intended primarily for use as a thrusting weapon. Third, by the beginning of the 6th century, the Prussian and Saxon blades had increased in size and were meant to be used by then for slashing the enemy. Fourth, for convenience of cutting, the Scramasax acquired a bevel or rounding of the blade at its tip; the knife-daggers and seaxes of the Prussians got a curve in the blade. This is how the prototype of the later saber (shashka) appears.

KEYWORDS: knife-daggers, scramasaxes, Western and Northern Germans, slashing weapons.

ВВЕДЕНИЕ

Специфическое оружие воинов Янтарного края сер. V в. н.э. – ножи-кинжалы – являются одним из важных признаков древностей видивариев, по Йордану «собранных из различных племён» в дельте р. Вислы» (Кулаков 2022а: 95, 97). В эпоху Великого переселения народов такие однолезвийные клинки были распространены в западной части п-ова Самбия (центр прусского племенного ареала), в области Хайллибо (юго-восточное побережье Вислинского / Калининградского залива, «варварское королевство» гуннского времени – Кулаков 2022б: 71) и на правом берегу р. Неман в его нижнем течении (рис. 1), в ареалах раннесредневековых

племён скальвов и жемайтов. От прусской племенной территории их земли были отделены мощным лесным массивом, который являлся частью грандиозного леса *der große Wildnis*. На северном краю упомянутого лесного массива (будущая Жемайтия) известно несколько грунтовых могильников, включающих погребения знатных воинов позднеримского времени. Это – основа для формирования в начале эпохи Великого переселения народов в землях нынешней Южной Литвы малых «варварских королевств» (Кулаков 2017а: 140). В их ареалах позднее и распространились ножи-кинжалы, принесённые сюда воинами, прибывшими из Самбии

или, что менее вероятно, поступившие сюда в результате торговли.

КОНЦЕПЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

С 2005 г. ножи-кинжалы изучает работающий в Институте археологии РАН и в Центре балтийской и скандинавской археологии (Шлезвиг) Я.А. Прасолов. В своей монографии, созданной на базе своей диссертации, молодой коллега типологизировал клинки интересующего нас холодного оружия, опираясь на их форму и размеры (рис. 2,1-8). Ножи-кинжалы характеризуются горбатой спинкой (обухом) и длинным остриём, нередко – с шилообразным завершением клинка. Выделенные Я.А. Прасоловым типы 0, 1a, 1b фактически не являются ножами-кинжалами и на самом деле относятся к типу 2 боевых ножей эстиев позднеримского времени, сформировавшихся под германским влиянием и носившихся на плечевой перевязи типа *balteus Vidgiriai* (Кулаков 2024: 40, рис. 6). На основе этих боевых ножей к сер. V в. н.э. сформировались ножи-кинжалы. Типы 2 и 3 отличаются треугольной вытянутой частью клинка у его острия (рис. 2,4-8). Находки ножей-кинжалов типа 2 на могильниках Hünenberg/Гора Великанов и Dollkeim/Коврово показывают: в ряде случаев эти клинки не имеют заточки режущей части, тем не менее трапециевидно оформленной в своём сечении. Таким образом клинки типа 2 предназначены для поражения противника путём укола остриём (наподобие позднейшего кинжала типа *misericordia*)¹, а клинки типа 3, отличающиеся длиной ок. 50 см, имея заточку лезвия, предназначены для рубки противника (с седла-?). Разделённые на варианты клинки указанных типов слабо между собой разнятся (рис. 2,9-16), эта часть работы Я.А. Прасолова носит чисто формальный характер, автор скорее всего следует немецкой традиции чрезмерного типологизирования археологического материала. Ножи-кинжалы типа 2 употреблялись видвариями и пруссами во второй пол. V в. (точнее – ок. 455-475 гг. – Кулаков, Скворцов 2000: 48), клинки типа 3 были в ходу у жителей Самбии в V в. и на Неманского правобережье в кон. V – нач. VI вв.

Клинки типов 1 и 2 сохраняют один из базовых признаков ножей-кинжалов – горбатую спинку обуха. Данная особенность клинков в юго-восточной Балтии на протяжении долгого времени представлена на боевых ножах эстиев типа 2 (Кулаков 2024: рис. 6).

Изгиб тыльной части клинка у ножей-кинжалов типа 3 утрачен, что указывает на изменение функции данной версии холодного оружия пруссов: не укол или метание, а – рубка, видимо – с коня. Взаимовстречаемость ножей-кинжалов типа 3 и снаряжения коня и всадника (удила и шпоры) в погребениях скальвского могильника Widgirren/Vidgiriai на правом берегу р. Немана подтверждает приведённую выше интерпретацию ножей-кинжалов крупных размеров. В некоторых погребальных комплексах Самбии встречены как клинки типа 3, так и небольшие по размерам ножи-кинжалы (Кулаков, Скворцов 2000: рис. 2, 9). Если большой клинок

предназначался для рубки противника, то малый, найденный с ним в едином комплексе – предположительно для метания. Всадник из погр. 23 могильника Widgirren/Vidgiriai (рис. 3, слева) в последний путь сопровождался обильным инвентарём. Он включает роскошную перевязь типа *balteus Vidgiriai* (в позднеримское время характерна для ношения ножа типа 2), что подчёркивает высокое социальное положение упомянутого всадника. О таком социальном положении воинов, покоящихся на этом могильнике, свидетельствуют и черты его обрядности – камерные погребения с саркофагами, собранными из деревянных плах (Šimėnas 1996: 19, 20 pav.), что является уникальным для погребальных древностей западных балтов V в. н.э.

12 лет тому назад работающий во Франции М.М. Казанский высказал предположение о происхождении ножей-кинжалов носителей ранней фазы прусской культуры от скандинавских боевых ножей позднеримского времени (Казанский 2012: 121).

К сожалению, ножи скандинавов и клинки пруссов ничего общего, кроме канелюр (нем. *die Blutrinnen*) у обуха и трапециевидного клинка, в своих конструкции и боевых функциях не имеют. Боевые ножи-саксы англо-саксонских воинов-общинников (рис. 3, справа) группы 2 (VI в.) в ряде случаев имеют скошенную форму обуха, благодаря чему достигается удлинённое острие ножа, делающее его сходным по форме с более ранним ножом-кинжалом. Указанный феномен характерен и для однолезвийных мечей-скрамасаксов типов *Sax 4* и *Sax 5* (дл. более 0,7 м) (рис. 4). Данные клинки датируются IX в. (Nørgård Jørgensen 1999: 137, Abb. 116). Указанная выше специфика отдельных «длинных» саксов является самостоятельным достижением северных кузнецов. Данная специфическая форма клинков саксов и пруссов указывает на их генетическую связь с более ранними боевыми ножами типа 2, обладавшими «горбатым» обухом.

Как уже отмечалось выше, клинки пруссов VI в. достигают длины нередко более 50 см и предназначены для рубки противника (Кулаков 2024: 230). Длинное острие в виде вытянутого треугольника у этих клинков сохраняется, при этом слабо изгибаясь на конце (рис. 5,2,4,5). Тем самым ножи-кинжалы типа 3 становятся близки по своему виду и функции более ранним ножам типа 3 (Кулаков 2024: рис. 7). Указанная специфика прусских однолезвийных мечей показана на фризе знаменитого «кольца из Штробьенен» (рис. 7), созданного безымянным аварским ювелиром на рубеже VII-VIII вв. (Кулаков 2024a: 232). Клинки прусских скрамасаксов типа *Sax 6*, известных преимущественно по находкам на могильнике Neuendorf/Nowinka, прямые и близки аварской традиции клинкового оружия (Кулаков, Скворцов 2000: 49). Как и поздние ножи-кинжалы, некоторые прусские саксы имеют загиб острия клинка (рис. 6). Таким образом, прусские клинки эпохи Меровингов предвосхитили боевую функцию позднейшей шашки – рубка противника секущим ударом с седла – и стали древнейшим предком этого славного оружия (Кулаков, Скворцов 2000: 50). Это – важнейший результат исследования прусского клинкового оружия в данной статье.

1 Об этом сообщает римский историк Аммиан Марцеллин: «Поражали в грудь кинжалами более упорно сопротивляющихся» (Аммиан Марцеллин 1906: кн. 31, параграф 2).

Сравнение некоторых черт однолезвийных боевых клинков западных балтов и германцев середины I тысячелетия н.э. позволяет сделать следующие выводы:

Своим происхождением ножи-кинжалы западных балтов и скрамасаксы части западных германцев (англы и саксы) связаны с боевыми ножами с горбатой спинкой, обозначенными как типа 2.

Судя по форме своего клинка ножи-кинжалы небольших размеров предназначались преимущественно для нанесения противнику тычковых ударов (укол).

К нач. VI в. клинки пруссов и саксов увеличиваются в размерах и уже предназначаются для рубки противника.

Для удобства рубки скрамасаксы обретают скос или закругление лезвия у своего острия, ножи-кинжалы и саксы пруссов получают изгиб лезвия. Так появляется прототип позднейшей шашки.

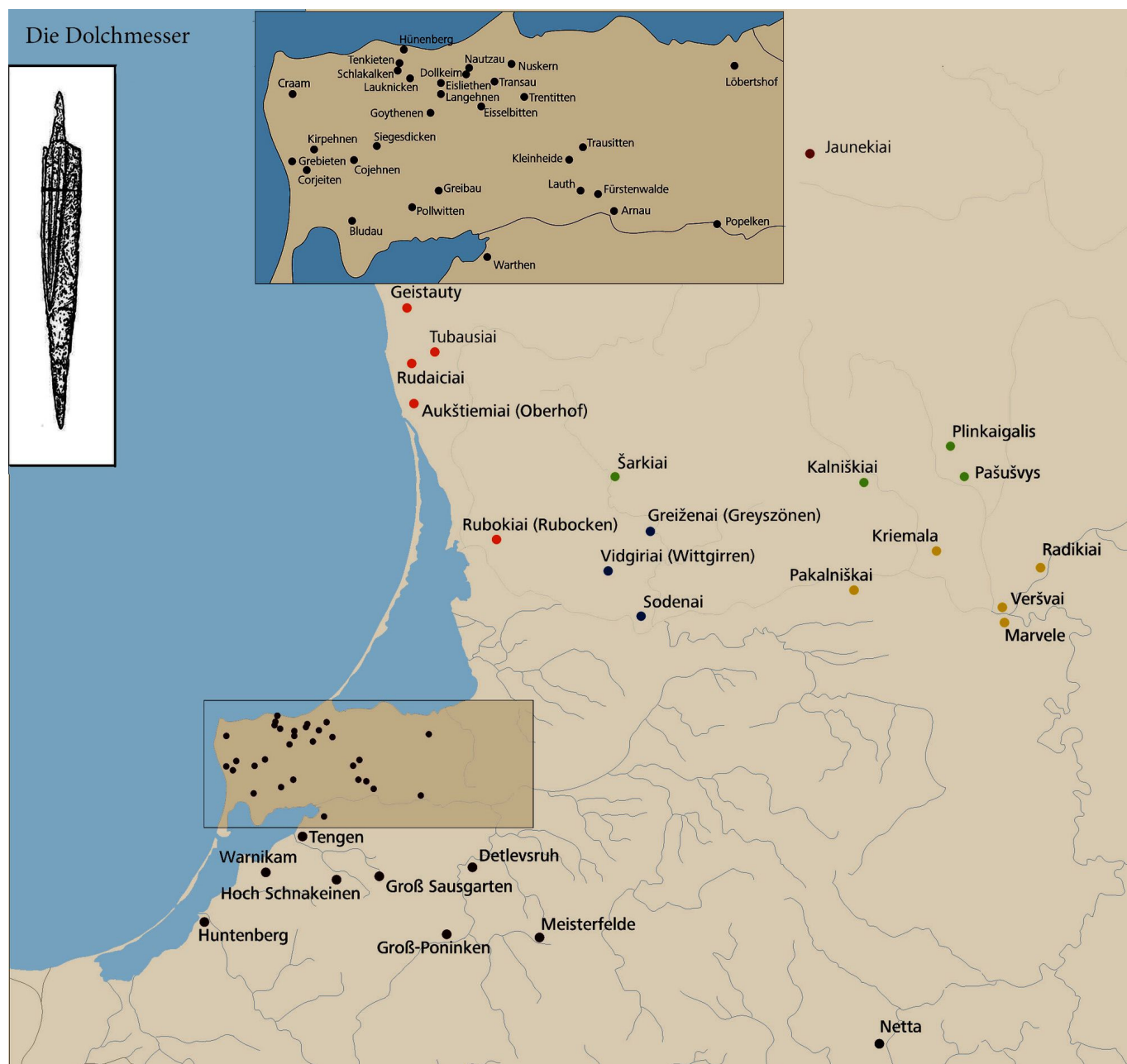

Рис. 1. Находки ножей-кинжалов в погребениях V-VI вв. в юго-восточной Балтии (Prassolov 2018: Abb. 21)

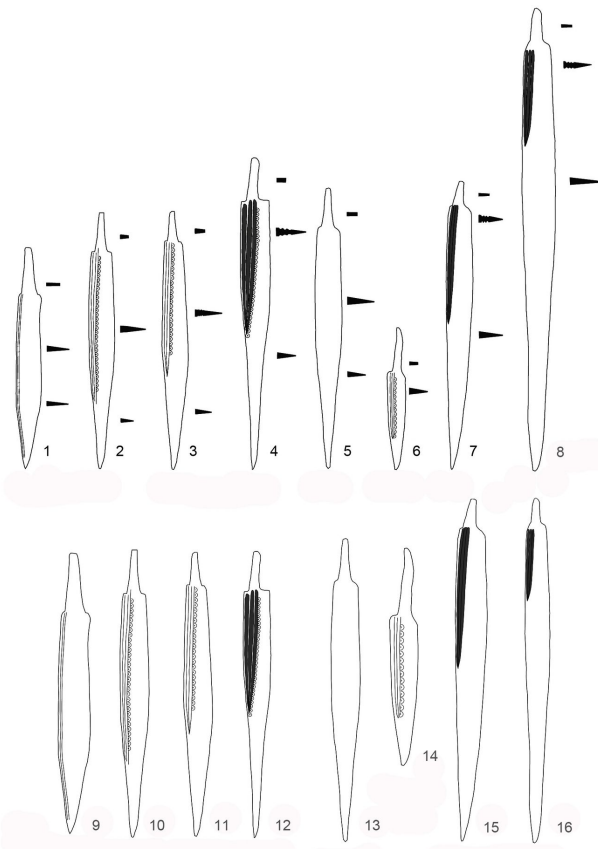

Рис. 2. Типы и варианты ножей-кинжалов по Я. Прасолову: 1 – тип 0, 2 – тип 1а, 3 – тип 1б, 4 – тип 2б, 5 – тип 2а, 6 – тип 2б, 7 – тип 3а, 8 – тип 3б, 9 – тип 0 (так наз. (боевой) нож с горбатой спинкой), 10 – тип 1, вар. А, 11 – тип 1, вар. б, 12 – тип 2, «классический» нож-кинжал, 13 – тип 2, вар. А, 14 – тип 2, вар. б, 15 – тип 3, вар. а, 16 – тип 3, вар. б (Prassolov 2018: Abb. 33, 34)

Рис. 3. Реконструкции внешнего вида воина-скальва с ножом-кинжалом (слева) (Šimėnas 1996: 27 pav.) и англо-саксонского воина-общинника с коротким саксом (справа) (Wise, Embleton 1995: 8)

SAX 4 SAX 5

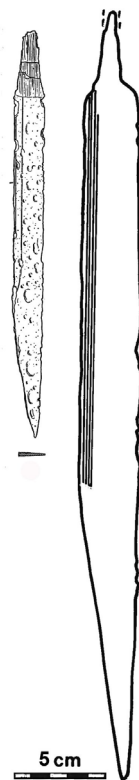

Рис. 4. Образцы саксов: тип Sax 4 – Goddelsheim, погр. 36, тип Sax 5 – Norwegen (Nørgård Jørgensen 1999: Abb. 29,12; 33,1)

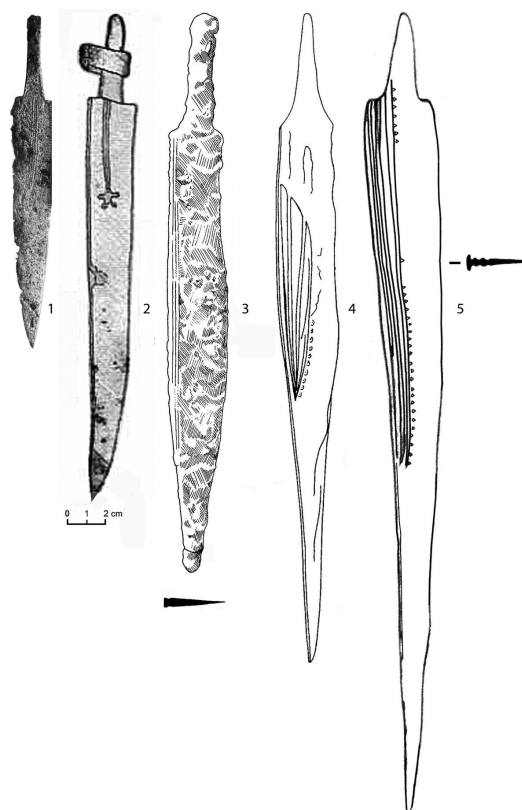

Рис. 5. Рост длины клинков. в древностях эстиев III-V вв. н.э: 1 – Ostpreußen, Inv. Pr. Mus. KAS-881; 2 – погр. 159 могильника Macharren/Machary, woj. mazursko-warmińskie Polski; 3 – погр. L-209 могильника Lauth/Б. Исаково; 4 – погр. Do-163 могильника Dollkeim/Коврово (Зеленоградский р-н); 5 – погр. Ki-92 (1929 г.) могильника Kirrehnen-II/Поваровка-2 (Зеленоградский р-н) (Кулаков 2017б: рис. 3)

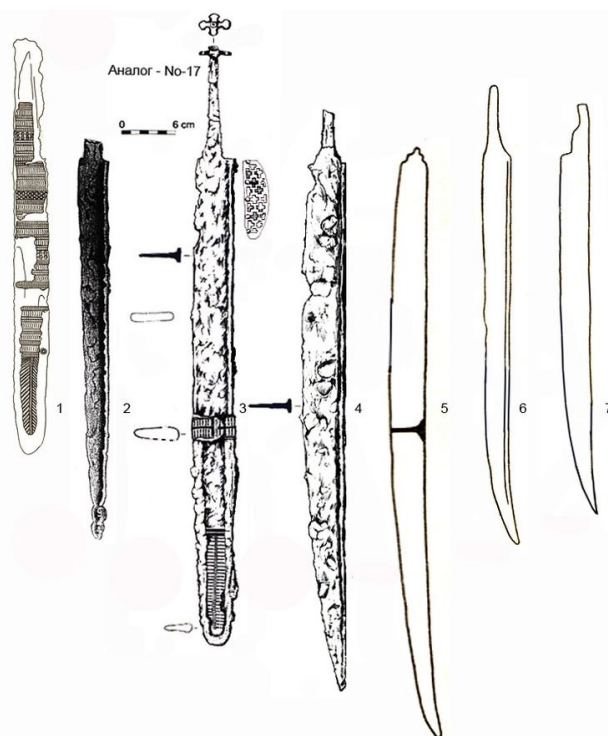

Рис. 6. Развитие прусских клинков типа lange Sax: 1 – нож с остатками накладок ножен из погр. 13 могильника Silberberg/Łęcze, woj. mazursko-warmińskie; 2 – погр. 9 могильника бывш. Tengen; 3 – погр. 85 могильника Neuendorf/Nowinka, woj. mazursko-warmińskie; 4 – погр. 84 могильника Neuendorf/Nowinka, woj. mazursko-warmińskie; 5 – погр. 335 могильника Zorphen/Суворово; 6 – погр. 392 могильника Zorphen/Суворово; 7 – погр. 18 могильника-1 Ekritten/Ветрово (Кулаков 2024: рис. 120)

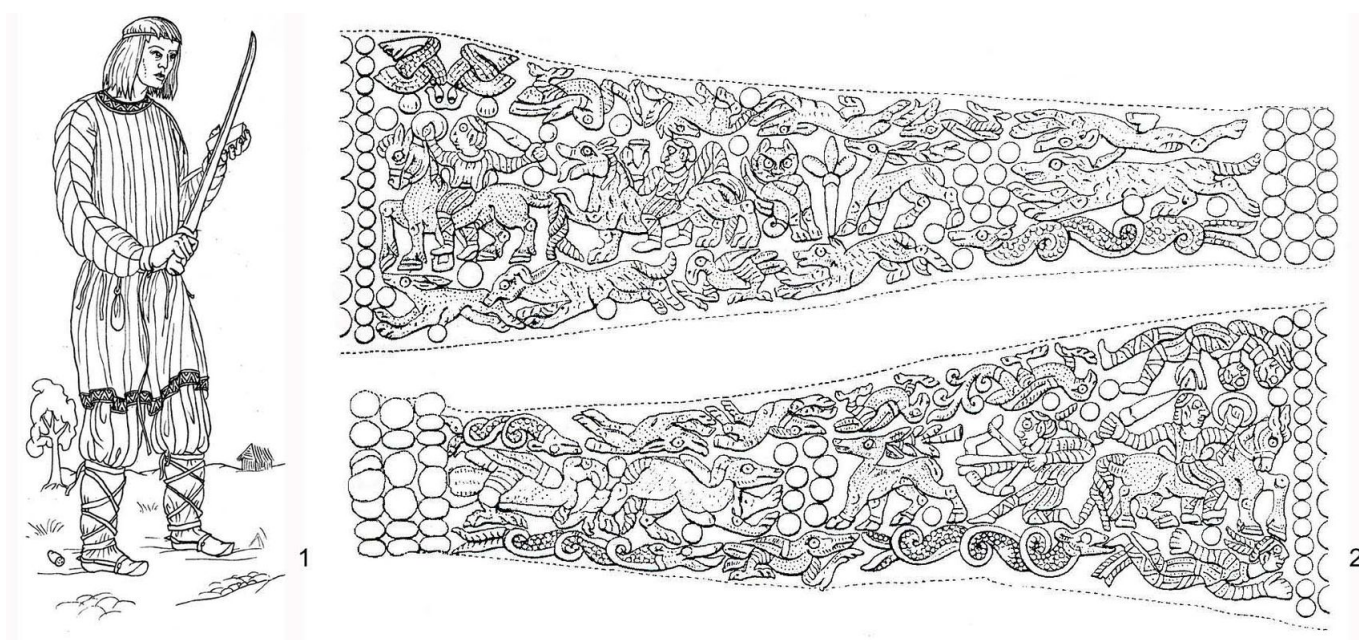

Рис. 7. Реконструкция внешнего вида прусса с «длинным» саксом из погр. 40 могильника Elbing-Neustädterfeld/Elbląg-ul. Moniuszki (Кулаков 2013: рис. 63) и развёртка изображений на «кольце из Штробьенен»

ЛИТЕРАТУРА

Аммиан Марцеллин 1906 - Аммиан Марцеллин. История / Перевод Ю. Кулаковского, А. Сонни. Киев: Типография С.В. Кульженко, 1906. 324 с.

Казанский 2012 - Казанский М.М. О происхождении скрамасакса // Stratum plus. 2012. № 5. С. 111-124.

Кулаков 2013 - Кулаков В.И. Реконструкция убора обитателей Янтарного берега в I-V вв. н.э. Киев: Издавець Олег Філюк, 2013. 167 с.

- Кулаков 2017а - Кулаков В.И. Питьевые рога балтов с декорированными деталями // Исторический формат. 2017. № 1. С. 127-150.
- Кулаков 2017б - Кулаков В.И. О происхождении ножей-кинжалов // Записки ИИМК РАН. № 15. СПб.: ИИМК РАН, 2017. С. 97-109.
- Кулаков 2022а - Кулаков В.И. Прусы до прихода крестоносцев. СПб.: Алетейя, 2022. 173 с.
- Кулаков 2022б - Кулаков В.И. Янтарный берег в эпоху Атиллы // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 4 (54). С. 69-78.
- Кулаков 2024 - Кулаков В.И. Военное дело пруссов. СПб.: Алетейя, 2024. 287 с.
- Кулаков, Скворцов 2000 - Кулаков В.И., Скворцов К.Н. Боевые клинки из Кляйнхайде // Историко-археологический сборник. № 15. Минск: Деполис, 2000. С. 40-52.
- Gale 1989 - Gale D. The Seax // Weapons and Warfare in Anglo-Saxon England. Oxford: Oxford University Committee for Archaeology, 1989. S. 71-83.
- Nørgård Jørgensen 1999 - Nørgård Jørgensen A. Waffen und Graber. Typologische und chronologische Studien zu skandinavischen Waffengräbern 520/30 bis 900 n.Chr. København: det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab, 1999. 415 s.
- Prassolov 2018 - Prassolov J.A. Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreußens. Kiel: Wachholtz, 2018. 328 s.
- Šimėnas 1996 - Šimėnas V. Etnokultūriniai procesai. Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje. Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 1996. 138 s.
- Wise, Embleton 1995 - Wise T., Embleton G.A. Saxon, Viking and Norman. London: Osprey Military, 1995. 40 s.

REFERENCES

- Ammian Marcellin 1906 - Ammian Marcellin. Istorija / Perevod YU. Kulakovskogo, A. Sonni [History / Translation by Yu. Kulakovskiy, A. Sonny], Kiev, Tipografiya S.V. Kul'zhenko Publ., 1906, 324 p. [in Russian].
- Gale 1989 - Gale D. The Seax, in: Weapons and Warfare in Anglo-Saxon England, Oxford, Oxford University Committee for Archaeology Publ., 1989, pp. 71-83 [in English].
- Kazanskij 2012 - Kazanskij M.M. O proiskhozhdenii skramasaksa [About the origin of scramax], in: Stratum plus, 2012, № 5, pp. 111-124 [in Russian].
- Kulakov 2013 - Kulakov V.I. Rekonstrukciya ubora obitatelej YAntarnogo berega v I-V vv. n.e. [Reconstruction of the headdress of the inhabitants of the Amber Coast in the I-V centuries AD.], Kiev, Vidavec' Oleg Filyuk Publ., 2013, 167 p. [in Russian].
- Kulakov 2017а - Kulakov V.I. Pit'evye roga baltov s dekorirovannymi detalyami [Baltic drinking horns with decorated details], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 1, pp. 127-150 [in Russian].
- Kulakov 2017b - Kulakov V.I. O proiskhozhdenii nozhej-kinzalov [About the origin of dagger knives], in: Zapiski IIMK RAN [Notes of the IIMC RAS], № 15, Saint-Petersburg, IIMK RAN Publ., 2017, pp. 97-109 [in Russian].
- Kulakov 2022а - Kulakov V.I. Prussy do prihoda krestonoscev [The Prussians before the arrival of the Crusaders], Saint-Petersburg, Aleteya Publ., 2022, 173 p. [in Russian].
- Kulakov 2022b - Kulakov V.I. YAntarnyj bereg v epohu Attily [The Amber Coast in the era of Attila], in: Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Bryansk State University], 2022, № 4 (54), pp. 69-78 [in Russian].
- Kulakov 2024 - Kulakov V.I. Voennoe delo prussov [Prussian military affairs], Saint-Petersburg, Aleteya Publ., 2024, 287 p. [in Russian].
- Kulakov, Skvorcov 2000 - Kulakov V.I., Skvorcov K.N. Boevye klinki iz Klyajnhajde [Battle blades from Kleinheide], in: Istoriko-arheologicheskij sbornik [Historical and archaeological collection], № 15, Minsk, Depolis Publ., 2000, pp. 40-52 [in Russian].
- Nørgård Jørgensen 1999 - Nørgård Jørgensen A. Waffen und Graber. Typologische und chronologische Studien zu skandinavischen Waffengräbern 520/30 bis 900 n.Chr. [Guns and graves. Typological and chronological studies on Scandinavian weapons graves from 520/30 to 900 AD.], København, det Kongelige Nordiske Oldskriftselskab Publ., 1999, 415 p. [in Danish].
- Prassolov 2018 - Prassolov J.A. Die völkerwanderungszeitlichen Dolchmesser der samländisch-natangischen Kultur auf dem Gebiet des ehemaligen Ostpreußens [The knives of the Samland-Natangian culture of the Migration period in the territory of the former East Prussia], Kiel, Wachholtz Publ., 2018, 328 p. [in German].
- Šimėnas 1996 - Šimėnas V. Etnokultūriniai procesai. Vakarų Lietuvoje pirmojo mūsų eros tūkstantmečio viduryje [Ethnocultural processes. Western Lithuania in the middle of the first millennium AD], Vilnius, Vilniaus universiteto leidykla Publ., 1996, 138 p. [in Lithuanian].
- Wise, Embleton 1995 - Wise T., Embleton G.A. Saxon, Viking and Norman, London, Osprey Military Publ., 1995, 40 p. [in English].

Кулаков Владимир Иванович

– доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела археологии эпохи великого переселения народов и раннего Средневековья Института археологии РАН (Москва, Россия).

Vladimir Kulakov

– Doctor of Historical Sciences, Leading researcher of Department of Archeology of an Migration Period and early Middle Ages of Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

drkulakov@mail.ru

СОПОСТАВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕНЕАЛОГИИ РЮРИКОВИЧЕЙ И ДАННЫХ ИХ ДНК-ГЕНЕАЛОГИИ

А.А. Карпенко

Волгодонский Техникум информационных технологий, бизнеса и дизайна им. В.В. Самарского
Россия, 347380, Ростовская область, Волгодонск, ул. Гагарина, 13

e-mail: alnikar1953@mail.ru

Researcher ID: F-1250-2018

<http://orcid.org/0000-0001-5905-2313>

SPIN-код: 1459-5673

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Исследование ДНК современных потомков Рюриковичей показало, что они произошли не от одного человека, жившего в середине XI века (Ярослава Мудрого), как первоначально предполагалось, а от двух человек, живших в середине IX века и отстоявших друг от друга приблизительно на одно поколение (правда, с погрешностью до нескольких веков). Черниговские Ольговичи (Оболенские, Волконские, Бярятинские; гаплогруппа R1a-L260) происходят все от общего предка, жившего приблизительно во времена Вещего Олега, а Мономашичи (гаплогруппа N1a-Y10931) – от предка, жившего приблизительно во времена призвания Рюрика. Родоначальники Протомономашичей и Протоольговичей родственниками друг другу не являлись. В статье предложена попытка выяснить, где и каким образом история двух различных по своему происхождению родов могла так переплестись друг с другом, что на страницах летописей они уже составили один род.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ДНК-генеалогия, Рюрикович, генеалогия.

COMPARISON OF HISTORICAL GENEALOGY OF THE RURIKOVICH DYNASTY AND THEIR DNA GENEALOGY

Andrey Karpenko

Volgodonsk College of Information Technology, Business and Design named after V.V. Samarsky
Russia, 347380, Rostov region, Volgodonsk, Gagarin Street, 13

e-mail: alnikar1953@mail.ru

ABSTRACT

A study of the DNA of modern descendants of the Rurikovichs has shown that they originated not from one founding father who lived in the middle of the 11th century (Yaroslav the Wise), as it was originally assumed, but from two founders who lived in the middle of the 9th century and were distanced from each other by approximately one generation (albeit with an error of up to several centuries). The Chernigov Olgovichs (Obolensky, Volkonsky, Baryatinsky families; haplogroup R1a-L260) all descend from a common ancestor who lived approximately in times of Oleg the Wise, while the Monomakhichs (haplogroup N1a-Y10931) originated from an ancestor who lived approximately in times of the calling of Rurik. The founders of the Proto-Monomakhichs and Proto-Olgovichs were not relatives to each other. The article attempts to find out where and how the history of the two different by its origin families could have become so intertwined that they formed one dynasty on pages of annals.

KEYWORDS: DNA genealogy, Rurikovich, genealogy.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование ДНК современных потомков Рюриковичей показало, что они произошли не от одного человека, жившего в середине XI века (Ярослава Мудрого), как первоначально предполагалось, а от двух человек, живших в середине IX века и отстоявших друг от друга приблизительно на одно поколение (правда, с погрешностью до нескольких веков). Черниговские Ольговичи (Оболенские, Волконские, Бярятинские; гаплогруппа R1a-L260) происходят все от общего предка,

жившего приблизительно во времена Вещего Олега, а Мономашичи (гаплогруппа N1a-Y10931) – от предка, жившего приблизительно во времена призвания Рюрика. Причём родоначальники Протомономашичей и Протоольговичей родственниками друг другу не являлись (Клёсов 2013; 2021; Рожанский 2018; Карпенко 2018).

Необходимо попытаться выяснить, где и каким образом история двух различных по своему происхождению родов могла так переплестись друг с другом, что на страницах летописей они уже составили один род.

Думается, чтобы понять то, как такое могло случиться, необходимо немного опуститься от времён Ярослава Мудрого, а с периода призвания варягов Рюрика, наоборот, подняться. В Повести временных лет (далее – ПВЛ) описано под 970 годом как маленького Владимира призывают на княжение новгородцы, прося его у его отца киевского князя Святослава Храброго (ЛЛ 2001: 69; ИЛ 1998: 57; НЛ 2000: 121, 523) так же, как за более чем век до этого они призывали «из-за моря» Рюрика (ЛЛ 2001: 19-20; ИЛ 1998: 14; НЛ 2000: 106, 514).

Вероятно, за период более чем в век в значительной степени независимо, но при этом согласованно с институтом киевского посадничества (хотя имена посадников от Гостомысла до Константина Добрынича не сохранились: НЛ 2000: 164, 471) в Новгороде существовал институт призвания князей со стороны, имевших на Севере Руси власть не наследственного характера. Другой вопрос – был ли этот институт прерван призванием Владимира, или он продолжал некоторое время существовать и далее.

Когда в 970-е гг. князь Владимир домогался руки Полоцкой княжны, – дочери Полоцкого князя Рогволода, – Рогнеды (ЛЛ 2001: 75-76; ИЛ 1998: 63-64; НЛ 2000: 125-126, 526) он был, по-видимому, ещё юным. Но, тем не менее, родившийся первым от Рогнеды старший сын Владимира Изяслав (ЛЛ 2001: 121, 129; ИЛ 1998: 67, 105, 114; НЛ 2000: 128, 159, 168, 465, 528, 550-551, 553) оказался у Владимира не первым, а только лишь вторым. Первым был Вышеслав (ЛЛ 2001: 121; ИЛ 1998: 67, 105; НЛ 2000: 128, 159, 465, 528, 550-551), родившийся вроде бы за несколько лет до того и в Новгороде. Правда, неясно кем была тогда жена Владимира в Новгороде (кроме того, что она была «Чехиней»: ИЛ 1998: 67; НЛ 2000: 128, 528) и почему она не упоминалась ни разу ни до полоцких событий, ни после них, как и сам Вышеслав, впервые упомянутый при посажении своих детей князем Владимиром по различным городам Руси. Само имя Вышеслава указывает скорее на его западнославянское происхождение, чего об имени самого Владимира, упоминавшегося до этого в южнославянской среде, сказать нельзя. До 1010 года (год смерти по данным В.Н. Татищева: Татищев 1768) Вышеслав вроде бы должен был прожить не малую по меркам того времени жизнь и стать отцом нескольких сыновей, или хотя бы одного. Но Вышеслав трафаретно вписан в общий список сыновей Владимира и ничего ни о нём самом, ни о его потомках неизвестно, хотя и наступил уже XI век (ЛЛ 2001: 129-273; ИЛ 1998: 114-250; НЛ 2000: 15-19, 168-203, 553-558), а не скупой на подобного рода информацию IX (ЛЛ 2001: 17-29; ИЛ 1998: 13-20; НЛ 2000: 104-107, 512-515).

Можно предположить, что когда с помощью новгородцев и варягов князь Владимир сумел захватить Киевский стол (ЛЛ 2001: 76-78), помимо посадника в Новгород, которым он поставил Добрыню (ЛЛ 2001: 79), своего дядю (ЛЛ 2001: 69), он позволил новгородцам столь верно ему послужившим, сохранить институт призвания князя со стороны, не имевший наследственной передачи власти, который до того существовал параллельно с посадничеством. И Вышеслав, впоследствии вписанный в число сыновей Владимира (ЛЛ 2001: 121),

мог быть не его сыном, а очередным (западнославянским по своему происхождению-?) князем, возможным потомком Рюрика, от варягов которого, по уверениям летописцев, новгородцы вели своё происхождение (ЛЛ 2001: 20).

Наиболее близким и тянувшим к Новгороду городом был в то время, вероятно, не кривичский Изборск и не дальнее Белоозеро, а Ростов, стоящий прямо на Волжско-Балтийском торговом пути. В этом городе и мог поставить Вышеслав посадником своего единственного сына, минуя очередность сыновей Владимира. Очевидно, что Владимира это не могло не беспокоить, но он с этим смирился поскольку после смерти новгородского князя, Ростов, до того и после, вероятно, исправно плативший дани Киеву, всё равно автоматически переходил одному из сыновей Владимира, а Новгород избирал себе нового князя. Вероятно, новгородцы, чувствуя, что постепенно теряют институт самоуправления, после смерти Вышеслава призвали себе бывшего Ростовского князя, то есть, его старшего сына, претендуя, таким образом, на наследственный в перспективе характер княжеской власти в Новгороде, к тому же идущей, вероятно, от того его родоначальника – первого призванного князя Рюрика. Пока Ярослав исправно платил дани, он был на положении одного из сыновей Владимира, правда, под пристальным присмотром сына одного из крестителей Новгорода и по совместительству родного дяди князя Владимира по материнской линии Добрыни – Новгородского посадника Константина Добрынича.

В 1014 году Ярослав, почувствовав вкус к власти, позволил задержать отправку даней в Киев (ЛЛ 2001: 130), и был бы разгромлен объединёнными силами Руси, но поскольку Владимир умер, а Русь на время оказалась раздроблена, его удел оказался самым сильным. Началась междоусобица детей Владимира и Ярослав с позиции «разделяй и властвуй», пользуясь взаимоничтожением потомков Владимира, и сам уже к ним себя причисляя, сумел завладеть почти всей Русью, за исключением Полоцкого княжества, принадлежавшего потомкам Изяслава (ЛЛ 2001: 146, 166) – старшего сына Владимира и последнего удержавшего свой удел сына Владимира, правителя Тмутараканского княжества, Мстислава (ЛЛ 2001: 146-150). То, что Ярослав мог не являться сыном Владимира следует из наложения первых лет биографии Ярослава и Изяслава Полоцкого, чья жизнь, по-видимому, стала основой для реконструкции происхождения Ярослава от Рогнеды. Оба княжича в детстве много и серьёзно болели и заступались за мать, пытавшуюся отомстить за женитьбу Владимира на византийской принцессе, всё чаще вспоминая убийство Владимиром её родителей и братьев. Поскольку Изяслав умер совсем молодым (в 1001 году: ЛЛ 2001: 129), его биографию дописывать не пришлось, но она сослужила собой основу для замены, вероятно, ещё более интересных первых лет жизни будущего Мудрого князя.

Оставался последний действующий сын Владимира – Тмутараканский князь Мстислав, сумевший в битве в 1024 году одолеть Ярослава (ЛЛ 2001: 148-149) и отвое-

вать себе всё Днепровское Левобережье с Черниговом. В биографии этого князя удивляют несколько моментов. Великий воин, проживший хозяином половины Руси более десятка лет, оставил только одного сына, к тому же умершего вроде бы раньше его самого (за 3 года в 1033 г.: ЛЛ 2001: 150). Удивляет и то, что имя этого единственного сына сохранилось только в христианском неславянском его варианте (Евстафий). На Руси было принято использовать в обиходе славянские языческие имена, даваемые ещё при рождении, то есть, до крещения ребёнка, а не христианские. Христианские имена многих князей Древней Руси историкам-исследователям неизвестны и реконструируются лишь предположительно. А тут княжеский сын умирает, не оставив потомкам своего языческого имени-титула (ЛЛ 2001: 150). Не могло ли быть так, что дети Мстислава Храброго по несохранившимся (письменным-?) договорённостям с Ярославом Мудрым сохранили за собой Черниговский княжеский стол, то есть, стол второго по значимости и населению города Руси? Быть может один из князей триумvirата «Ярославичей» на самом деле не являлся Ярославичем, а был Мстиславичем, чьё христианское имя на самом деле было Евстафий – имя популярное у христиан Северного Кавказа? Быть может, по этой причине Святослав Черниговский столь часто был оставляем один на один на произвол судьбы в противостоянии с половецкими степняками? (ЛЛ 2001: 171-173). Быть может по этой причине в триумvirате старший и младший братья, кроме первой их распри 1073 г. (ЛЛ 2001: 182-183), практически всегда при возникновении разногласий и споров объединялись против среднего из братьев Черниговского князя Святослава, а затем его сыновей и сыновей младших князей, в битвах с которыми, заступаясь за Всеволода, Изяслав собственно и погиб в 1078 году (ЛЛ 2001: 200-201)? Все эти вопросы при такой постановке дела, кажется, находят своё логическое разрешение.

Таким образом, и далее Ольговичи через Олега «Гориславича», согласно «Слову о полку Игореве» (далее – СПИ) (Слово 2002) сохранили свою обособленность от Мономашичей, то есть, потомков Владимира Всеволодовича Мономаха – сына младшего из триумvirата «братьев-Ярославичей», со времён своих родоначальников часто уклоняясь от похода последних в Степь (ЛЛ 2001: 284, 290). К сожалению, как отмечал ещё А.Г. Кузьмин (Кузьмин 2003), черниговское летописание было утеряно, а прототипом всех древнерусских летописей было творение игумена Выдубицкого монастыря Сильвестра (ЛЛ 2001: 286, 291), творившего под непосредственным покровительством Владимира Мономаха (ЛЛ 2001: 291. О сохранившихся в Ипатьевской редакции ПВЛ фрагментах паряславского летописания см.: Жих 2019: 3-60).

Ольговичи, вероятно, и имя своё вели не от Олега «Гориславича», а возводили происхождение своего рода непосредственно к Вещему Олегу через Святослава – Мстислава – Владимира Святого – Святослава Храброго – Игоря Старого. Мономашичи, вероятно, как и другие потомки Ярослава Мудрого, возводили свой род непосредственно к Рюрику, лишив княжеского достоинства

основателя конкурирующего рода, то есть, Вещего Олега (НЛ 2000: 107, 434, 514), заменив отцовство над Ярославом Мудрым с Вышеслава на Владимира Святого (ЛЛ 2001: 121), прибавив к имени варягов Рюрика добавление, говорившее об их связи с Русью (ЛЛ 2001: 19-20). Мономашичи справедливо считали свой род старше рода Ольговичей, ведь Рюрик действительно жил минимум на поколение раньше Вещего Олега.

Но не смотря на свою логическую подоснову предположение о том, что Ярослав был Вышеславичем, а Вышеслав не был Владимировичем и Святослав Черниговский был Мстиславичем, а не Ярославичем не находят прямого своего подтверждения в письменных источниках. К предположению, что Игорь Старый был сыном Вещего Олега имеется косвенное указание в СПИ (Карпенко 2010: 14-21), а о черниговском происхождении Вещего Олега высказывался в своё время в своих «Разысканиях» один из крупнейших дореволюционных историков Д.И. Иловайский (Иловайский 2004: 72).

Мы понимаем, что предложенное логическое умозаключение можно принять с большим количеством оговорок. Трудно себе представить, чтобы древнерусские князья в перипетиях многочисленных междоусобных войн XI-XIII вв. не преминули хотя бы раз напомнить друг другу о разности своего происхождения, а они по-прежнему продолжали именовать друг друга братьями, даже не смотря на то, что они друг от друга были по родственной линии уже значительно отдалены (Толочко 2005: 218).

ДАнные ДНК-ГЕНЕАЛОГИЯ В ВОПРОСЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ «РЮРИКОВИЧЕЙ»

С помощью палеогенетики и ДНК-генеалогии появилась возможность продвинуться вперёд, в т.ч. и в решении бесконечного норманнского вопроса.

Останки, найденные в ходе археологических раскопок, а так же, мощи и останки, находящиеся в монастырях и музеях – это, как минимум, несколько князей рода Рюриковичей, разбросанных от периода Ярослава Мудрого и заканчивая Иваном Грозным, включая Андрея Боголюбского, Александра Невского и других. Останки так называемых «дружинных» захоронений Киевской, Черниговской и Смоленской земель IX-X вв., а так же киевский некрополь того же времени, содержащие, судя по богатству захоронений, среди прочих, членов древнерусского княжеского семейства. Но, например, останки князя Ярослава Мудрого, без малого тысячу лет оставшиеся в порядке и сохранности, при их вскрытии в 2008 году украинскими учёными, оказались не теми, с которыми в 1930-1960-е гг. работал М.М. Герасимов (Гинзбург 1940: 63; Акашев 2000: 199; Карпенко 2017: 276-277). Какова репрезентативность других останков?

Привлечь для сравнения с «Рюриковичами» современные шведские, датские и норвежские конунгские роды, как и западнославянские южнобалтийские онемеченные княжеские, представляется возможным, но баснословность многих генеалогических преданий признаётся ныне многими учёными и может выдать разноречивых данных.

«Потомков Рюрика» очень много среди представителей дореволюционных княжеских родов (Донской 2008). Поэтому, когда появился ДНК-проект по исследованию княжеских родов, возводивших своё древо от тех или иных потомков Рюрика, казалось, что решение проблемы теперь за горами, но результаты исследования получились неоднозначными.

Многие княжеские роды вымерли, причём самые древние и очень давно, например, «Всеславичи» СПИ – потомки сына Владимира Святого Изяслава, внуком которого был Всеслав князь полоцкий. Не осталось известных потомков у сыновей Ярослава Мудрого – старшего Владимира и следующего по старшинству лидера триумvirата его сыновей-правителей – Изяслава. Все нынешние потомки Рюрика возводят свои роды всего от двух сыновей Ярослава Мудрого – Всеволода князя переяславского и Святослава князя черниговского (Донской 2008).

Поэтому общего предка всех княжеских родов из этих исследований можно было бы назвать – это Ярослав Мудрый. Советские антропологи показали, что Ярослав Мудрый сочетал в себе краниологические признаки, характерные для новгородских словен и северян (Гинзбург 1940: 63; Акашев 2000: 199; Карпенко 2017а: 276-277), что не согласуется с версией скандинавского происхождения древнерусской княжеской династии.

Оказалось, что потомки Ярослава Мудрого в основном имеют гаплогруппы двух разных людей (Клёсов 2013; 2021; Рожанский 2018; Карпенко 2018; Балановский 2021). Общий предок одной из них выпадает приблизительно на IX век и являлся носителем R1a-L260. То есть, большинство якобы потомков Святослава Черниговского на деле восходят с разной степенью удалённости не только к нему и его отцу Ярославу Мудрому, но и к общему первопредку, жившему в IX веке не через традиционную княжескую генеалогическую формулу – Ярослав – Владимир – Святослав – Игорь (ЛЛ 2001: 18). Представители ветви L260 гаплогруппы R1a, к которым относятся и Рюриковичи из Ольговичей, судя по карте распространения этой ветви гаплогруппы, уже к III-XI вв. были разбросаны, вероятно, в ходе Великого расселения славян, по всему славянскому миру, но значительно кучнее на территории Польши, на Украине и в Южной России.

Кем был родоначальник Рюриковичей точно установить нельзя, но учитывая гаплогруппу Ольговичей R1a-L260 можно сделать вывод, что славянином, с куда большей вероятностью, чем, скажем, иранцем, балтом, германцем или финно-угром. Много важнее учёт гаплотипа или снипа Ольговичей, который, помимо восточнославянской территории, был распространён почти исключительно в соседней с Украиной и Белоруссией Польше и (в меньшей степени) в Восточной Германии, а гаплотип или снип Мономашичей, имевших гаплогруппу N1a-Y10931, и родоначальник которых жил на два или почти три века раньше самого Рюрика, помимо северо-западной России, встречается в основном в соседней с Россией Эстонии (Рожанский 2018).

И.Л. Рожанский указывал, что до 8-10% современных шотландцев являются потомками викингов (Рожанский

2018), чего мы на Руси даже близко не видим («Среди русских, украинцев и белорусов, литовцев не оказалось никаких потомков скандинавов с их типичным для Скандинавии снипом R1a Z284. Все эти снипы в Скандинавии и на Британских островах»: Клёсов 2021). О.П. Балановский отмечал, что представители Мономашичей Y10931 все найдены в России (Балановский 2021). А.А. Клёсов уточняет, что даже близкие гаплотипам Рюриковичей в Скандинавии, по сути, лишь «визитёры со стороны славян и со стороны финнов, но гаплотипов последних у Рюриковичей нет» (Клёсов 2021). Их гаплотип обнаруживается, например, в районе города Липецка, а гаплогруппа N1a1 имеют «в Швеции всего около 7% мужского населения, в Норвегии – 2,5%, в Дании – 1%» (Клёсов 2021). И в Швецию представители этой гаплогруппы попадали, вероятно, через Финляндию, где она обнаруживается у 62% (Клёсов 2021). К тому же «в Швеции и Финляндии, тестированных на порядок больше, чем в России», а «носителей... линии Y10932 – Y10931, как у российских “Рюриковичей” в Швеции, вообще в Скандинавии, не обнаружено... в Швеции не обнаружено ни одного носителя Y10931... и это из выборки в 331 носителя гаплогруппы N в шведском проекте. 11 князей-“Рюриковичей”, их линии все проходят через снип Y10931. Так что имеем 12 в России против 0 в Швеции» (Клёсов 2021). Но вместе с тем, ни одного представителя гаплогруппы N1a1 ветви L550 не было найдено в Польше и Передней Померании. Так что родоначальник Мономашичей, вероятно, не мог быть не только скандинавом, но также и выходцем из Померании или острова Рюген и принадлежать к ободритским племенам.

По мнению С.С. Алексашина «настоящими» Рюриковичами являются носители гаплогруппы Ольговичей R1a-L260, остальные произошли от Всеволода Ярославича, по его мнению, на самом деле, являвшегося сыном бывшего норвежского короля и известного и почитаемого в скандинавских странах и на Руси (ныне Русской православной церковью в восточнославянских странах) – крестителя Норвегии Олафа II от жены Ярослава Мудрого Ингигерды (Ирины) (Алексашин 2010: 72-88).

По версии О.Н. Барабанова Рюриковичами на самом деле являются носители гаплогруппы I2, которые являются потомками Изяслава Ярославича. Остальные, по его мнению, на самом деле, также в основном являются потомками Олафа II, или вовсе самозванцами (Барабанов 2015: 198-207).

Можно справедливо возразить этой версии, поскольку в случае её принятия придётся признать, что от Олафа II у Ингигерды (Ирины) родился не один Всеволод, а ещё как минимум один Ярославич, что источниками подтвердить весьма непросто. К тому же гаплогруппа I2 в Скандинавии практически не встречается. Она присутствует в основном на Западе Балкан, а далее менее густыми кругами от Боснии и Герцеговины, в Сербии и Черногории, Хорватии, и в той части Румынии, которая в средневековье входила в состав Болгарии, в Болгарии и Македонии, в меньшей степени на территории Украины, Белоруссии и Молдовы. Гаплогруппа I1, распространена в Скандинавии (во всех странах, в том числе и в Финляндии), в частности, в среде норвежской

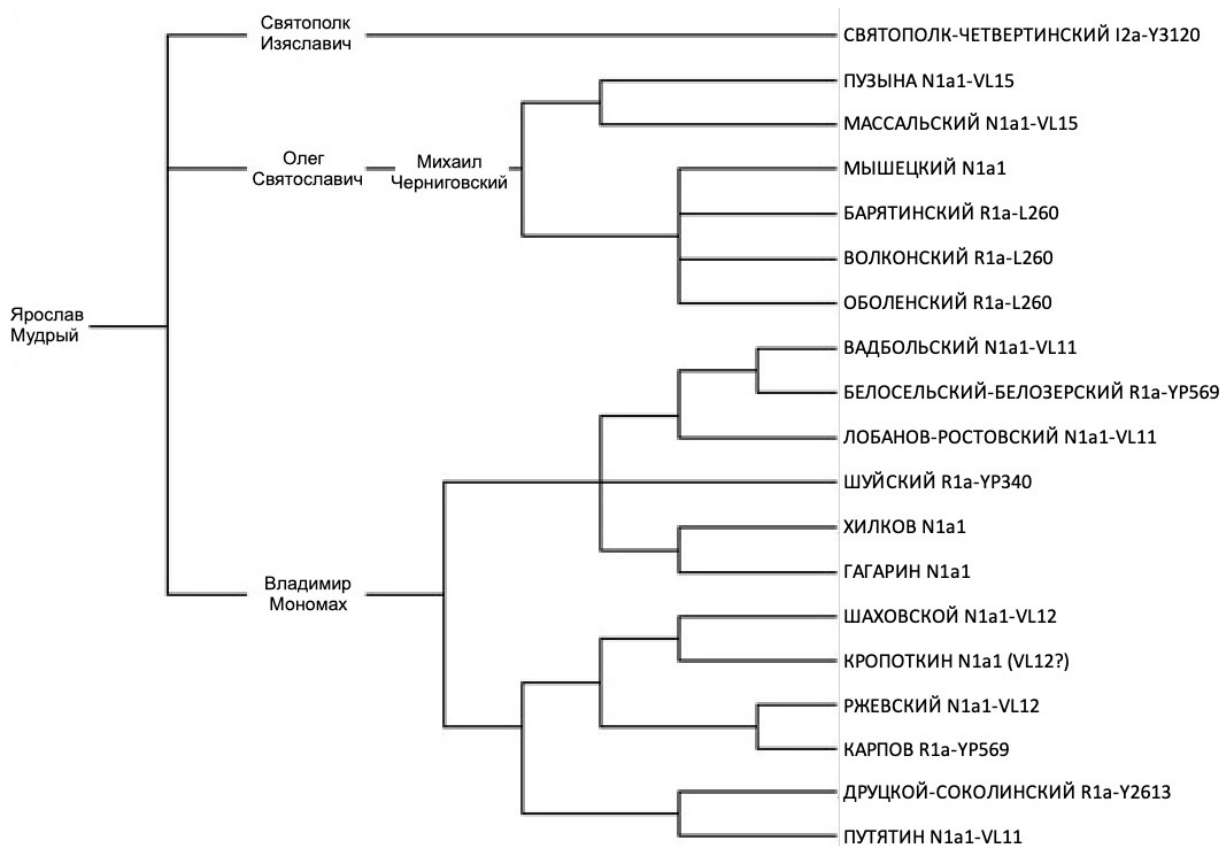

Рис. 1. (Волков 2012: 12) (с коррекцией на современные аббревиатуры названий гаплогрупп и сипов И.Л. Рожанским)

знати. Присутствует она и в «варяжских» захоронениях Шестовицкого могильника X века под Черниговом. Учитывая давние связи населения Балкан и Руси, особенно в догосударственное и древнерусское время, даже пытаться как-то увязывать гаплогруппу I2 именно со Скандинавией, не погрешив против исторической и палеогенетической действительности, просто невозможно.

Но даже позиция О.Н. Барабанова выглядит более осторожной, чем позиция В.Г. Волкова (Волков 2012: 11-40) и Л.С. Клейна (Клейн 2015), которые, во-первых, отчего-то безапелляционно увязывают с Рюриковичами исключительно представителей гаплогруппы N1a1, а во-вторых, они почему-то считают её именно «скандинавской», как это делает в отношении гаплогруппы I2 О.Н. Барабанов, хотя в Скандинавии она практически не встречается, а сип Мономашичей там до сих пор не обнаружен (Балановский 2021; Клёсов 2021).

Если гаплогруппа R1a была коренной славянской особенностью, то, вероятно, славянская верхушка на большинстве славянских, в том числе, восточнославянских земель, была, в значительной степени, её носителем.

Причиной, почему потомки Всеволода Переяславского происходят от носителя гаплогруппы N1a1, которая являясь одной из основных у балтов и финно-угров, более распространена у скандинавов, чем у славян (если взять в совокупности все ветви славян – восточных, западных и южных) была, по мнению С.С. Алексашина (Алексашин 2008), измена жены Ярослава Мудрого Ингигерды (Ирины) с бывшим норвежским королём Олафом II, намёк на которую имеется в скандинавских

сагах (примерно под 1029 годом), вследствие которой родился Всеволод – отец Владимира Мономаха. Этот факт, возможно, был хорошо известен на Руси. Иначе чем объяснить тот факт, что потомки Всеволодовичей практически никогда не называли своих детей именами первых русских князей Олега и Игоря (Коган 1994: 78-79; Русь 1996)? Монах Выдубицкого монастыря, которому покровительствовал Владимир Мономах, – Сильвестр (ЛЛ 2001: 286, 291) возвёл весь княжеский древнерусский род в обход, вероятно, действительного его родоначальника – Олега Вещего – к Рюрику (ЛЛ 2001: 18-20).

Из потомков Святослава Черниговского были почти все известные науке древнерусские князья – носители имён Олег и Игорь (Коган 1994: 78-79; Русь 1996). Мало того, часть потомков младшего сына Ярослава Мудрого Всеволода (отца Владимира Мономаха), памятуя о том, что к древнерусским князьям восходят именно Ольговичи, а не Мономашичи, так же, вероятно, приписали себя к первым (это князья, возводящие себя к Ольговичам с гаплогруппой N1a1: Масальские, Мышецкие и Пузына) (рис. 1).

О том насколько всё-таки князь Всеволод любил своего отца и свой род можно судить хотя бы по тому факту, что он решился в 1053 году назвать своего старшего сына Владимиром, хотя всего за год до этого старший сын Ярослава Мудрого Владимир, носящий это же имя, умер, будучи совсем молодым человеком, не пережив отца (ЛЛ 2001: 160).

Гаплогруппа N1a1, весьма распространена у угро-финских и балтских народов Балтийского региона, по 60% и 40% соответственно, имеет особенно

высокие показатели в южной Финляндии. Однако эти северные народы в данном случае не имеют отношения к Рюриковичам, поскольку их сипы, как показал А.А. Клёсов (Клёсов 2008), не совпадают и они не могли быть родичами древнерусской княжеской династии, правившей на Руси приблизительно с середины IX века. Кроме того Финляндию, как Родину Рюрика и Руси не подкрепляет ни один исторический источник. Когда в первой половине XVIII века В.Н. Татищев (Татищев 1768) высказал версию о финском (в его понимании «сарматском», так как финно-угров он называл сарматами), а во второй половине XIX века Н.И. Костомаров о балтском (в его понимании «жмудском») происхождении Руси (Кузьмин 2003), оба вынуждены были под давлением критики затем от своих версий отказаться из-за отсутствия их подтверждения в каких бы то ни было письменных источниках.

Попытка сторонников скандинавской версии происхождения варягов и Руси объявить родоначальника древнерусской княжеской династии скандинавом только на основе того, что гаплогруппа N1a1 у них встречается чаще, чем у славян, выглядит не особо основательной. Наоборот, чаще встречающаяся у скандинавов, чем у других народов гаплогруппа I1 у «Рюриковичей» встречаются только у около 5% представителей (Клёсов 2008). И в Скандинавии, как указывалось ранее, была распространена гаплогруппа I1, а у восточных славян I2.

Концепция Н.И. Костомарова о балтском (литовском или «жмудском») происхождении Руси почти целиком строилась на анализе гидронимии данного региона, богатого названиями рек и включающими в свою корневую основу «-рос-» или «-рус-» (Кузьмин 2003: 288). «Иоакимовская летопись» В.Н. Татищева, вопреки расхожему мнению, отнюдь не указывает на Финляндию, как на родину Рюрика (Татищев 1768; Карпенко 2017; 2017а). Ни Рюрик, ни варяги, ни Русь, вопреки мнению В.Н. Татищева, высказанному им в примечаниях (Татищев 1768: 47) в «Иоакимовской летописи» с финнами не отождествляются.

R1A И N1A КАК ПОКАЗАТЕЛИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУССКОЙ КНЯЖЕСКОЙ ДИНАСТИИ И РУСИ

И.Л. Рожанский в комментариях к статье С.В. Цветкова (Цветков 2016) обращал внимание «на весьма необычную географию западнославянской ветви R1a-L260, представителями которой была одна из ветвей Рюриковичей. Это основная генеалогическая линия современных поляков, что достигает 16% в весьма репрезентативной выборке с польского ДНК-проекта. Необъяснимым образом ее доля падает на порядок (около 1,5%) у их ближайших соседей – белорусов и литовцев. Причем это не следствие недостаточной статистики в коммерческом тестировании, потому что тот же самый «провал» подтверждается на полевой выборке в 1088 гаплотипов, собранных равномерно по всей территории Белоруссии. С Украиной ничего подобного не наблюдается, и ветвь L260 проходит полосой через всю ее территорию на уровне 8-12% от мужского населения, захватывая также юг России. Столь резкие демографи-

ческие границы на территории, не имеющей серьезных естественных преград (горы, моря и т.п.) и религиозно-сословных барьеров, можно объяснить только тем, что миграции произошли относительно недавно, и люди из соседних мест не успели еще перемешаться». И далее: «Любопытно, что в их среде эта второстепенная в сравнении с Рюриковичами из N1a1 линия носит имя «Ольговичей», по имени черниговского князя Олега Святославича, официального предка князей Волконских, Оболенских и Барятинских. А может быть, это был совсем другой Олег, Вещий?».

Приблизительно семь из 23 представителей княжеских фамилий «Рюриковичей» – носителей гаплогруппы R1a, относящиеся к первому гаплотипу или субкладу имеют общего предка, время жизни которого приходится на вторую половину X в. (Клёсов 2013; 2021). А.А. Клёсов указывает на Рюрика, который, согласно ПВЛ умер в 879 году, таким образом, отодвигая на чуть более раннее время период жизни родоначальника древнерусской княжеской династии. Но Рюрик, кем бы он ни был, славянином, как считают антинорманисты, или скандинавом, как считают их оппоненты, если он историческое лицо, не мог родиться позднее начала IX в. (Карпенко 2015). Если он был славянином, то к периоду захвата ободритской столицы датчанами, произошедшем 808 году, ему уже должно было быть, как минимум несколько лет, поскольку у него к моменту разорения Рарога было двое младших братьев, возможно, таких же, как и он, не столь уж малолетних детей. Следовательно, рождение потомства у Рюрика должно было приходиться на самое позднее (если он сумел их зачать глубоким по меркам того времени 50-60-летним стариком) – середину IX века. Люди ещё до революции 1917 года в России жили в среднем около 32-33 лет и Рюрик, как историческое лицо, вряд ли мог быть родоначальником гаплогруппы R1a у «Рюриковичей». Гораздо с большей уверенностью на это подходит Вещий Олег, главный исторический ориентир жизни которого – его поход на Византию в 907 г. и договор с ней в 911 гг. – выпадают на тот же век, когда должен был жить родоначальник древнерусской княжеской династии.

Противники признания именно носителей R1a потомками древнерусских князей (Волков 2012) от Игоря Старого до Ярослава Мудрого говорят о том, что почти половина из них относят своё древо к одному князю, жившему не ранее середины XIV века – Юрию Тарусскому, а поскольку его старший сын погиб в расцвете лет в 1368 году, Юрий Тарусский не мог быть сыном Михаила Черниговского, умершего мученической смертью в 1246 году в Золотой Орде (ЛЛ 2001: 523). Но, во-первых, несколько князей – потомков от Михаила до Юрия (2-3 человека) могли выпасть из генеалогий, поскольку они не были упомянуты в летописях. Во-вторых, уже к Юрию, когда в отношении родства с Михаилом, канонизированным церковью, никто ещё не сомневался, могли приписать свои родословные древа другие Верховские князья, так же Ольговичи. За это говорит то, что, согласно расчетам в области ДНК Ольговичей, генеалогический предок родов, возводящих своё родословие к Юрию, жил, как показали начальные иссле-

дования, около 1150 года, то есть, за два века до Тарусского князя и больше подходил к родоначальнику Черниговских Ольговичей – Олегу Святославичу, жившему как раз в конце XI – начале XII вв., то есть, ещё в том же веке. Однако, дальнейшие исследования показали, что родоначальник Ольговичей жил даже не во времена Олега «Гориславича», а скорее во времена самого Вещего Олега (Рожанский 2018), то есть на почти два с половиной столетия раньше (конечно, если брать в учёт не крайние, а усреднённые цифры, поскольку разброс в крайних цифрах в любых исследованиях в области древних ДНК пока ещё достаточно большой).

Известно, что эпитет Ольговичи многократно упоминается, как в ПВЛ (ЛЛ 2001), так и в СПИ (Слово 2002). Такой эпитет выглядит для источников Древней Руси странным, поскольку, например, другой эпитет «Мономашичи», во-многом, является столь же книжным, как и сам термин «Киевская Русь», и практически не упоминается в источниках. Да, князей изредка, и даже в СПИ, могли назвать, скажем, Ярославичами или Всеславичами (Слово 2002), но подобное генеалогическое членение единого дома «Рюриковичей» в целом для него не было явлением характерным. Олег Святославич неоднократно осуждается в летописях, поскольку именно он ввёл моду на вмешательство степняков во внутрирусские дела. Именно Олег трижды водил на Русь «поганых» половцев, за что, вероятно, даже у своих потомков получил эпитет «Гориславич» (Слово 2002). Обособление части древнерусских князей, да ещё названных в честь князя с подобной репутацией, выглядит явлением для древней Руси весьма странным. Может быть, черниговские князья считали своим предком другого Олега – Олега Вещего, непобедимого князя, чья репутация защитника древней Руси была, судя по ПВЛ, безупречной? (ЛЛ 2001: 22-39).

Если брать в учёт ещё один род Рюриковичей – носителей гаплогруппы R1a, почему-то не учтённый в таблице В.Г. Волковым (Волков 2012: 12), но учтённый в своих расчетах А.А. Клёсовым – Пентикост/Оболенского (как выяснил тест, скорее, Волконского) (Клёсов 2013), то получится общее количество носителей этой гаплогруппы по родам Рюриковичей 8 из 23, что составляет почти треть. Из этих 8 родов – у 4 родов, по расчетам А.А. Клёсова, общий их предок должен был жить около X века (Клёсов 2013), то есть, в том веке, когда, согласно договору с греками (ЛЛ 2001: 29-32, 32-37), наиболее надёжному историческому свидетельству о его реальном существовании, жил Вещий Олег. 8 из 4-х – это 50% из родов, чьи представители являются носителями гаплогруппы R1a (Волков 2012; Клёсов 2013). Много это или мало, но именно 7 современных славянских народов имеют более 40% носителей гаплогруппы R1a, а ещё 7 народов меньше этой цифры, то есть, опять получают всё те же 50% с обеих сторон (Клёсов 2008).

Серьёзным историческим аргументом в пользу отнесения именно носителей N1a у «Рюриковичей» к древнерусскому княжескому роду является относительная близость или, по крайней мере, не столь сильная, как ожидалось бы при кардинальном отличии их происхождения, удалённость, ДНК Мономашичей от ДНК

представителей потомков литовских Гедиминовичей. Анализ традиционных исторических источников, правда, тогда пока ещё без учёта данных ДНК, уже давал исследователям скорее положительный ответ на вопрос о предполагаемом родстве Гедиминовичей и Рюриковичей (Колтырин 2016: 139-150).

Одновременно с вокняжением в Литве рода Гедимины и его потомков или чуть позже на Северо-Востоке Руси оформляется, первоначально в составе так называемого «Сказания о князьях Владимирских» (Сказание 1984: 422-435), генеалогическое предание о происхождении «Рюриковичей», которое выглядит чуждым всем до того известным источникам, в том числе и летописным. В нём действует брат или родственник римского императора Октавиана Августа – Прус, причём как раз в период рубежа н.э., поскольку именно тогда правил этот первый римский император. Представителем 14-го колена потомков Пруса якобы и был Рюрик, призванный на Русь (Кузьмин 2003: 289). Возвышение Гедиминовичей и оформление «Сказания о князьях Владимирских» шло почти одновременно, в зависимости друг от друга и во многом параллельно (Колтырин 2016: 139-150). Зачем северо-восточным русским правителям понадобилось выводить своего родоначальника от представителей балтских племён в то время, когда их собственный род уже являлся одним из древнейших в Европе?

Гедиминовичи с необыкновенной лёгкостью смогли подчинить всю южную Русь и сомкнуть свои владения с московской державою, вновь объединяемую домом «Рюриковичей». Причём Гедиминовичи вроде бы обосновывали своё родство с Рюриковичами, а не наоборот (Колтырин 2016: 139-150). Но это было позже, когда Московское княжество стало одной из крупнейших держав мира и Европы, а Литва подпала под Польшу. Но вначале, когда Литва подмяла под себя почти всю Русь, претендовала на Новгород и Псков, а северо-восток Руси всё ещё был раздробленным, всё было как раз наоборот. А лёгкое подчинение княжеств южной и центральной Руси Литвою, причём княжеств, управляемых всё теми же «Рюриковичами», теперь находит одно из своих логических объяснений. Ведь Гедиминовичи, будучи родственной крови с северо-восточными русскими князьями, могли и, вероятно, воспринимались потомками Ольговичей, Всеславичей и других ответвлений «Рюриковичей», как свои.

Правда, тут же встаёт вопрос о том, мог ли князь IX века быть 14-ым по счёту потомком князя, правившего на рубеже н.э. или мог ли условный Рюрик быть потомком того самого условного Пруса? Современные учёные вслед за Иорданом в «Гетике» дают в среднем раскладку на временное расстояние между двумя ближайшими представителями разных поколений в 25 лет (Иордан 1960). Умножаем 14 на 25 и получаем приблизительно 350 год. Какие восточнославянские князья могли править в период около этого времени за полтысячелетия до призвания на север Руси Рюрика?

Имеющиеся у Иордана известия ведут, как заметил ещё Д.И. Иловайский, на Черниговщину (Иловайский 2004: 72). Единственным известным восточнославянским антагонистом правителем этого времени был князь

Бус/Бож, время которого вспоминается в СПИ (Слово 2002) в связи с рассказом о походе Ольговичей во главе с Новгород-Северским князем Игорем в степь. Исследователям иногда кажется невероятным факт памяти в Юго-Восточной Руси конца XII века о князе, воевавшем с готами ещё в середине – третьей четверти IV века. Новгород-северские предания, записанные ещё до обнаружения СПИ, «говорят о том, что этот город был основан ещё в 340 году н.э.» (Шафонский 1787), что хронологически соответствует славянской киевской археологической культуре, распространённой в том числе и на территории будущего Новгорода-Северского, и доходившей до территории Псковщины и будущей именьковской в Самарском Поволжье. О войне готов с антами, о победе первых над последними после нескольких поражений, о казни князя Буса/Божа вместе с его сыновьями и 70 старейшинами повествует готско-аланский историк VI века Иордан в своём труде «Гетика» (Иордан 1960). Произошло это около 375 года. Вероятно, это события происходили на Левобережье Днепра, там где киевская культура соприкоснулась с черняховской (Терпиловский 2000: 303-311). Думается, не все дети Буса/Божа были распяты вместе с их поверженным отцом. СПИ и новгород-северские предания, сохранившиеся до XVII века, позволяют предположить, что именно Бус/Бож виделся жителям Северной земли легендарным предком, родоначальникам северянских князей, а, возможно, и предком наиболее вероятного родоначальника древнерусской княжеской династии Вещего Олега.

Киевская археологическая культура на севере соприкоснулась с балтскими племенами, из земель которых выводился, начиная с XVI в. Рюрик. Нельзя исключать культурных импульсов и миграций с территории киевской культуры в балтские земли, вызванных войнами с готами и гуннским нашествием. В числе таких мигрантов могли быть представители элиты, сохранившие, однако, память о южной своей родине, люди в которой не особенно сопротивлялись, когда Гедиминовичи, перейдя к власти в Литве, начали объединять и их земли, поскольку сама Пруссия к тому моменту была уже захвачена немцами.

В ПВЛ описан путь заселения Северщины с севера Руси, со стороны полоцких кривичей (ЛЛ 2001: 10). Однако, археологами установлено, что эта земля в V-VII вв. заселялась распространением с правобережья Днепра славянской пеньковской археологической культуры, то есть, с запада (Алексеев 2005: 149). Но первое заселение Северщины славянами с севера осуществлялось преимущественно в рамках киевской археологической культуры во II-V вв., то есть, в период, когда жил князь Бус/Бож (до 375 года), когда основан был, согласно новгород-северским преданиям (Шафонский 1787), этот город, и когда должен был жить предок Рюрика в 14-м колене, условный «Прус».

Когда правившему в начале XII века Владимиру Мономаху понадобилось обосновать претензии Всеволодовичей, имевших, вероятно, скандинавское происхождение, на киевский стол, он помимо нарушения старшинства обычного до прихода его к власти престолонаследия (ЛЛ 2001: 289-290), вынужден был при-

бегнуть к возведению правившего в Киеве и всей Руси княжеского рода к правившему некогда в ней общему и наиболее престижному скандинавскому, то есть, в понимании начала XII века, варяжскому предку. О южнобалтийском происхождении Рюрика и его варягов к тому времени помнили только в Новгороде, основанном уже после его смерти (Смирнова 1974; 1976). Для киевлян начала XII века, как и времени веком ранее, варяги уже воспринимались в основном, как скандинавы и это их понимание проецировалось в летописях на время за 2,5-3 века до этого. На хронологические и другие увязки не обращалось внимания, чтобы примирить все ветви единого рода. Правда, черниговские Ольговичи, чей княжеский стол был на исконной земле родоначальника древнерусского княжеского рода – Вещего Олега, не были с этим согласны, несмотря на то, что личность этого князя в летописях не была ни убрана, ни даже его роль в ранней истории древней Руси занижена. Ведь княжеская династия получила несколько десятилетий дополнительной истории, с древности увязывала в единое судьбы Северной и Южной Руси.

Мы не имеем Черниговских летописей Ольговичей (Кузьмин 2003: 199-202), поскольку они не сохранились, а единственным источником для восстановления истины является памятник не только исторический, но и литературный – СПИ (Слово 2002).

Показательно что, когда в середине XVI века Иван Грозный в переписке со шведским королём упоминал Рюрика, его южнобалтийское происхождение в памяти древнерусского княжеского рода было уже восстановлено. Но шведы о реальных скандинавских корнях монашьяго племени, оказывается, не забывали, и при удобном случае не могли не напомнить о нём, хотя в реальности оно, видимо, было боковым, поскольку произошло благодаря измене жены Ярослава Мудрого. Ответов шведского короля не сохранилось, но судя по контексту посланий Русского государя, на Руси фактов, приводимых шведами, уже не помнили, а по времени своего правления Рюрик был куда более ранним и более историческим лицом, чем большинство представителей во многом фальшивых скандинавских генеалогий.

Случай Джона Пентикост-Оболенского доказал княжеское, а не просто знатное, происхождение именно черниговской ветви Ольговичей. Оказалось, что его род в разной степени родства относится ко всем трём родам, происходящим от Олега Святославича, князя черниговско-тмутараканского, и отделялись они постепенно с X по XII вв., то есть, удалось установить расщепление княжеского рода, история которого столь подробно описана в ПВЛ, которая, правда, не в состоянии объяснить, без привлечения дополнительных источников, всех нюансов этого процесса. В X веке первым из княжеского рода выделился род Барятинских, так как, представители его в наиболее дальнем родстве к Пентикост/Оболенским. Это, вероятно, потомки ещё одного, помимо Игоря, сына Вещего Олега – Олега Моравского, история жизни которого подробно описана в так называемых Богемских хрониках Х.Ф. Фризе (Фризе 1895; Кузьмин 2003).

Далее в промежутке времени между Вещим Олегом и Олегом Святославичем отделился от древнерусского княжеского рода род князей Оболенских, более дальних родственников Пентикост/Оболенским, чем Волконским. Можно рискнуть предположить, что это потомки Евстафия – сына Мстислава Владимировича князя тмутараканско-черниговского, хотя у него в скудных и неполных источниках, так же, как и в отношении Олега Моравского, о наличии детей информации не обнаруживается (ЛЛ 2001: 150).

Из всех трёх родов наиболее близким к Пентикост/Оболенским оказался род князей Волконских. Их общий предок, судя по хронологическим вычислениям, должен был жить в XII веке, то есть, наверняка был Олег Святославич, князь черниговский и тмутараканский. Но один из этих родов (какой именно, сказать трудно) пошёл по прямой линии черниговских князей к Михаилу Черниговскому и далее, а другой, расщепившись в Верховских землях, оставил своим предком Юрия, князя тарусского, чей старший сын погиб в 1368 году, спустя 122 года после мученической смерти в Орде своего мнимого дедушки святого Михаила черниговского (ЛЛ 2001: 523).

Таким образом происхождение Черниговской ветви «Рюриковичей» непосредственно от родоначальника древнерусской княжеской династии, вероятного отца князя Игоря Старого, – Вещего Олега выглядит вполне вероятным.

ИМЕНА ОЛЕГ И ИГОРЬ В ДРЕВНЕРУССКОЙ КНЯЖЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Имена Олега и Игоря, в отличие, например, от имени Рюрика, долго не употреблявшегося ни разу, были самыми популярными именами в именниках древнерусского княжеского рода. Согласно «Богемским хроникам» в переложении Х.Ф. Фризе (Фризе 1895; Кузьмин 2003) у Вещего Олега был сын по имени тоже Олег (в крещении Александр), ставший затем князем Моравии, а после разгрома последней венграми, вернувшийся на Русь и служивший Ольге до 967 года, в котором и умер. Само имя Ольга есть лишь вариант того же имени Олега, то есть, его женская форма. Согласно договору князя Игоря одного из его двух племянников также звали Игорем (ИЛ 1998: 34; ЛЛ 2001: 45). Оно же из трёх сыновей Святослава, поставленного им князем в «Деревской земле», согласно ПВЛ, звали Олегом (ЛЛ 2001: 69). В источнике, доступном Екатерине II Великой, одного из 13 сыновей князя Владимира Святого звали Олегом. Один из сыновей Ярослава Мудрого, поставленный при жизни отца в Смоленске, так же звался Игорем (1036-1060 гг.) (Татищев 1768). Это был 4-ый по старшинству сын, после триумвирата Ярославичей, и 5-ый если считать Владимира, не пережившего отца. Таким образом, в каждом поколении князей Древней Руси периода её политической консолидации и единства были либо князь по имени Олег, либо князь по имени Игорь, либо они оба вместе взятые. Всего 3 Игоря, 4 Олега и одна Ольга, то есть, 8 князей всего в 6 поколениях (Олег – Игорь – Святослав – Владимир – Ярослав – дети последнего), причём в поколении Олега все (Олег), в поколении Игоря тоже все (3 из 3-х: Игорь, Ольга и Олег),

в поколении Святослава – четверть (Игорь, но не его брат Акун: ИЛ 1998: 34; ЛЛ 2001: 45), и не брат Святослава, согласно «Иоакимовской летописи», Улеб (Татищев 1768; Карпенко 2017), то есть, один из четырёх), в поколении Владимира – треть (Олег, но не брат их Ярополк: ЛЛ 2001: 69), то есть, один из трёх). И лишь в поколении Ярослава Мудрого и среди его детей было только по одному Олегу и Игорю, поскольку детей у Владимира Святого и Ярослава Мудрого было много и надо было их называть разными именами, чтобы не путать между собой. Но они и в этих поколениях употреблялись хотя бы по разу либо одно, либо другое.

ИМЕНА ОЛЕГА И ИГОРЯ В КНЯЖЕСКИХ ИМЕНОСЛОВАХ ЗА ПРЕДЕЛАМИ РОДА СВЯТОСЛАВА ЯРОСЛАВИЧА ЧЕРНИГОВСКОГО

За пределами рода Святослава Ярославича князя черниговского и киевского (1173-1176) присутствует только один Олег. Это сын галицко-волынского князя Ярослава Осмомысла, упоминаемого в СПИ (Слово 2002), – Олег, погибший в один с отцом 1187 год (Коган 1994; Русь 1996). Род этот происходит от старшего сына Ярослава Мудрого – Владимира. Так же за пределами рода Святослава Ярославича черниговского поименован только один князь именем Игорь – это внук псковского и дорогобужского князя Владимира – Олег Ярославич. Он происходил из рода другого Ярославича – Всеволода, князя перяславского и киевского (1078-1093 гг.), но удела не имел (Коган 1994; Русь 1996).

МОНОМАШИЧИ И ЛЕГЕНДАРНАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ РЮРИКОВИЧЕЙ

Ответ на вопрос о том, скандинавского или славянского происхождения был родоначальник Всеволодовичей – отец, возможно, мнимого (Алексахин 2008) сына Ярослава Мудрого – Всеволода, от которого пошла владимиристо-суздальская ветвь князей рода Рюриковичей, заключается в степени близости их родства с представителями той же самой гаплогруппы рода Гедиминовичей. Оказалось, что их общий предок жил около 2-3,3 тысячи лет назад (Клёсов 2013), то есть, во времена, когда (если брать ближайшую к нам дату) славянские и балтские языки почти окончательно разошлись по отдельным языковым подгруппам индоевропейских языков.

Существовало только одно племя, которое к этому времени, возможно, ещё сохраняло «переходный» характер своего языка – это прусы (Жих 2020: 11-16), спор о языке которых не утихает до сих пор и осложняется тем, что уже более трёх веков, как не осталось ни одного живого носителя этого языка.

Поэтому легенда о Прусе – брате Августа, жившем на рубеже н.э., сохранившаяся в русских исторических и летописных сочинениях XVI-XVIII вв. (Сказание 1984: 422-435) особенно ценна, как отражение возможных древних славяно-прусских (и, шире, славяно-балтских) связей. Интересным может оказаться сопоставление русской и литовской традиции о древних легендарных князьях со скандинавской традицией. Один, пришедший согласно скандинавским «Старшей Эдде» и «Млад-

шей Эдде» в Скандинавию из южнорусских степей, двигался как раз через Прибалтику и, согласно скандинавским сказаниям, заключил (на рубеже н.э.?) договор с каким-то римским императором, что сближает его с Прусом. От Одина вели своё происхождение, согласно скандинавским преданиям, все скандинавские правители. На рубеж эр приходится минимально возможная по близости дата периода жизни общего предка Рюриковичей и Гедиминовичей. Возможно, в предании об Одине, пришедшем в Прибалтику из южнорусских степей, а также в легенде о Прусе, отразилась память о миграции на север каких-то групп населения аланского, а также, возможно, увлечённого на север аланами, славянского происхождения.

В «Сказаниях о князьях Владимирских» легендарные князь Рюрик с братьями выводятся от рода Пруса, который «жил очень много лет, до четвёртого поколения» (Орлов 1999: 106). В частности, сначала в Сказании повествуется о том, что «в год 5457 (51 до н.э.) Август, кесарь римский, ... Пруса, родича своего, послал на берега Вислы-реки в города... по реке, называемой Неманом и впадающей в море», а затем о том, что по этой причине и Рюрик с братьями, будучи уроженцами Прусской земли, или, по крайней мере, один Рюрик (а братья, получается, автоматически), тоже «был из римского рода Августа-царя» (Орлов 1999: 106), что перекликается со скандинавскими сказаниями «Младшей Эдды» об Одине, где последний, совершая переход из страны Асов у реки Танаквиса, обосновывался на своём пути в том или ином регионе Балтики в течение нескольких (чаще 2 или 3) поколений, после чего двигался дальше. В частности, «Младшая Эдда» представляет такое сказание: «Скьельдом звали сына Одина, и отсюда пошли Скьельдунги. Он жил и правил в стране, что теперь называется Данией, а тогда звалась Страной Готов. У Скьельда был сын по имени Фридрейв, правивший после него. Сына Фридрейва звали Фроди. Он наследовал своему отцу в те времена, когда Август кесарь водворил на всей земле мир. Тогда родился Христос» (Младшая Эдда 2005: 78). «Скьельдунги – датский королевский род. Скьельд значит щит» (Младшая Эдда 2005: 126). Но это только происхождение этого рода по мужской линии. По женской линии этот род происходил также от Одина, но через другого его сына Сигрлами и внука Сфаврлами, королей Гардарики, чьи владения, при их «историзации», вероятно, располагались на территории будущей Руси, и от которых произошли многие известные правители и герои – 12 берсерков, герой «Беовульфы» король готов Онгентеов-Ангантюр, также, возможно, Рорик или Рёрик Ютландский (хотя от кого именно последний всё-таки происходил не совсем ясно), которого некоторые исследователи отождествляют с летописным Рюриком (Никитин 2001).

В этих двух фольклорных источниках есть временные и географические указатели, которые позволяют сближать двух легендарных правителей – Пруса и Одина. Прус, согласно сказанию, был родственником императора Октавиана Августа, то есть, должен был жить на рубеже эр. «Младшая Эдда» (Младшая Эдда 2005: 78, 126), «Сага об Инглингах» (Снори Стурлусон 1980) и дру-

гие скандинавские источники говорят о том, что начало правления Фроди – датского короля и внука Одина приходится на время правления Октавиана Августа (27 год до н.э. – 14 год н.э.) и годы жизни Иисуса Христа (1-33 гг. н.э.), то есть, приблизительно на рубеж эр. Отстаиваем 50 лет, то есть, годы правления его сына, а так же, его самого, и получаем время прихода Одина на Север, по крайней мере, в Данию около 50 года до н.э. Только согласно Саге об Инглингах (Снори Стурлусон 1980), Один был отнюдь не родственником одного из римских императоров, а, наоборот, соперником, спасающим себя и свой род от гибели от рук римлян. Август – брат или родственник Пруса отправляет его в Пруссию сразу после 5457 (51 год до н.э.) года. Совпадение хронологии появления обоих легендарных правителей на Балтике налицо. На Руси первым римским императором и их родоначальником считался (правда, никогда формально им не являвшийся) Юлий Цезарь, от которого собственно и пошло древнерусское слово царь/цезарь и который был родственником (отчимом), вскоре (после некоторого перерыва) пришедшему ему на смену, Октавиану Августу. Время жизни Цезаря (100-44 гг. до н.э.) позволяет отождествить именно его с «Августом» Сказания (Сказание 1984). Помимо совпадения времени появления Пруса и Одина в Северной Европе – около середины I в. до н.э. совпадает и место их появления (Южная Балтика – Дания и/или Пруссия, соответственно). Оба князя оставляют потомков, которые правят, соответственно, в Скандинавии и на Руси.

Исследование ДНК Рюриковичей и Гедиминовичей показало, что их общий предок жил от 2 до 3,3 тысячи лет назад. Предположение, что память о нём отразилась в легендах об Одине и Прусе, конечно, очень смелое, привлекает совпадением деталей в двух разных группах фольклорных в своей основе, источников: в скандинавских сагах (Снори Стурлусон 1980; Младшая Эдда 2005: 78, 126) и в древнерусских сказаниях (Сказание 1984: 422-435; Орлов 1999: 105-108), записанных, вероятно, позже времени их фактического возникновения. Оно также, возможно, способно объяснить как попытки поисков корней древнерусских князей в Скандинавии (Древняя Русь 2003; Назаренко 2002: 16-22), так и противодействие им (Кузьмин 2003; Фомин 2004; 2005), объяснять попытки увязать род Рюриковичей и род Гедиминовичей, проводившиеся чуть ли не сразу после возвышения последнего (Колтырин 2016).

Ещё через тысячу лет после Рюрика, несмотря на иноязычное и инокультурное окружение, далёкие германоязычные потомки балтийских славян помнили о нём и его братьях (Кузьмин 2003; Меркулов 2015: 54-74) и поздний характер записи данных источников должен говорить скорее о ещё большей значимости данных, содержащихся в них. Существование местной подосновы этих сказаний и генеалогий, на наш взгляд, неоспоримо.

ВОЗМОЖНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВЕЩЕГО ОЛЕГА

Таковы гипотетические корни рода, условно именуемого Мономашичами. Что же касается рода Ольговичей, то роспись князей Древней Руси, приведённая

в ПВЛ (ЛЛ 2001: 18), не может не вызывать недоумения при традиционной интерпретации её историками. Она начинается относительно истории Руси с правления византийского императора, при котором «нача прозывати Руска земля» (ЛЛ 2001: 17) своим именем. При этом год начала правления этого императора указан неверно. Вместо 842 года назван 852 год (ЛЛ 2001: 17). Но 852 год – это начало правления не в Византии, а в Болгарии и не императора Михаила, а болгарского князя Бориса (Успенский 2002: 96), в крещении так же получившего имя Михаила. Случайна ли такая путаница? При этом Юрий в этом перечне даже не упомянут (ЛЛ 2001: 18).

Македонская династия Византийских императоров действительно по женской линии оказалась переплетена со славянской династией, основанной в Болгарии князем Борисом-Михаилом (Успенский 2002: 16, 98). Известно, что деда по женской линии императора Льва VI звали Ингер (Успенский 2002: 16). Но дело в том, что мать этого императора, возможно, была сестрою Болгарского князя Бориса, а, следовательно, и «благородный Ингер» (Успенский 2002: 16), детьми которого они были, упомянутый византийскими историками, был, возможно, отцом не только Ингерины (Успенский 2002: 98), но и его брата Бориса. Среди Болгарских ханов и их родов Ингеров не было. Если род Ингера был уже достаточно благороден по византийским меркам и он был славянским, а славяне в своей массе, не ставились византийцами выше праболгар, то это, возможно, может быть указанием на его особую древность. Крупнейшим среди славянских племенных союзов Болгарии был племенной союз северов, близкий в этническом отношении восточнославянскому одноимённому племенному союзу. Оба племенных союза произошли из племенного «суперсоюза» антов, правителем которых был, упомянутый ещё VI века Иорданом (Иордан 1960), князь Бус/Боз, бившийся с готами где-то в Северном Причерноморье (Кузьмин 2003), вероятно, на Левобережье Днепра в середине – третьей четверти IV века, как раз в районе, где в IX веке жили восточнославянские северяне.

К 852 году князь Борис был уже человеком известным, имел жену и, вероятно, уже родившегося к 852 году сына Владимира. В 860 году, когда Борис воевал против сербской Рашки, вероятно, родственной болгарским северам, и восточнославянской северянской Руси, он имел некие династические претензии на эту область, ведь вторжение произошло после смерти местного сербско-рашского князя. Однако оно не увенчалось успехом и в том же 860 году старший сын Бориса Владимир вместе с 12 старейшинами оказался в сербском плену. К моменту крещения болгар Владимир, следовательно, был человеком достаточно взрослым и самостоятельным. Тем поразительнее его исчезновение на Балканах почти на три десятилетия. Возможно, он отказался внутренне, а не формально, принять христианство и был за это изгнан из Болгарии, прихватив с собой верных себе людей и дружину. Если это так, то Владимира в источниках в это время быть не должно было. Владимир – это славянское имя-титул, вероятно, только княжеское, и его не мог носить человек, не обладавший княжеским достоинством. Обращает на себя

внимание, что уменьшительно-ласкательным вариантом этого имени будет форма «Волька», трансформировавшаяся, возможно, под влиянием традиционного южнорусского (ныне в основном украинского) гэканыя в летописную форму «Вольг» (мужская форма имени «Олег» в ПВЛ в всех случаях (ЛЛ 2001: 240), а женская – в четверти случаев (ЛЛ 2001: 46-69), с последующей потерей начального «В», как в мужской, так и в женской форме этого имени.

В 879 году (В)ольг/Владимир объявляется, возможно, в одноимённом балканском северам, восточнославянском северянском городе Новгороде. А.А. Шахматов, например, был уверен, что в начальном варианте названия города, из которого Олег вышел в поход на Киев, вообще не указывался. Затем он захватывает северянский же г. Любеч (ЛЛ 2001: 23), а затем полусеверянский Киев (ЛЛ 2001: 23). В течение 882-885 гг. (В)ольг объединяет под своей властью сразу несколько восточнославянских племенных союзов, то есть, помимо северян, ещё полян, радимичей и древлян, а с уличами и тиверцами, отделяющими его от Болгарии, воюет (ЛЛ 2001: 23-24). К 887 году, судя по данным одной из поздних летописей, Олег, возможно, сумел подчинить эти племенные союзы, к тому времени, действительно, вполне имея возможность вторгнуться к 889 году в Болгарию (Успенский 2001), то есть, к году, когда Владимир Расате отправил своего престарелого отца – крестителя Болгарии Бориса в монастырь, а другого его сына и претендента на престол Симеона, судя по имени родившегося после крещения Болгарии в 864 году (Успенский 2002: 112), возможно, на время лишить его наследственных прав.

«(В)олг великий князь Роуский», как величает Веще-го Олега ПВЛ под 911 годом (ЛЛ 2001: 33), вернув свой болгарский титул, временно возвращает своё имя-титул Владимир. Вольг не учёл той глубины, какую успело пустить за прошедшие 25 лет в Болгарии христианство. К тому же он привёл с собой не только одних единоплеменных болгарским северам, восточнославянских северян, но и представителей других союзов племён и в ту пору ещё немногочисленных варягов. Да и в Болгарии, помимо северов, были и другие славянские союзы племён и праболгары, почти уже слившиеся воедино. Вольг, вероятно, столкнулся в Болгарии с теми же проблемами, которые испытал там спустя почти век его вероятный потомок Святослав, и пошёл по тому же неверному пути искоренения христианства, что и он.

История о низвержении его и дальнейшей печальной судьбе вряд ли правдива. К 893 году Вольг-Владимир действительно вынужден был покинуть страну и уступить власть в ней своему брату Симеону, но он сумел оставить в своей власти всю до того завоёванную часть Киевской Руси, включая приграничные с Болгарией земли тиверцев и уличей, которые затем использовались в походах Руси на Византию при заключении договоров в качестве переводчиков (ЛЛ 2001: 29). В 898 году, судя по сообщению ПВЛ (ЛЛ 2001: 25-26), венгры пошли как раз между двумя этими странами, но если Олег сумел отсидеться в Киеве, то владения болгар, судя по сообщению Константина Багрянородного (Константин Багрянородный 1989), весьма серьёзно пострадали.

Этим не преминула воспользоваться Византия и уже Симеон вынужден был теперь просить брата о помощи. Олег, успевший породниться с северными восточнославянскими племенными союзами к 903 году, в том же году поспешил на помощь и, судя по стеле 904 года (Успенский 2002: 333), на границе Болгарии и Византии, упоминая его имя, два брата сумели не только устоять и отстоять прежние свои границы, но даже чуть углубиться внутрь византийской территории.

Хронологическая близость этих событий позволила поздним русским летописям княгиню Ольгу, имевшую явно северное восточнославянское или варяжское происхождение, посчитать представительницей Болгарского княжеского рода (Никитин 2001: 209-210, 218). Но она не могла быть болгарыней, поскольку в договоре Игоря, упоминаются не только имена послов, как и в предыдущем договоре Олега, заключённого после удачного похода 907 г. (ЛЛ 2001: 29-39), но и княжеские имена, многие из которых встречаются либо исключительно, либо преимущественно в болгарских именованных (Никитин 2001). Это явно не родня Ольги, а свидетельство болгарских династических и родственных связей её мужа.

Во время войн и походов Руси на Византию болгары иногда выступали не на стороне древнерусских князей. Это было, например, при Олеге (Успенский 2002: 333), но при Игоре (ЛЛ 2001: 44, 45), при Святославе (ЛЛ 2001: 69, 73) и при Владимире (ЛЛ 2001: 84) они всегда были союзниками, мягко говоря, не очень надёжными, поскольку при явном родстве происхождения народов, особенно сильном на уровне знати (Святослав восстановил, например, низложенных болгарских князей), единение болгар и византийцев не позволяло им надолго политически объединиться, или действовать хоть сколько-нибудь политически консолидировано. Святослав, например, абсолютно это обстоятельство не учитывал и даже хотел, судя по ПВЛ, перенести столицу объединённого славянского государства из Киева не в родовой город Вольга – Плиску, откуда и выводили затем Ольгу (Никитин 2001: 209-210, 218), называя его Плесковом (ЛЛ 2001: 29), а Преслав – новую христианскую столицу. «Хочу жити с Переяславци в Дунаи» (ЛЛ 2001: 67) – говорит этот князь своей матери Ольге в 969 году. Затем он, судя по сообщению «Иоакимовской летописи» (Татищев 1768: 36-37), вступил в другую крайность, решив уничтожить христианство на Руси и в Болгарии вообще, начав со своего войска, чего не удалось даже его вероятному предку-предшественнику – Вольгу. Владимир Святой сначала с Болгарией воевал (ЛЛ 2001: 84), а приняв христианство, наоборот, более попыток политического объединения двух стран не предпринимал (ЛЛ 2001: 98-130).

В XVI веке поздние летописцы, вероятно, не поняв, что за Вольг упоминается в источнике (так как Вольгой (ЛЛ 2001: 55-67) в летописях чаще называли имя «Ольга», чем Вольгом (ЛЛ 2001: 240) – имя «Олег»), написали о том, что княгиня княжеского болгарского рода (Никитин 2001: 209-210, 218). Это сообщение противоречило всему, что ранее было известно об этой княгине и вводит в недоумение историков до сих пор, ведь столица Болгарии была перемещена из Плиски в Преслав ещё

в 893 году, а Ольга родила Святослава, судя по сообщению Ипатьевской летописи в 942 году (ИЛ 1998: 34), то есть, не менее 50 лет от роду (если она вышла замуж за Игоря в 903 году: ЛЛ 2001: 29; ИЛ 1998: 21), что по меркам того времени было бы явлением совершенно невероятным. К тому же Ольга, судя по имеющимся источникам, минимум до смерти мужа была язычницей, что маловероятно, если бы она происходила из крещённой уже много десятилетий назад христианской Болгарии.

Летописцы низвели Вольга-Владимира сперва до родственника безусловного родоначальника древнерусской княжеской династии Игоря (ЛЛ 2001: 22; ИЛ 1998: 16), а затем и просто до его воеводы (ИЛ 2000: 107, 434, 514), а его болгарского отца Бориса-Михаила заменили в перечне древнерусских правителей одноимённым ему по его христианскому имени византийским императором-тёзкой, Михаилом (ЛЛ 2001: 18), правда, забыв заменить вместе с его национальной принадлежностью, год начала его правления. Но самым ярким и не стираемым доказательством своего родоначальства Вольг не преминул воспользоваться и назвал-таки своего сына в честь своего дедушки и отца крестителя Болгарии Бориса-Михаила «благородного Ингера» (Успенский 2002: 16), а византийцы, не зная точного родословия древнерусского княжеского рода, смогли первыми донести достоверную информацию о правившем до 945 года в Киеве (ЛЛ 2001: 55), более загадочном для историков, чем для них самих, Ингоре или Ингере (Древняя Русь 2003; Константин Багрянородный 1991; Лев Диакон 1988: 82-90).

Владимир Расате, вероятно, пришёл на Русь не сам, а с дружиной, набранной на Балканах. Ведь в 860 году он побывал в плену у сербов, а в 889-893 гг., будучи князем болгар, вероятно, имел в их среде некоторую поддержку при попытке восстановления языческой веры в Болгарии. Привлекал он, вероятно, и других балканских славян-язычников, в частности, сербов, с которыми, как уже отмечалось он успел столкнуться ещё в детстве, и которые не могли также, как болгары, централизованно принять христианство, поскольку не имели ещё тогда такой же сильной власти и единой страны, которую к концу IX века уже представляла из себя Болгария. Вероятно, потомками одного из балканских знатных вельмож, увлечённых князем на Русь жителей Балкан, и являются представители одного из родов Рюриковичей – носителей гаплогруппы I2 (Барабанов 2015), чрезвычайно распространённой на западе Балканского полуострова.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕЯСЛАВЛЕ ДОГОВОРОВ ОЛЕГА И ИГОРЯ С ГРЕКАМИ

Историки до сих пор спорят о том, какой именно Переяславль имелся в виду в договорах Олега (907 год и 911 год: ЛЛ 2001: 29-30, 32) и Игоря (944 год: ИЛ 1998: 34; ЛЛ 2001: 45), если археологически он прослеживается только с конца X века (Новосельцев 1991), когда согласно ПВЛ его заложил в честь победы над печенегами киевский князь Владимир Святой (ЛЛ 2001: 123-124). Ответ на этот вопрос даёт князь Святослав, который в 968 году восклицает княгине Ольге, что хочет править

не из Киева, а из болгарского города Переяславца, который, по фразе приписываемой ему, является «середой в земли моеи» (ЛЛ 2001: 67). Об основании русским князем городов в Болгарии во время его Балканских походов 967-971 гг. ни византийские, ни болгарские, ни древнерусские источники не сообщают ни слова. Следовательно, под Переяславцем, возможно, имеется в виду именно столица Древней Болгарии – город Преслав (с 893 года) (Никитин 2001). Для летописца конца XI – начала XII вв. (ЛЛ 2001: 286) сравнение города Преслава или Переяславца в Болгарии, входившей тогда в состав Византии, с отчиной (ЛЛ 2001: 161) Владимира Мономаха – Переяславцем Южным или Русским (а ныне Хмельницким), переживавшим тогда период своего расцвета, было вполне возможным. Но столица времён Святослава – Преслав, не уступавший, а вероятно, даже превосходивший по численности и размерам современные ему Киев и Чернигов, вполне подходил для того, чтобы стать столицей владыки Руси, Хазарии, Болгарии и других стран, власть в которых Святослав к тому времени уже успел сосредоточить в своих руках. Наивно было бы полагать, что болгары, имевшие огромный опыт противостояния с Византией, осады её городов, осаждавшие, причём несколько раз, Константинополь, будут в стороне от грандиозных походов, организованных древнерусскими князьями, и тем более от раздела добычи и наложения на Византию дани. По крайней мере, фонетическая близость Преслава Переяславцу, или Переяславлю, является столь же очевидной, как близость летописного названия Плескова (ЛЛ 2001: 29, 151) – Пскова и названия предшествовавшей Преславу столицы Болгарии – Плиски, отмеченная позднейшими летописцами (ЛЛ 2001: 151). Тем более, что Преслав, очевидно, был основан «в Дунаи» (ЛЛ 2001: 67), то есть, явно в землях бывшего славянского болгарского племенного союза северов, или северцев, охранявших в этом районе болгаро-византийскую границу, точно так же, как спустя век Переяславль был заложен Владимиром Святым на землях восточнославянского союза племён северов, или северян (ЛЛ 2001: 123-124) на границе со степью. Так, что поводов для отождествления двух разных городов у позднейшего летописца было более, чем достаточно.

ВОЗМОЖНОЕ МЕСТО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОДИНА И ЛЕГЕНДАРНАЯ ГЕНЕАЛОГИЯ РЮРИКОВИЧЕЙ

Учитывая «асское» происхождение героя скандинавских сказаний, позднее отождествляемого с германским божеством Воданом/Вотаном, –Одина, локализации исходного пункта, из которого он выдвинулся, Асгарда на берегах реки «Танаквиса» (Танаиса), можно попытаться локализовать это место. Асы – это самоназвание донских алан, известных на Дону с I века н.э., и называемых греками «ассаи»/«эссаи» (Вернадский 2004: 102, 242). Помимо имён древнерусских князя Аскольда (ЛЛ 2001: 20-23; НЛ 2000: 9) и кормильца Святослава Асмуда (ЛЛ 2001: 55) имена, начинавшиеся на «ас» были весьма популярны и в самой Скандинавии. Многие подобные имена указывает в своей книге Г.В. Вер-

надский (Вернадский 2004). Например, женой знаменитого конунга Торольва, которая после его смерти вышла замуж за его брата Эгиля, была княгиня Асгерд. В «Книге о заселении страны» рассказывается, что в Исландии в середине X в. Тьерви Насмешник посватался к девушке по имени Астрид (Вернадский 2004: 152). В «Саге о людях с Песчаного Берега», рассказывающей о событиях, происходивших около 983 г., говорится о дочери Стюра Асдис (Вернадский 2004: 153). Согласно «Саге о Стурлунгах», на рубеже XI-XII вв. в Исландии жил некто по имени Асбьёрн (Вернадский 2004: 187). Характерно, что имена, начинавшиеся на «ас», носили в большинстве случаев именно княгини, но весьма редко сами князья, что вполне может быть объяснено высокой социальной ролью женщины в древних североиранских обществах.

В IV веке аланы были частью увлечены гуннами в Европу, а частью ушли на Кавказ, вернувшись оттуда в VIII веке, спасаясь уже от завоевательной политики арабов на Кавказе (Минаева 1965: 227, 275; Плетнёва 1981: 65; Афанасьев 1993: 151; Галкина 2002: 150, 168, 237; ИДИСК 2001: 54-55). Известны они и русским летописям по событиям, происходившим на Дону ещё в X-XIII вв. под именем «ясы» (ЛЛ 2001: 65, 291; ИЛ 1998: 53, 284), а также грузинским хроникам (Мровели 1979: 19-39) того же времени под именем «осов». Б.А. Рыбаков показал, что в древних и средневековых источниках под Танаисом подразумевался не Дон в его современном понимании, а лишь нижняя часть его течения до впадения в него Северского Донца и Северский Донец (Рыбаков 1958; 1971; 1986; 2010: 27, 41-42, 52). «Переводя данные Птолемея на современную географическую карту, мы с удивлением узнаём, что автор указал нам координаты не Дона, а Северского Донца плюс нижний отрезок Дона, ведущий к морю» (Рыбаков 2010: 27). Таким образом, «Клавдий Птолемей даёт координаты Танаиса (два устья, изгиб, истоки)» (Рыбаков 2010: 52). Перед нами фактически «отождествление Танаиса с Северским Донцом» (Рыбаков 2010: 41-42). «Средневековая традиция подкрепляет полученный вывод: в Киевской Руси “Великим Доном” продолжали называть именно Северский Донец. Только в XIV веке установилось современное понимание Дона, и “Хождение Пимена в Царьград” 1389 г. даёт нам географическое описание Дона, а не Донца» (Рыбаков 2010: 27).

Поскольку в сказаниях скандинавов о месте Асгарда ничего не говорится о морях, ни об Азовском, ни о Чёрном, понятной стала безрезультатность попыток археологов (например, Б. Салена в конце XIX – начале XX вв. или путешественников (Т. Хейердал и его соратники и единомышленники в конце XX – начале XXI вв.) (Хейердал Лиллистрём 2008) найти останки легендарных асов вблизи почти приморского одноимённого города Азова. Вероятно, следовало бы выбрать направление поисков Асгарда не к морю в низовьях Дона, а, наоборот, к верховьям реки Танаис – «Танаквис», то есть к верховьям не Дона, а Северского Донца (Рыбаков 2010: 27, 41-42, 52), где в середине VIII – начале X вв. существовал лесостепной аланский вариант салтово-маяцкой археологической культуры (Минаева 1965; Плетнёва 1981; Афана-

сьев 1993; Галкина 2002), а аланы жили здесь и в первые четыре века н.э.

Могли ли жить по-соседству с аланами, то есть, иранским по языку народом, балтские племена на рубеже н.э.? Теоретически могли. Вот уже много десятилетий отечественные и зарубежные археологи не могут поделить между славянами и балтами целую серию археологических памятников, относящихся к разным культурам Верхнего и Среднего Поднепровья I тысячелетия до н.э. – I тысячелетия н.э. Волынцевская и роменская культуры точно отождествляются с летописными северянами, что указывает, что и в предыдущее тысячелетие славянское население здесь, вероятно, должно присутствовать. С другой стороны, балтское племя галиндов – наша летописная голядь (ЛЛ 2001: 162) – жило ещё в древнерусские времена в районе Смоленска, ассимилируясь постепенно восточными славянами. Наличие здесь и несколько южнее в интересующем нас районе значительно большего количества балтов во времена

много ранее летописных, кажется, не вызывает сомнений. Трёхграничье славян, балтов и иранцев – вот то место, из которого могла начаться миграция асов, отразившаяся в легендах об Одине и Прусе. Территориально это трёхграничье совпадает с ареалом проживания племенного союза северян (Багновская 1979; 1979а; 1979б; 1980).

Во времена картельного похода Юлия Цезаря на север, совершённого им сразу после одного из крупнейших столкновений цивилизованного и варварского миров – знаменитого восстания галлов мог состояться обмен посольствами между римским правителем и прибалтийским князем «асского» происхождения. По справедливым словам известного лингвиста В.Н. Топорова, «есть серьезные основания полагать, что пренебрежительно-отрицательное отношение к ранней историографической традиции, сообщающей о связях прусов с Римом, будет пересмотрено» (Топоров 1973: 32, прим. 6).

ЛИТЕРАТУРА

Акашев 2000 - Акашев Ю.Д. Историко-этнические корни русского народа. М.: Социум, 2000.

Алексашин 2008 - Алексашин С.С. Современные геногеографические исследования родословной Рюриковичей посредством генетического маркера Y-хромосомы // Скандинавские чтения 2008 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб.: Кунсткамера, 2010. С. 72-88.

Алексеев 1967 - Алексеев В.П. Краниология народов Восточной Европы и Кавказа в связи с проблемами их происхождения. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. М.: Институт этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1967.

Алексеев 2005 - Алексеев С.В. Славянская Европа V-VI вв. М.: Вече, 2005. 416 с.

Алексеева 1969 - Алексеева Т.И. Антропологический состав восточнославянских народов и проблемы их происхождения. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. М.: Институт этнографии имени Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1969.

Афанасьев 1993 - Афанасьев Г.Е. Донские аланы: Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. М.: Наука, 1993.

Багновская 1979 - Багновская Н.М. Этническая история Северной земли (основные этапы этнического развития населения). Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 1979.

Багновская 1979а - Багновская Н.М. Севрюки. Население Северной земли в XIV-XVI вв. // Депонировано в ИНИОН АН СССР № 2640 от 4.10.1978.

Багновская 1979б - Багновская Н.М. Сложные вопросы этнической истории летописной северы (постановка проблемы) // Проблемы истории СССР. Вып. VIII. М.: МГУ, 1979.

Багновская 1980 - Багновская Н.М. Севрюки (Население Северной земли в XIV-XVI вв.) // Вестник МГУ. История. 1980. № 1.

Балановский 2021 - Балановский О.П. Происхождение генетической линии Рюриковичей и его независимость от «норманнской проблемы» // Этнографическое обозрение. 2021. № 4. С. 119-131.

Барабанов 2015 - Барабанов О.Н. Рюриковичи или Олафовичи: гипотеза об Y-гаплогруппе I2 у Рюрика по данным ДНК его возможных потомков // Пространство и Время. 2015. № 3 (21). С. 198-207.

Вернадский 2004 - Вернадский Г.В. Древняя Русь. Тверь: ЛЕАН, 2004. 448 с.

Волков 2012 - Волков В.Г. Все ли Рюриковичи происходят от одного предка? Происхождение Рюрика и Гедимины в свете последних генетических исследований // Генеалогия допетровского времени: источниковедение, методология, исследования. СПб., 2012. С. 11-40.

Галкина 2002 - Галкина Е.С. Тайны Русского каганата. М.: Вече, 2002. 432 с.

Гинзбург 1940 - Гинзбург В.В. Об антропологическом изучении скелетов Ярослава Мудрого, Анны и Ингигерд // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1940. № 7.

Донской 2008 - Донской Д.В. Рюриковичи: Исторический словарь. М.: Русская панорама, 2008. 834 с.

Древняя Русь 2003 - Древняя Русь в свете зарубежных источников: Учебное пособие для студентов вузов / Под редакцией Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. 608 с.

Жих 2019 - Жих М.И. Два автора Повести временных лет и проблема объёма летописной работы Нестора // Вестник «Альянс-Архео». 2019. Вып. 29. С. 3-60.

Жих 2020 - Жих М.И. Начальные этапы истории славян // Исторический формат. 2020. № 4. С. 8-35.

ИДиСК 2001 - История Дона и Северного Кавказа с древнейших времён до 1917 г. / Редакционная коллегия: Е.И. Демешина, Н.А. Мининков, А.И. Нарезный, В.С. Панченко, Н.В. Самарина, И.М. Узародов, А.В. Щербина. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2001.

- ИЛ 1998 - Ипатьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. II. М., 1998.
- Иловайский 2004 - Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в Русскую историю. М.: Астрель; АСТ, 2004.
- Иордан 1960 - Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
- Карпенко 2010 - Карпенко А.А. К вопросу о Траяне «Слова о полку Игореве» // Российская государственность в лицах и судьбах её создателей: IX-XXI вв. Материалы Международной научной конференции 27-28 ноября 2009 года. Липецк, 2010. С. 14-21.
- Карпенко 2015 - Карпенко А.А. Рюрик по Михаилу Задорнову: взгляд историка. 2015 / Электронный ресурс: <http://narodnazemle.ru/node/48> (дата обращения - 24.11.2023).
- Карпенко 2016 - Карпенко А.А. Русь северян Вещего Олега: рецензии, ответы и статьи, опубликованные в сборниках по итогам научных конференций 2004-2010 гг. Ростов-на-Дону: Книга, 2016. 272 с.
- Карпенко 2017 - Карпенко А.А. О генеалогических преданиях Иоакимовской летописи В.Н. Татищева // Исторический формат. 2017. № 3-4. С. 252-280.
- Карпенко 2017а - Карпенко А.А. Приложение к статье «О генеалогических преданиях В.Н. Татищева. 2017 / Электронный ресурс: <http://narodnazemle.ru/node/97> (дата обращения - 24.11.2023).
- Карпенко 2018 - Карпенко А.А. Историческая генеалогия Рюриковичей и данные ДНК-генеалогии // Вестник Академии ДНК-генеалогии. Т. XI. 2018. № IV. С. 475-514.
- Карпенко 2019 - Карпенко А.А. Донские аланы в этнополитической системе Юго-Восточной Европы VIII-X вв. // Вестник Академии ДНК-генеалогии. Т. XII. 2019. № VIII. С. 1360-1412.
- Клейн 2015 - Клейн Л.С. Гаплогруппы, норманны и Рюриковичи // Археологические вести. 2015. № 21.
- Клёсов 2013 - Клёсов А.А. Происхождение Рюриковичей: ДНК-генеалогия доказывает. 2013 / Электронный ресурс: <http://pereformat.ru/2013/02/ryurikovichi/> (дата обращения - 24.11.2023).
- Клёсов 2021 - Клёсов А.А. Фатальные промахи поггентического норманизма Балановского. 2021 / Электронный ресурс: <http://pereformat.ru/2021/12/balanovskys-fatal-mistakes/> (дата обращения - 24.11.2023).
- Коган 1994 - Коган В.М. История дома Рюриковичей. СПб., 1994.
- Колтырин 2016 - Колтырин С.А. О происхождении правителей Великого Княжества Литовского и Русского // Исторический формат. 2016. № 3. С. 139-150.
- Константин Багрянородный 1991 - Константин Багрянородный. Об управлении империей / Перевод под редакцией Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева. М.: Наука, 1991.
- Кузьмин 2003 - Кузьмин А.Г. Начало Руси. Тайны рождения русского народа. М.: Вече, 2003. 432 с.
- Лев Диакон 1988 - Лев Диакон. История / Перевод М.М. Копыленко; статья М.Я. Сюзюмова; комментарии М.Я. Сюзюмова, С.А. Иванова; ответственный редактор Г.Г. Литаврин. М.: Наука, 1988.
- ЛЛ 2001 - Лаврентьевская летопись / Полное собрание русских летописей. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2001.
- Меркулов 2015 - Меркулов В.И. Рюрик и первые русские князья в «Генеалогии» Иоганна Фридриха Хемница // Исторический формат. 2015. № 2. С. 54-74.
- Минаева 1965 - Минаева Т.М. Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965.
- Младшая Эдда 2005 - Младшая Эдда / Перевод, аннотированный указатель О.А. Смирницкой; статья, примечания М.И. Стеблин-Каменского. СПб.: Наука, 2005. 144 с.
- Мровели 1979 - Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей (извлечение сведений об абхазах, народах Северского Кавказа и Дагестана) / Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Г.В. Цулая. М.: Наука, 1979.
- НЛ 2000 - Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Полное собрание русских летописей. Т. III. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.
- Назаренко 2002 - Назаренко А.В. Две Руси IX в. // Родина. 2002. № 11-12. С. 16-22.
- Никитин 2001 - Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М.: АГРАФ, 2001. 768 с.
- НЛ 2000 - Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью / Полное собрание русских летописей. Т. IX. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Новосельцев 1991 - Новосельцев А.П. Образование Древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. № 2-3. С. 3-20.
- Орлов 1999 - Сказание о Великих князьях Владимирских Великой Руси, начало XVI века // Хрестоматия по истории России с древнейших времён до наших дней. Учебное пособие. Авторы-составители: А.С. Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. М.: Проспект, 1999. С. 105-108.
- Пётр 1997 - Пётр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М.: Ладомир, 1997. 384 с.
- Плетнёва 1981 - Плетнёва С.А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981.
- Рожанский 2018 - Рожанский И.Л. Рюриковичи: данные Y-ДНК и возможные корни правящего рода Древней Руси // Исторический формат. 2018. № 3-4. С. 10-24.
- Русь 1996 - Русь – Россия – Российская империя. Генеалогическое древо основных русских родов / Составитель Б.А. Пашков. М.: Центрком, 1996.
- Рыбаков 1958 - Рыбаков Б.А. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве» // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1958. № 1.
- Рыбаков 1971 - Рыбаков Б.А. «Слово о полку Игореве» и его современники. М.: Наука, 1971. 296 с.
- Рыбаков 1986 - Рыбаков Б.А. События 1184-1185 гг., воспетые в «Слове». М.: Молодая гвардия, 1986.
- Рыбаков 2010 - Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М.: Эксмо; Алгоритм, 2010. 272 с.
- Самоквасов 1872 - Самоквасов Д.Я. О городищах и курганах в земле северян и их значение в истории // Черниговские губернские ведомости. 1872. № 45.

- Самоквасов 1877 - Самоквасов Д.Я. Значение курганов, как исторических источников. М.: Типография Императорской академии наук, 1877. 28 с.
- Самоквасов 1878 - Самоквасов Д.Я. Истории Русского права. Т. I. Начало политического быта древнерусских славян. Вып. 1. Литература. Источники. Методы учёной разработки источников. Варшава: Типография М. Земкевича и В. Новаковского, 1878.
- Самоквасов 1888 - Самоквасов Д.Я. Истории Русского права: университетский курс. Книга первая. Языческая эпоха. Источники. Содержание институтов экономического, религиозного, государственного и процессуального права. Варшава: Типография М. Земкевича, 1888.
- Самоквасов 1908 - Самоквасов Д.Я. Северянская земля и северяне по городищам и могилам. М.: Синодальная типография, 1908.
- Самоквасов 1908а - Самоквасов Д.Я. Происхождение русского народа. М.: Синодальная типография, 1908. С. 13-14.
- Сказание 1984 - Сказание о князьях владимирских / Подготовка текста и комментарии Р.П. Дмитриевой, перевод Л.А. Дмитриева // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века. М., 1984. С. 422-435.
- Слово 2002 - Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святъславля, внука Ольгова / Вступительная статья, подготовка текста, перевод с древнерусского, комментарий и приложение А.А. Горского. М.: Российская политическая энциклопедия, 2002.
- Смирнова 1974 - Смирнова Г.П. О трёх группах новгородской керамики X – начала XI в. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 139. М., 1974.
- Смирнова 1976 - Смирнова Г.П. Лепная керамика древнего Новгорода // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 146. М., 1976.
- Снорри Стурлусон 1980 - Снорри Стурлусон. Круг Земной. М.: Наука, 1980.
- Татищев 1768 - Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времён неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная Покойным Тайным Советником и Астраханским Губернатором Василием Никитичем Татищевым. Книга Первая. Часть Первая. М.: Напечатана при Императорском Московском Университете, 1768.
- Терпиловский 2000 - Терпиловский Р.В. Киевская и черняховская культуры: проблема контактов // *Stratum plus*. 2000. № 4. С. 303-311.
- Толочко 2005 - Толочко П.П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб.: Алетейя, 2005.
- Топоров 1973 - Топоров В.Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям // *Балканское языкознание*. М., 1973.
- Успенский 2002 - Успенский Ф.И. История Византийской империи. Т. 3. Период Македонской династии (867-1057). М.: Астрель; Аст, 2002. 800 с.
- Фомин 2004 - Фомин В.В. Южнобалтийское происхождение варяжской Руси // *Вопросы истории*. 2004. № 8. С. 149-162.
- Фомин 2005 - Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М.: Русская панорама, 2005. 488 с.
- Фризе 1895 - Фризе Х.Ф. Истории Польской церкви от начала христианства в Польше до наших дней. Варшава, 1895.
- Хейердал, Лиллистрём 2008 - Хейердал Т., Лиллистрём П. В погоне за Одином. По следам нашего прошлого. Последний поход великого искателя / Перевод с норвежского Карпушина С.В., Хоркина-Машкова С. М.: Менеджер, 2008. 77 с.
- Цветков 2016 - Цветков С.Э. Олег Вещий – не викинг, а «светлый князь». 2016 / Электронный ресурс: <http://pereformat.ru/2016/02/oleg-veschiy/> (дата обращения - 12.12.2017).
- Шафонский 1787 - Шафонский А.Ф. Краткое топографическое описание Новгородского Северского наместничества 1787 года // Черниговские губернские ведомости. 1851. № 45.

REFERENCES

- Afanas'ev 1993 - Afanas'ev G.E. Donskie alany: Social'nye struktury alano-asso-burtasskogo naseleniya bassejna Srednego Dona [Don Alans: Social structures of the Alano-Asso-Burtas population of the Middle Don basin], Moscow, Nauka Publ., 1993 [in Russian].
- Akashev 2000 - Akashev YU.D. Istoriko-etnicheskie korni russkogo naroda [Historical and ethnic roots of the Russian people], Moscow, Socium Publ., 2000 [in Russian].
- Aleksashin 2008 - Aleksashin S.S. Sovremennyye genogeograficheskie issledovaniya rodoslovnoj Ryurikovichej posredstvom geneticheskogo markera Y-hromosomy [Modern genogeographic studies of the Rurik family tree by means of the genetic marker of the Y chromosome], in: *Skandinavskie chteniya 2008 goda: Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian Readings of 2008: Ethnographic and cultural-historical aspects], Saint-Petersburg, Kunsamera Publ., 2010, pp. 72-88 [in Russian].
- Alekseev 1967 - Alekseev V.P. Kraniologiya narodov Vostochnoj Evropy i Kavkaza v svyazi s problemami ih proiskhozhdeniya. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoy stepeni doktora istoricheskikh nauk [Craniology of the peoples of Eastern Europe and the Caucasus in connection with the problems of their origin. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences], Moscow, Institut etnografii imeni N.N. Mikluho-Maklaya AN SSSR Publ., 1967 [in Russian].
- Alekseev 2005 - Alekseev S.V. Slavyanskaya Evropa V-VI vv. [Slavic Europe of the V-VI centuries], Moscow, Veche Publ., 2005, 416 p. [in Russian].
- Alekseeva 1969 - Alekseeva T.I. Antropologicheskij sostav vostochnoslavjanskikh narodov i problemy ih proiskhozhdeniya. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoy stepeni doktora istoricheskikh nauk [The anthropological composition of the East Slavic peoples and the problems of their origin. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences], Moscow, Institut etnografii imeni N.N. Mikluho-Maklaya AN SSSR Publ., 1969 [in Russian].
- Bagnovskaya 1979 - Bagnovskaya N.M. Etnicheskaya istoriya Severskoj zemli (osnovnyye etapy etnicheskogo razvitiya naseleniya). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchyonoy stepeni kandidata istoricheskikh nauk [The ethnic history of the

- Seversk land (the main stages of the ethnic development of the population). Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Moscow, 1979 [in Russian].
- Bagnovskaya 1979a** - Bagnovskaya N.M. Sevryuki. Naselenie Severskoj zemli v XIV-XVI vv. [Sevryuki. The population of the Seversk land in the XIV-XVI centuries], in: Deponirovano v INION AN SSSR № 2640 ot 4.10.1978 [Deposited in the INION of the USSR Academy of Sciences No. 2640 dated 4.10.1978] [in Russian].
- Bagnovskaya 1979b** - Bagnovskaya N.M. Slozhnye voprosy etnicheskoy istorii letopisnoj severy (postanovka problemy) [Complex issues of the ethnic history of the chronicled North (problem statement)], in: Problemy istorii SSSR [Problems of the history of the USSR], Vol. VIII, Moscow, MGU Publ., 1979 [in Russian].
- Bagnovskaya 1980** - Bagnovskaya N.M. Sevryuki (Naselenie Severskoj zemli v XIV-XVI vv.) [Sevryuki (The population of the Seversk land in the XIV-XVI centuries)], in: Vestnik MGU. Istoriya [Bulletin of the Moscow State University. History], 1980, № 1 [in Russian].
- Balanovskij 2021** - Balanovskij O.P. Proiskhozhdenie geneticheskoy linii Ryurikovichej i ego nezavisimost' ot «normanskoj problemy» [The origin of the Rurikovich genetic line and its independence from the "Norman problem"], in: Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review], 2021, № 4, pp. 119-131 [in Russian].
- Barabanov 2015** - Barabanov O.N. Ryurikovichi ili Olafovich: gipoteza ob Y-gaplogruppe I2 u Ryurika po dannym DNK ego vozmozhnyh potomkov [Rurikovich or Olafovich: the hypothesis of the Y-haplogroup I2 in Rurik according to the DNA of his possible descendants], in: Prostranstvo i Vremya [Space and Time], 2015, № 3 (21), pp. 198-207 [in Russian].
- Donskoj 2008** - Donskoj D.V. Ryurikovichi: Istoricheskij slovar' [Rurikovich: Historical Dictionary], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2008, 834 p. [in Russian].
- Drevnyaya Rus' 2003** - Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnyh istochnikov: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / Pod redakciej E.A. Mel'nikovoj [Ancient Russia in the light of foreign sources: A textbook for university students / Edited by E.A. Melnikova], Moscow, Logos Publ., 2003, 608 p. [in Russian].
- Fomin 2004** - Fomin V.V. YUzhnobaltijskoe proiskhozhdenie varyazhskoj Rusi [The South Baltic origin of Varangian Russia], in: Voprosy istorii [History issues], 2004, № 8, pp. 149-162 [in Russian].
- Fomin 2005** - Fomin V.V. Varyagi i varyazhskaya Rus': K itogam diskussii po varyazhskomu voprosu [Varangians and Varangian Russia: On the results of the discussion on the Varangian question], Moscow, Russkaya panorama Publ., 2005, 488 p. [in Russian].
- Frize 1895** - Frize H.F. Istoriya Pol'skoj cerkvi ot nachala hristianstva v Pol'she do nashih dnei [The history of the Polish Church from the beginning of Christianity in Poland to the present day], Varshava, 1895 [in Russian].
- Galkina 2002** - Galkina E.S. Tajny Russkogo kaganata [Secrets of the Russian Kaganate], Moscow, Veche Publ., 2002, 432 p. [in Russian].
- Ginzburg 1940** - Ginzburg V.V. Ob antropologicheskom izuchenii skeletov YAroslava Mudrogo, Anny i Ingigerd [On the anthropological study of the skeletons of Yaroslav the Wise, Anna and Ingigerd], in: Kratkie soobshcheniya Instituta istorii material'noj kul'tury [Brief reports of the Institute of the History of Material Culture], 1940, № 7 [in Russian].
- Hejerdal, Lillistryom 2008** - Hejerdal T., Lillistryom P. V pogone za Odinom. Po sledam nashego proshlogo. Poslednij pohod velikogo iskatelya / Perevod s norvezhskogo Karpushina S.V., Horkina-Mashkova S. [In pursuit of Odin. In the footsteps of our past. The last campaign of the Great Seeker / Translated from Norwegian by Karpushin S.V., Khorkina-Mashkova S.], Moscow, Menedzher Publ., 2008, 77 p. [in Russian].
- IDiSK 2001** - Istoriya Dona i Severnogo Kavkaza s drevnejshih vremyon do 1917 g. / Redakcionnaya kollegiya: E.I. Demeshina, N.A. Mininkov, A.I. Narezhnij, V.S. Panchenko, N.V. Samarina, I.M. Uznarodov, A.V. SHCHerbina [The history of the Don and the North Caucasus from ancient times to 1917 / Editorial board: E.I. Demeshina, N.A. Mininkov, A.I. Narezhnij, V.S. Panchenko, N.V. Samarina, I.M. Urodov, A.V. Shcherbina], Rostov-na-Donu, Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta Publ., 2001 [in Russian].
- IL 1998** - Ipat'evskaya letopis' / Polnoe sobranie russkikh letopisej [Ipatievskaya Chronicle / The Complete collection of Russian Chronicles], Vol. II, Moscow, 1998 [in Russian].
- Ilovajskij 2004** - Ilovajskij D.I. Razyskaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v Russkuyu istoriyu [The search for the beginning of Russia. Instead of an introduction to Russian history], Moscow, Astrel' Publ.; AST Publ., 2004 [in Russian].
- Iordan 1960** - Iordan. O proiskhozhdenii i deyanijah getov [On the origin and deeds of the Geth], Moscow, 1960 [in Russian].
- Karpenko 2010** - Karpenko A.A. K voprosu o Trayane «Slova o polku Igoreve» [On the question of Trajan, "Words about Igor's regiment"], in: Rossijskaya gosudarstvennost' v licah i sud'bah eyo sozidatelej: IX-XXI vv. Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 27-28 noyabrya 2009 goda [Russian statehood in the faces and destinies of its creators: IX-XXI centuries. Proceedings of the International Scientific Conference on November 27-28, 2009], Lipeck, 2010, pp. 14-21 [in Russian].
- Karpenko 2015** - Karpenko A.A. Ryurik po Mihailu Zadornovu: vzglyad istorika [Rurik by Mikhail Zadornov: a historian's view], 2015, Electronic resource: <http://narodnazemle.ru/node/48> (Date of access - 24.11.2023) [in Russian].
- Karpenko 2016** - Karpenko A.A. Rus' severyan Veshchego Olega: recenzii, otvety i stat'i, opublikovannye v sbornikah po itogam nauchnyh konferencij 2004-2010 gg. [The Rus of the Northerners of Prophetic Oleg: reviews, answers and articles published in collections based on the results of scientific conferences 2004-2010], Rostov-on-Don, Kniga Publ., 2016, 272 p. [in Russian].
- Karpenko 2017** - Karpenko A.A. O genealogicheskikh predaniyah Ioachimovskoj letopisi V.N. Tatishcheva [Ioachim chronicle's genealogical tales according to V.N. Tatishchev], in: Istoricheskij format [Historical format], 2017, № 3-4, pp. 252-280 [in Russian].
- Karpenko 2017a** - Karpenko A.A. Prilozhenie k stat'e «O genealogicheskikh predaniyah V.N. Tatishcheva [Appendix to the article "On the genealogical traditions of V.N. Tatishchev"], 2017, Electronic resource: <http://narodnazemle.ru/node/97> (Date of access - 24.11.2023) [in Russian].
- Karpenko 2018** - Karpenko A.A. Istoricheskaya genealogiya Ryurikovichej i dannye DNK-genealogii [Historical genealogy of the Rurikovichs and DNA genealogy data], in: Vestnik Akademii DNK-genealogii [Bulletin of the Academy of DNA Genealogy], Vol. XI, 2018, № IV, pp. 475-514 [in Russian].
- Karpenko 2019** - Karpenko A.A. Donskie alany v etnopoliticheskoj sisteme YUgo-Vostochnoj Evropy VIII-X vv. [Don Alans in the ethnopolitical system of Southeastern Europe of the VIII-X centuries], in: Vestnik Akademii DNK-genealogii [Bulletin of the Academy of DNA Genealogy], Vol. XII, 2019, № VIII, pp. 1360-1412 [in Russian].

- Klejn 2015** - Klejn L.S. Gaplogruppy, normanny i Ryurikovichi [Haplogroups, Normans and Rurikovichi], in: Arheologicheskie vesti [Archaeological news], 2015, № 21 [in Russian].
- Klyosov 2013** - Klyosov A.A. Proiskhozhdenie Ryurikovichej: DNK-genealogiya dokazyvaet [The origin of the Rurikovichi: DNA genealogy proves], 2013, Electronic resource: <http://pereformat.ru/2013/02/ryurikovichi/> (Date of access - 24.11.2023) [in Russian].
- Klyosov 2021** - Klyosov A.A. Fatal'nye promahi popgenticheskogo normanizma Balanovskogo [Fatal Blunders of Balanovsky's Popgenetic Normanism], 2021, Electronic resource: <http://pereformat.ru/2021/12/balanovskys-fatal-mistakes/> (Date of access - 24.11.2023) [in Russian].
- Koltyrin 2016** - Koltyrin S.A. O proiskhozhdenii pravitelej Velikogo Knyazhestva Litovskogo i Russkogo [To the ancestry of monarchs of the grand duchy of Lithuania and Ruthenia], in: Istoricheskij format [Historical format], 2016, № 3, pp. 139-150 [in Russian].
- Konstantin Bagryanorodnyj 1991** - Konstantin Bagryanorodnyj. Ob upravlenii imperiej / Perevod pod redakciej G.G. Litavrina, A.P. Novosel'ceva [On the management of the Empire / Translation edited by G.G. Litavrin, A.P. Novoseltsev], Moscow, Nauka Publ., 1991 [in Russian].
- Kuz'min 2003** - Kuz'min A.G. Nachalo Rusi. Tajny rozhdeniya russkogo naroda [The beginning of Russia. The secrets of the birth of the Russian people], Moscow, Veche Publ., 2003, 432 p. [in Russian].
- Lev Diakon 1988** - Lev Diakon. Istoriya / Perevod M.M. Kopylenko; stat'ya M.YA. Syuzyumova; kommentarii M.YA. Syuzyumova, S.A. Ivanova; otvetstvennyj redaktor G.G. Litavrin [History / Translation by M.M. Kopylenko; article by M.Y. Syuzyumov; commentary by M.Y. Syuzyumov, S.A. Ivanov; executive editor G.G. Litavrin], Moscow, Nauka Publ., 1988 [in Russian].
- LL 2001** - Lavrent'evskaya letopis' / Polnoe sobranie russkikh letopisej [The Laurentian Chronicle / The Complete Collection of Russian Chronicles], Vol. I, Moscow, YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2001 [in Russian].
- Merkulov 2015** - Merkulov V.I. Ryurik i pervye russkie knyaz'ya v «Genealogii» Ioganna Fridriha Hemnica [Rurik and first princes of the Rus in the genealogy by Johann Friedrich Chemnitius], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 2, pp. 54-74 [in Russian].
- Mladshaya Edda 2005** - Mladshaya Edda / Perevod, annotirovannyj ukazatel' O.A. Smirnitskaja; stat'ya, primechaniya M.I. Steblin-Kamenskogo [The Younger Edda / Translation, annotated index by O.A. Smirnickaja; article, notes by M.I. Steblin-Kamensky], Saint-Petersburg, Nauka Publ., 2005, 144 p. [in Russian].
- Mroveli 1979** - Mroveli Leonti. Zhizn' kartlijskikh carej (izvlechenie svedenij ob abhazah, narodah Severskogo Kavkaza i Dagestana) / Perevod s drevnegruzinskogo, predislovie i kommentarii G.V. Culaya [The Life of the Kartli kings (extracting information about the Abkhazians, the peoples of the North Caucasus and Dagestan) / Translated from ancient Georgian, preface and comments by G.V. Tsulai], Moscow, Nauka Publ., 1979 [in Russian].
- Nazarenko 2002** - Nazarenko A.V. Dve Rusi IX v. [Two Russ of the IX century], in: Rodina [Homeland], 2002, № 11-12, pp. 16-22 [in Russian].
- Nikitin 2001** - Nikitin A.L. Osnovaniya russkoj istorii: Mifologemy i fakty [The Foundations of Russian History: Mythologems and Facts], Moscow, AGRAF Publ., 2001, 768 p. [in Russian].
- NIL 2000** - Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshhego izvodov / Polnoe sobranie russkikh letopisej [Novgorod first Chronicle of the elder and younger izvodov / The Complete collection of Russian Chronicles], Vol. III, Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2000, 720 p. [in Russian].
- NL 2000** - Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarshej ili Nikonovskoj letopis'yu / Polnoe sobranie russkikh letopisej [The Chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle / The Complete collection of Russian Chronicles], Vol. IX, Moscow, YAzyki russkoj kul'tury Publ., 2000 [in Russian].
- Novosel'cev 1991** - Novosel'cev A.P. Obrazovanie Drevnerusskogo gosudarstva i pervyj ego pravitel' [The formation of the Ancient Russian state and its first ruler], in: Voprosy istorii [History issues], 1991, № 2-3, pp. 3-20 [in Russian].
- Orlov 1999** - Skazanie o Velikih knyaz'yah Vladimirskih Velikoj Rusi, nachalo XVI veka [The legend of the Great Princes of Vladimir of Great Russia, the beginning of the XVI century], in: Hrestomatiya po istorii Rossii s drevnejshih vremyon do nashih dnei. Uchebnoe posobie. Avtory-sostaviteli: A.S. Orlov, V.A. Georgiev, N.G. Georgieva, T.A. Sivohina [A textbook on the history of Russia from ancient times to the present day. A study guide. Compiled by: A.S. Orlov, V.A. Georgiev, N.G. Georgieva, T.A. Sivokhina], Moscow, Prospekt Publ., 1999, pp. 105-108 [in Russian].
- Pletnyova 1981** - Pletnyova S.A. Saltovo-mayackaya kul'tura [Saltovo-Mayak culture], in: Stepi Evrazii v epohu srednevekov'ya [Steppes of Eurasia in the Middle Ages], Moscow, Nauka Publ., 1981 [in Russian].
- Rozhanskij 2018** - Rozhanskij I.L. Ryurikovichi: dannye Y-DNK i vozmozhnye korni pravyyashchego roda Drevnej Rusi [Rurikids: Y-DNA data and plausible roots of the ruling clan of Ancient Russia], in: Istoricheskij format [Historical format], 2018, № 3-4, pp. 10-24 [in Russian].
- Rybakov 1958** - Rybakov B.A. Don i Donec v «Slove o polku Igoreve» [Don and Donets in "The Word about Igor's Regiment"], in: Nauchnye doklady vysshej shkoly. Istoricheskie nauki [Scientific reports of the higher school. Historical sciences], 1958, № 1 [in Russian].
- Rybakov 1971** - Rybakov B.A. «Slovo o polku Igoreve» i ego sovremenniki ["The Word about Igor's Regiment" and his contemporaries], Moscow, Nauka Publ., 1971, 296 p. [in Russian].
- Rybakov 1986** - Rybakov B.A. Sobytiya 1184-1185 gg., vospetye v «Slove» [The events of 1184-1185, sung in the "Word"], Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1986 [in Russian].
- Rybakov 2010** - Rybakov B.A. Gerodotova Skifiya [Herodotus' Scythia], Moscow, Eksmo Publ.; Algoritm Publ., 2010, 272 p. [in Russian].
- Samokvasov 1872** - Samokvasov D.YA. O gorodishchah i kurganah v zemle severyan i ih znachenie v istorii [About the hillforts and mounds in the land of the Northerners and their significance in history], in: Chernigovskie gubernskie vedomosti [Chernihiv provincial Gazette], 1872, № 45 [in Russian].
- Samokvasov 1877** - Samokvasov D.YA. Znachenie kurganov, kak istoricheskikh istochnikov [The importance of mounds as historical sources], Moscow, Tipografiya Imperatorskoj akademii nauk Publ., 1877, 28 p. [in Russian].
- Samokvasov 1878** - Samokvasov D.YA. Istoriya Russkogo prava. T. I. Nachalo politicheskogo byta drevnerusskikh slavyan. Vyp. 1. Literatura. Istochniki. Metody uchyonoj razrabotki istochnikov [The history of Russian law. Volume I. The beginning of the

- political life of the Old Russian Slavs. Issue 1. Literature. Sources. Methods of scientific development of sources], Varshava, Tipografiya M. Zemkevicha i V. Novakovskogo Publ., 1878 [in Russian].
- Samokvasov 1888 - Samokvasov D.YA.** Istorii Russkogo prava: universitetskij kurs. Kniga pervaya. YAzycheskaya epoha. Istochniki. Soderzhanie institutov ekonomicheskogo, religioznogo, gosudarstvennogo i processual'nogo prava [The History of Russian Law: university course. The first book. The pagan era. Sources. The content of the institutions of economic, religious, state and procedural law], Varshava, Tipografiya M. Zemkevicha Publ., 1888 [in Russian].
- Samokvasov 1908 - Samokvasov D.YA.** Severjanskaya zemlya i severjane po gorodishcham i mogilam [Severyanskaya land and Northerners by settlements and graves], Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1908 [in Russian].
- Samokvasov 1908a - Samokvasov D.YA.** Proiskhozhdenie russkogo naroda [The origin of the Russian people], Moscow, Sinodal'naya tipografiya Publ., 1908, pp. 13-14 [in Russian].
- SHafonskij 1787 - SHafonskij A.F.** Kratkoe topograficheskoe opisanie Novgorodskogo Severskogo namestnichestva 1787 goda [A brief topographical description of the Novgorod Seversky viceroyalty in 1787], in: CHernigovskie gubernskie vedomosti [Chernihiv provincial Gazette], 1851, № 45 [in Russian].
- Skazanie 1984 - Skazanie o knyaz'yah vladimirskih / Podgotovka teksta i kommentarii R.P. Dmitrievoj, perevod L.A. Dmitrieva** [The Legend of the Princes of Vladimir / Preparation of the text and comments by R.P. Dmitrieva, translated by L.A. Dmitrieva], in: Pamyatniki literatury Drevnej Rusi. Konec XV – pervaya polovina XVI veka [Monuments of literature of Ancient Russia. The end of the XV – the first half of the XVI century], Moscow, 1984, pp. 422-435 [in Russian].
- Smirnova 1974 - Smirnova G.P.** O tryoh gruppah novgorodskoj keramiki X – nachala XI v. [About three groups of Novgorod ceramics of the X – early XI century], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology], Vol. 139. Moscow, 1974 [in Russian].
- Smirnova 1976 - Smirnova G.P.** Lepnaya keramika drevnego Novgoroda [Stucco ceramics of ancient Novgorod], in: Kratkie soobshcheniya Instituta arheologii [Brief reports of the Institute of Archaeology], Vol. 146, Moscow, 1976 [in Russian].
- Snorri Sturluson 1980 - Snorri Sturluson.** Krug Zemnoj [The Circle of the Earth], Moscow, Nauka Publ., 1980 [in Russian].
- Tatishchev 1768 - Tatishchev V.N.** Istoriya Rossijskaya s samyh drevnejshih vremyon neusypnymi trudami cherez tridcat' let sobrannaya i opisannaya Pokojnym Tajnym Sovetnikom i Astrahanskim Gubernatorom Vasilem Nikitichem Tatishchevym. Kniga Pervaya. CHast' Pervaya [Russian history from the most ancient times, collected and described by the Late Privy Councilor and Astrakhan Governor Vasily Nikitich Tatishchev with tireless efforts thirty years later. The First Book. Part One], Moscow, Napechatana pri Imperatorskom Moskovskom Universitete Publ., 1768 [in Russian].
- Terpilovskij 2000 - Terpilovskij R.V.** Kievskaya i chernyahovskaya kul'tury: problema kontaktov [Kiev and Chernyakhov cultures: the problem of contacts], in: Stratum plus, 2000, № 4, pp. 303-311 [in Russian].
- Tolochko 2005 - Tolochko P.P.** Drevnerusskaya narodnost': voobrazhaemaya ili real'naya [Ancient Russian nationality: imaginary or real], Saint-Petersburg, Aletejya Publ., 2005 [in Russian].
- Toporov 1973 - Toporov V.N.** K frakijsko-baltijskim yazykovym parallelyam [Towards Thracian-Baltic linguistic parallels], in: Balkanskoe yazykoznanie [Balkan Linguistics], Moscow, 1973 [in Russian].
- Uspenskij 2002 - Uspenskij F.I.** Istoriya Vizantijskoj imperii. T. 3. Period Makedonskoj dinastii (867-1057) [The history of the Byzantine Empire. Volume 3. The period of the Macedonian Dynasty (867-1057)], Moscow, Astrel' Publ.; Ast Publ., 2002, 800 p. [in Russian].
- Vernadskij 2004 - Vernadskij G.V.** Drevnyaya Rus' [Ancient Russia], Tver, LEAN Publ., 2004, 448 p. [in Russian].
- Volkov 2012 - Volkov V.G.** Vse li Ryurikovichi proiskhodyat ot odnogo predka? Proiskhozhdenie Ryurika i Gedimina v svete poslednih genicheskikh issledovanij [Do all Rurikovichs come from the same ancestor? The origin of Rurik and Gediminas in the light of recent genetic research], in: Genealogiya dopetrovskogo vremeni: istochnikovedenie, metodologiya, issledovaniya [Pre-Petrine genealogy: source studies, methodology, research], Saint-Petersburg, 2012, pp. 11-40 [in Russian].
- ZHih 2019 - ZHih M.I.** Dva avtora Povesti vremennyh let i problema ob'yoma letopisnoj raboty Nestora [Two authors of the Tale of Bygone Years and the problem of the volume of Nestor's chronicle work], in: Vestnik «Al'yans-Arheo» [Bulletin of the Alliance-Archeo], 2019, Vyp. 29, pp. 3-60 [in Russian].
- ZHih 2020 - ZHih M.I.** Nachal'nye etapy istorii slavyan [The early history of the Slavs], in: Istoricheskij format [Historical format], 2020, № 4, pp. 8-35 [in Russian].

Карпенко Андрей Александрович

– Преподаватель Волгодонского Техникума информационных технологий, бизнеса и дизайна им. В.В. Самарского (Волгодонск, Россия).

Andrey Karpenko

– Teacher of the Volgodonsk College of Information Technology, Business and Design named after V.V. Samarsky (Volgodonsk, Russia).

alnikar1953@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ЭТНОНИМА СЛОВѢНЕ «СЛАВЯНЕ»

С.В. Назин

Московский государственный институт культуры
Россия, 141406, Московская обл., г. Химки, ул. Библиотечная, 7
e-mail: sergnasin@yandex.ru
SPIN-код: 9960-7570

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается типологический ряд этнонимов со значением «люди, говорящие на (своем) языке»: словѣне / *slověne «славяне», shqiptarët «албанцы», euskaldunak «баски», deutsche «немцы». Автор приходит к выводу, что такого рода имена, очень редкие среди обычной этнонимии, возникли внутри Imperium Romanum, как самоназвание местного не романизованного населения, для которого родная речь становится главным способом выражения своей этнической идентичности в условиях романского (слав. *volxъ, герм. *walhaz «римлянин») политического, культурного и языкового преобладания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: славяне, этногенез, этнонимия, Σκλαβηνοί, Sclaveni.

HISTORICAL TYPOLOGY OF THE ETHNONYM СЛОВѢНЕ «SLAVS»

Sergey Nazin

Moscow State Art and Cultural University
Russia, 141406, Moscow Oblast, Khimki, Bibliotechnaya Street, 7
e-mail: sergnasin@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines a typological series of ethnonyms meaning “people speaking (their own) language”: словѣне / *slověne “Slavs”, shqiptarët “Albanians”, euskaldunak “Basques”, deutsche “Germans”. The author concludes that these kinds of names, being very rare among usual ethnonyms, emerged within the Imperium Romanum as a self-designation of the local non-Romanized population, for whom preserving of their native tongue became the main way of expressing their ethnic identity under conditions of Romance (Slavic *volxъ, Germanic *walhaz “Roman”) political, cultural and linguistic dominance.

KEYWORDS: Slavs, ethnogenesis, ethnonymy, Σκλαβηνοί, Sclaveni.

Этноним словѣне, *slověne «славяне» имеет славянское происхождение и означает людей, говорящих на своём языке. Это утверждение представляется наиболее обоснованным, а попытки оспорить его не подкреплены ничем, кроме гадательного сопоставления имени славян с какими-нибудь «подходящими» словами. Единственным достойным внимания возражением на «говорящую» этимологию является то, что имена на -яне образуются от названия местности, и этноним «славяне» представляет собой географическое название. Правда, прилагательные от такого рода этнонимов образуются как поляне – польский, деревляне – деревский, римляне – римский, в случае же славянами имеем славянский (словѣньскъ) вместо словский (словьскъ) (Филин 1962: 56-57). Поэтому имя славян следует исключить из этнонимов, образованных от названия какого-либо географического объекта. Лучше сопоставить его со словами дворяне – дворянский. Как понятие

дворянин указывает на причастность человека ко «двору» как совокупности людей, так и понятие славянин обозначает причастность к людям обладающим словом (sermo) в смысле языка или речи. Кроме того, исконное значение древних словообразовательных суффиксов нельзя толковать прямолинейно: суффикс -ичи считается патронимическим, но он широко применяется и в местных названий, таких как москвичи или псковичи.

Этноним словѣне обычно сопоставляют с этнонимом нѣмцы, которым славяне обозначали соседей, не владеющих славянским языком, как бы немых (Петрухин, Раевский 1998: 148). Но русскому языку несвойственно корневое ударение, которую мы наблюдаем в этнониме нѣмец. В существительных такого рода ударение падает на суффикс: слепѣц, хромѣц, глупѣц, чернѣц. Положение ударного слога в этнониме нѣмец чуждо духу русского языка, сохранившему праславянскую подвижность уда-

рения и поэтому не может быть признано словом, образованным от славянского слова нѣмой.

Этнонимы, подчеркивающие, что их носители говорят на языке встречаются крайне редко. Дихотомия словесный – бессловесный отделяет людей от животных, поэтому использование её при образовании самоназвания, призванного отличать одних людей от других, бессмысленно. В сборнике «Этнонимы» названы только три имени со значением “говорящие”: славяне, скипеты (албанцы) и гирара (Новая Гвинея) (Никонов 1970: 16). Нет ни одного этнонима, который бы бесспорно означал «немые, неговорящие». Летописное «Югра ... есть язык нѣмъ» (Повесть временных лет 1956: 167), которое часто приводят в подтверждение “немой” этимологии слова нѣмцы, не подразумевает этнического обозначения (этноним здесь – югра). Наоборот, такие выражения, как немецкое *Kauderwelsch* и испанское *algarabía* “тарабарщина” или литовское *gudėti* “говорить непонятно, не по-литовски”, образованы от этнических названий и означают соответственно язык итальянцев (романцев), арабов и русских (лит. *gudai*). Таким образом, этнонимов со значением “немые (люди)” скорее всего вообще не существует, а этнонимы со значением “(люди) говорящие (на своём языке)” – встречаются крайне редко.

Одним из примеров такового «говорящего» этнонима является самоназвание *deutsche* (немцы) которое появилось как обозначение германского населения франкского государства, говорившего не на латыни (или романском), а на своем народном «zum (eigenen) Volk gehörig» языке (Kluge 1989: 138). Самое первое упоминание термина *theodiscus* “родной язык германского населения” находим в датированном 786 г. «письме папского легата в Англии папе Адриану (772-795), в котором сообщалось между прочим, что решения местного собора были зачитаны *tam latine quam theodisce* (Черняк 2015: 45). Точно такое же значение, как и немецкое *deutsche* (Folk) имеют самоназвания басков *euskaldunak* “люди, говорящие на баскском языке (*euskara*)”¹ и албанцев – *shqipe* от *shqipoj* «to speak clearly, to understand» (Orel 1998: 434).

При каких условиях могли появиться такого рода этнонимы? Первые случаи употребления слова *theodisce* (немецкий) связаны с противопоставлением друг другу романского и германского языка. Например, в 17-м постановлении Турского собора 813 г. говорится о необходимости вести проповеди *in rusticam Romanam linguam aut Thiotiscam* (на сельском романском и тевтонском языках). Знаменитые Страсбургские клятвы 842 г. произносятся на двух языках: *lingua romana* (романском) и *lingua teudisca* (германском). Лиутранд Кремонский говорит в «Антаподосисе» о “тевтонских франках” *Francis Teutonicis* (I, 5); *ex Francorum... Teutonicorum* (III, 20) и “романской Франции” *Franciam quam Romanam dicunt* (I, 16): (Liudprandi 1833: 6, 62, 14; Лиутпранд 2012: 19, 61, 25). Видно, что название “тевтонский” стало этническим обозначением в условиях сосуществования романского и германского населения в пределах одно-

го государства (Римской империи Каролингов) при том, что германский язык рассматривался как “народный” или “вульгарный”, *sermo vulgaris = lingua theotiska* (Черняк 2015: 45)), по сравнению с государственным письменным языком *lingua latina (romana)*. Иными словами, обладание собственным народным языком стало важнейшим элементом этнической консолидации германского населения перед лицом романского культурно-языкового преобладания (*theutonicus – romanus, deutsch – welsch*) и название этого языка постепенно превратилось в этноним.

В лице албанцев и басков мы имеем дело с остатками аборигенного населения Балканского и Иберийского полуострова, сохранившего свой народный язык от поглощения языком римских завоевателей. В случае с басками это очевидно, поскольку страна басков – это остров туземной речи, окруженный романским морем. Что касается албанцев, то по меткому замечанию князя Трубецкого, албанский язык является «полуроманским» (Трубецкой 1958: 67), а учитывая особые лексические сходства между албанским и румынским (не говоря уже о балканском языковом союзе, ядром которого эти языки являются), мы можем предполагать, что албанцы, как и румыны, являются потомками автохтонного населения Балкан одна часть которого полностью перешла на “государственный” (романский) язык, а другая сохранила “народную” (албанскую) речь. Иными словами, как и в случае с немцами, нужно заключить, что этнонимы *euskaldun* (баск) и *shp* (албанец), возникли как самоназвания провинциального варварского населения Римской империи, продолжавшего говорившего на своем собственном языке.

Мы говорили о крайней редкости этнонимов со значением “говорящие на (своем собственном или понятном) языке” в Старом свете. Что касается Нового, то подавляющее большинство названий индейских племен и народов в Северной и Южной Америке носят архаические самоназвания, которые обозначают либо просто “людей” или “настоящих людей” (например – *дене* “люди” у народов атапаскской языковой семьи), либо никак не связаны с языком. Однако в Центральной Америке “людей своего языка” довольно много. По материалам Большой российской энциклопедии в статьях «Индейцы» и «Индейские языки» выяснилось, что такого рода самоназвания распространены среди носителей языков майя, михе-сохо и отоманги в южной Мексике и прилегающих областях Гватемалы и Гондураса². Все упомянутые народы “своего языка” некогда были включены в состав государства ацтеков, которые называли своих южных соседей словом *пополука* или *пополока* «невнятно бормочущие, косноязычные» – в противопо-

1 Последнее слово означает что-то вроде «манеры речи» (Trask 2008: 186).

2 Например, *цоцили* (бац’и к’оп – “люди настоящего слова/языка”), *цельтали* (бацил к’оп – “люди подлинного языка”; *люмалбахтик* – “народ истинного слова”), *масауа* (хньятрхо, хньятхо – “имеющие язык”), *чочо* (руниша хниигуа, рру нгигуа – “умеющие говорить”), *отоми* (ньюху – “говорящие хорошо/красиво”), *чинантеки* (тса ху хми – “люди древнего слова”, *чоли* (лак тьянь – “наша речь”), *чонтали* (йоко т’ааноб – “[люди] настоящего языка”).

ложность ацтекам и их языку наuatль “ясная, правильная речь”³.

Трудно сказать, насаждали ли ацтеки, подобно инкам, единый язык в своей империи. Известно, однако, что языки кечуа и наuatль в испанских Перу и Мексике или образовавшийся на основе языка тупинамба *lingua geral* “общий язык” колониальной Бразилии служили в качестве *lingua franca* этих заморских вице-королевств. Это, вероятно, способствовало возникновению у популюков «языкового» самосознания, основанного на противопоставлении своего родной речи языку завоевателей – наuatлю, а затем испанскому. Любопытно, что процесс возникновения такого рода этнонимов в Мексике не останавливается, например, самоназвание масатеков *чхота эн* “люди слова” стало распространяться с 80-х гг. XX века (Масатеки 2012: 265).

Предварительный вывод, который можно сделать из анализа имен *Deutsch*, *euskaldun*, *shqip* и типологически соответствующих им индейских племенных названий таков: этнонимы со значением “говорящие на своем языке”, крайне редкие на фоне обычной этнонимии, появляются внутри соответствующей империи (Римской, Франкской, Ацтеко-Мексиканской), в условиях насаждения завоевателям государственного языка и сопротивления местного населения языковой ассимиляции. Последнее хорошо видно на примере Мексики. “Говорящие” этнонимы распространены только у завоеванных ацтеками южных варваров популюка, у живших за пределами ацтекского государства чичмеков (ацтекское название северных варваров), покорённых испанцами только в конце XVI в., такого рода самоназваний нет.

Другим интересным в плане типологического сравнения с этнонимом славян является этноним *türk* (турки). Оба самоназвания прошли один и тот же путь. Почти одновременно они появляются в византийских источниках VI в., *Σκλαβηνοί* / *Slaveni* у Прокопия и Иордана, *Тоῦρκοι* у Менандра Протиктора, Оба этнонима, славяне и турки, в настоящее время употребляются в качестве общего названия народов, говорящих на соответствующих языках, и, хотя иногда и в преобразованном виде, сохраняются в качестве самоназваний современных народов: словаков и словенцев – у славян, туркмен и турок – у тюрков⁴. В обоих случаях возникают сложности перевода этнического и лингвистического вариантов обеих имен. Например, самоназвание словенского и словацкого языка (*slovenski jezik* и *slovenský jazyk*), являются прямым продолжением праслав. **slovenьskъ-jь ъзукъ* (славянский язык), как и слово *slovenka* (словачка или словенка) первоначально означало просто “славянка”. Для различения этих этнических имен от лингвистического термина “славянский” в оба языка пришлось помимо исконных *slovenski* и *slovenský* вводить ученые слова *slovanski* и *slovanský*. С подобными

трудностями сталкиваются и турки, которым приходится делать различие между *Türk dili* (турецкий язык) и *Türki dili* (тюркский язык), где второе слово является калькой с арабо-персидского обозначения тюркского языка “тюрки”. Такое же удвоение термина: «турки» и «турки» происходит и в русском языке. Более того, самый этноним *türk* впервые появляется в русском языке в качестве обозначения летописного народа торков: «В се же лѣто (6563, 1054/55 г.) иде Всеволодъ на торкы зими к Воиню и побѣди торкы» (Повесть 1956: 109).

Преобразование этнонимов «славяне» и «турки» в общие названия носителей соответствующих языков произошло совершенно одинаково, если не сказать зеркально. Имя тюрков появилось в китайских известиях и рунической письменности как обозначение особого народа – одного из многих тюркских по языку народов своего времени (уйгуров, киргизов, болгар). В качестве общетюркского родового понятия этноним стал употребляться сначала в мусульманской (арабо-персидской) письменности и только потом, после принятия частью тюрков мусульманства, это имя, как и общетюркский письменный язык тюрки, распространилось среди тюркских мусульманских народов. Излишне говорить о том, что немусульманские тюркские народы, например, чуваша или якуты, понятия не имели о том, что они являются тюрками и узнали об этом только в советское время.

Что касается славян, то трудно не заметить, что в самых ранних источников его значение не совпадает с современным употреблением этнонима «славяне». *Σκλαβηνοί* / *Slaveni* Прокопия (Proc. VII. 14. 29) и Иордана (*Getica*. 34) – это один из двух (наряду с *Ἄνται* / *An-tes*) народов, говорящих на одном языке, который, впрочем, не называется Прокопием ни склавинским, ни антским, а просто «варварским» (Proc. VII. 14. 25) (Свод 1994: 18), да и общего самоназвания у обоих народов не было, поскольку Иордан использует в качестве их общего имени германское (он был гот) название славян венды (*Venetharum natio*), а Прокопий говорит, что некогда оба народа назывались «спорами» (*Σπόροι*). На это нельзя не обратить внимание, поскольку в весьма схожем описании восточногерманских народов: готов, вандалов, визиготов и гепидов тот же Прокопий называет их «готскими народами» (*Γοτθικὰ ἔθνη*), а их общий язык – так называемым готским» (Proc. III. 2. 2–5)» (Corpus 1833: 312; Прокопий 1993: 178).

В письме хазарского царя Иосифа (X в.), где перечислены имена платящих ему дань народов, а именно: бур-т-с, бул-г-р, с-вар, арису, ц-р-мис, в-н-н-тит, с-в-р, с-л-виюн (мордва, вероятно – предки мокшан, болгары (предки татар), чуваша, мордва-эрзя, марийцы, вятчи, сѣверь, словѣне) (Древняя Русь 2009: 204; Повесть 1956: 11), этноним с-л-виюн “славяне” обозначает не славян вообще, а вполне конкретное восточнославянское племя (Жих 2015: 129-150; 2019: 41-59), о представителях которого в летописи сказано «сѣдоша около озера Илмера, и прозвашася своимъ именемъ, и сѣблаша градъ и нарекоша и Новъгородъ» (Повесть 1956: 11). С другой стороны, весьма сомнительно, чтобы жившие рядом

3 По сведениям Summer Institute of Linguistics in Mexico этимология названия *popoloca* отсылает к бульканью кипящей каши. Электронный ресурс: <https://web.archive.org/web/20100905144737/http://www.sil.org/mexico/nombres/10hi-popoloca.htm> (дата обращения - 28.05.2024).

4 Имя *Türk* окончательно стало этническим самоназванием турок только в Турецкой республике.

кривичи использовали этноним словѣни “славяне” как-то иначе, кроме как название своих соседей.

В этом смысле следует признать правоту американского ученого Флорина Курты, который полагает, что распространение имени славян в качестве общеславянского самосознания произошло весьма поздно и шло более из книжной традиции – кирилло-мефодиевской, связанной с переводом Библии на языкъ словѣньскъ у православных славян и латинской, связанной с употреблением этнонима *sclavi* – у славян католических. Вместе с тем, это идущее с цивилизованного юга представление о славянах как общем, родовом обозначении славянских народов, вряд ли разделялось их северными и западными соседями: этноним словѣне было совершенно неизвестен германцам и финнам, которые назвали славян венетами (нем. *Wenden*, *Windisch*, фин. *Venä* и др.). Славянское самоназвание проникло в их языки гораздо позже и вовсе не в качестве этнонима: нем. *Sklave* (раб), в значении же “славяне” (нем. *Slawen*, фин. *Slaavit*) – только в XIX-XX вв.

Значит ли это, что прав пресловутый Флорин Курта и славяне представляют собой не более, чем продукт «изделия» (*making*) византийцев (Curta 2001)? Ни в коем случае! Рассуждая таким образом, мы должны признать «изделием», на этот раз арабским, и тюрком. Но тюрки создали свое государство за двадцать лет до рождения арабского пророка Магомета. Арабы действительно сделали этноним атрак (тюрки), обозначением всех тюркских народов, но это не означает, что не существовало тюрков *in sensu stricto*. Ошибка Курты заключается в том, что он опрокинул современное общеславянское значение этнонима “славяне” в глубокую древность, когда слово словѣне / *Σκλαβηνοί* / *Sclaveni* (как и *Toïrkoι*) был названием отдельного народа, которое затем было перенесено на всех говоривших по-славянски. Это превращение сопровождалось изменением его формы: полное отражение славянского самоназвания *Σκλαβηνοί* / *Sclaveni* заменяется усеченным *Σκλαοί* / *Sclami*, которое становится обозначением славян вообще, а позднее принимает на западе нарицательное значение “рабов” в противоположность свободным (*franci*) людям, чье имя в свою очередь восходит к этнониму франков.

Где проживали первоначальные носители этнонима словѣне / *Σκλαβηνοί* / *Sclaveni*? В современной науке распространено мнение, что это было население так называемой пражской археологической культуры, первые памятники которой, по последним данным археологии были обнаружены в Полесье, откуда эта культура распространилась на обширные пространства Восточной Европы (Гавритухин 2009: 10).

Впрочем, отечественные археологи совершают ту же самую ошибку, которую совершил Флорин Курта: они переносят современное значение этнонима “славяне” на тех, кого византийцы VI – начала VII вв. называли *Σκλαβηνοί* / *Sclaveni*. По их мнению, сама славянская принадлежность пражской культуры позволяет отождествить ее носителей со склавидами, то есть народом, который использовал этноним словѣне в качестве самоназвания. Для такого взгляда нет никаких оснований.

Обратимся к двум сообщениям источникам, которые донесли до нас скудные сведения о событиях, происходивших на землях к востоку от Карпат и к северу от Черного моря. Первый из них, Иордан, сначала сообщает о победе готского короля Германариха над *Venethos* (Getica 119), этим именем Иордан обозначал и склавинов и антов (Getica 34), а затем о войне короля остготовов Винитария против антов, причем события происходили где-то в Поднепровье, поскольку спустя год Винитарий погиб в бою с гуннами на берегах реки Эрак (одно из исторических названий Днепра (Getica 246-247) (Свод 1994: 107, 111, 115). Второй источник, Менандр Протиктор (Fr. 5.2), сообщает, что пришедшие в Северное Причерноморье авары сначала обрушились войной на местные кочевые племена утигуров, залов и савиров (Blockley 1985: 50-51), а затем на антов, чьи земли которых они беспощадно грабили и разоряли (Свод 1995: 317).

Следует заметить, что в обоих случаях ни слова не говорится о “славянах” (*Sclaveni*). Согласно сообщению Иордана, они жили от города Новиетуна и Мурсианского озера до Днестра, который служил восточной границей их расселения, поскольку далее между Днестром и Днепром обитали анты (Getica 35) (Свод 1994: 106-107). Опираясь на этот отрывок, отечественные археологи делают следующее логическое умозаключение. Западные Днестра известны только две раннеславянские культуры, пеньковская и пражская. Коль скоро пеньковская культура лежит в основном в лесостепи между Днепром и Днестром, ее нужно считать антской, следовательно, пражские памятники становятся склавидами: Валентин Васильевич Седов прямо предлагал делить все раннеславянские древности на «пражско-корчакские» (склавиные) и «пражско-пеньковские» (антские) (Седов 1979: 104, 119).

Но анты жили не только между Днепром и Днестром: Прокопий говорит о «бесчисленных племенах антов» к северу от утригуров, живших вокруг Меотиды (Азовского моря) (Свод 1994: 201). Ареал пеньковской культуры весьма невелик, чтобы называть ее носителей «бесчисленными племенами», кроме того, трудно понять почему при таком толковании авары подвергают беспощадному разграблению только земли пеньковской культуры (анты), не обращая внимания на соседнюю с ней пражскую (склавины?). Скорее всего, авары грабили и опустошали всех славян без разбора, как пеньковских, так и пражских и отсутствие упоминания имени «славян» (склавинов) среди их жертв говорит против отождествления пражской культуры именно со склавидами.

Имя народа, как правило, сохраняется в местах его проживания, но никаких топонимических следов пребывания склавинов на землях между Карпатами и Днепром нет. Повесть временных лет не знает здесь ни единого племени, которое называло бы себя “славянами”, хотя племя словѣне на Руси ей хорошо известно – правда в Новгородской земле. Традиционное объяснение, что этнические имена закрепляются на периферии расселения народа, на границе его с иноплеменным населением, а не на его основной территории, в данном случае неуместно. Действительно, такого рода топонимы

мия, как Русская / Черкасская Лозовая на границе России и Украины возникает на границе двух этнических массивов. Но это явно не относится к таким названиям как Русская земля или Ῥωσία Константина Багрянородного (Константин 1991: 156-157) – столичная область вокруг Киева, Чернигова и Переяславля на Руси до нашествия татар, Polska (Польша), Hrvatska (Хорватия). Если бы Полесье, или Правобережная Украина, то есть коренные земли пражской культуры, действительно были заселены склавинами, то есть людьми, называвшим себя словѣне, можно было бы ожидать появления здесь названия Славянская земля, чего нет, хотя такого рода хоронимы существуют, например, Slovensko (Словакия).

Повести временных лет хорошо известны названия славянских племён, живших между Бугом и Днепром: поляне, древляне, воляныне, дреговичи, но никаких упоминаний о племени словѣне на этих землях в ней нет. Сам этноним в летописи записан в форме совершенно чуждой для языка восточных славян: в нем отсутствует переход ъ > я и l-epentheticum. Это тем более трудно объяснить, учитывая, племенное название древляне упоминается в летописи в правильной восточнославянской форме деревляне (Повесть 1956: 13, 14, 20, 23, 31 и др.), как, впрочем, и у Константина Багрянородного – Δερβλενίανοι (Константин 1991: 156). Но «правильная» восточнославянская форма с l-epentheticum *словляне неизвестна. Можно предполагать, что имя славян совершенно не использовалось в живой речи восточнославянского населения Среднего Поднепровья и было чисто книжным учёным термином, заимствованным из кирилло-мефодиевской традиции и местное славянское население, жившее вокруг Киева, по крайней мере до крещения Руси, понятия не имело о том, что оно является «славянами» и говорит на «славянском языке» (языкъ словѣньскъ). В лучшем случае, это слово означало для него жителей будущей новгородской земли, для которых имя словѣне было самоназванием⁵.

Распространено представление, что Полесье является если не родиной славян, то местом их исконного проживания: именно здесь, по мнению отечественных археологов, найдены древнейшие памятники пражской культуры («фазы ноль»), которые принято связывать со склавинами (Гавритухин 1997: 41). Между тем, единственный реальный этноним, который можно сопоставить с названием Полесья – это pollexiane getharum vel prussorum genus (полешане, гетское или прусские племя) польского хрониста Винцентия Кадлубека (IV. 2), которым он обозначает ятвягов (Chronica 1994: 166). Название Полесье в свою очередь едва ли является славянским, поскольку семантически бессмысленно: «земля у(около) леса» (?). Название главной реки Полесья, Припяти (Припеть: Повесть 1956: 11) тоже не имеет славянской этимологии (Фасмер 1987: 355). Получается, что Полесье с большим правом может носить имя terra pollexianum «земли ятвягов», нежели родины славян. Таким образом, вопреки известному мнению о происхождении славян из Среднего Поднепровья (или По-

5 Как произносилось это слово на новгородском диалекте, который весьма сильно отличался от стандартного «древнерусского» – особый вопрос, требующий отдельных изысканий.

лесья), в источниках нет ни одного (!) положительного указания на проживании здесь людей, называвших себя «славянами» (словѣне, Σκλαβηνοί, Sclaveni). Эти местности были заселены сначала ятвягами (pollexiani), а затем славянскими племенами, носившими этнонимы отличные от имени «славян»: «антами», волянынами, древлянами, дреговичами.

Если отвлечься от необъятной историографии и обратиться к показаниям весьма ограниченного круга письменных источников, мы увидим, что область распространения этнонима словѣне ограничена пределами Подунавья. Феофилакт Симокатта называют Славинией северный берег нижнего Дуная, историческую Валахию (VIII. 5. 8) (Свод 1995: 41-42, 63). Хроника Фредегара повествует о борьбе славян с аварами на Среднем Дунае, причем упоминает два «племенных» названия местных славян: «виниды» (sclavi coinomento winidi) и «сербы» (surbiorum, qui ex genere Sclavinorum). Первыми руководит Само⁶, вторыми – Древан (Свод 1995: 368; Жих 2019а). Тавтологическое употребление германского названия славян winidi, соответствующего латинскому sclavi, свидетельствует о том, что «венды» Самония, в отличие от surbiorum Древана, суть славяне in sensu stricto подобно древнерусским «славянам» с озера Ильмень, которые «прозвашася своим именем (словѣне)» (Повесть 1956: 11). Любопытно, что финны тоже называли новгородских «славян» venä- (русские), словом, которое восходит к германскому названию славян «венды».

Замечательно, что лужицкие сербы, уже тысячу лет живя вперемешку с немецким населением, сохраняют свое племенное самоназвание, хотя, согласно распространенной теории, согласно которой этноним словѣне сохранился только на границе расселения славян с иноязычным населением (Петрухин, Раевский 1998: 171), им полагается называться только общеславянским именем.

Прямыми потомками восставших против аваров sclavi coinomento winidi (славян называемых вендами) следует считать словаков и словенцев, а также жителей исторической области Славонии в междуречье Савы и Дравы. Все эти, ныне отдельные, народы, носящие, в отличие от своих славянских соседей: чехов, поляков, хорватов и сербов, имя, производное от этнонима словѣне (только коренные жители Славонии, хорваты-кайкавцы, чья речь представляет собой в сущности, диалект словенского языка сменили «славянское» самосознание на «хорватское») были известны венграм под одним и тем же этническим именем tót (в фамилиях – только в форме Tóth) Tótorság (земля тотов) было официальным названием Славонии на венгерском во времена двуединой монархии). Этноним tót, соответствующий латинскому sclavus, никогда не применялся ни по отношению славян вообще, ни к другим славян-

6 Франкский купец Samo-nis, вставший во главе восставших славян, носил имя сирийского мученика III-IV вв. Самония (Σαμωνίς), пострадавшего во времена Лициния вместе со св. Гурием и Авивом (память 15 (28) ноября). Поскольку в Галлии в VI-VII вв. жило много выходцев с востока, – горожане Орлеана, по сообщению Григория Турского (Hist. Franc. VIII. 1) приветствовали короля на сирийском, латинском и еврейском языках (Григорий 1987: 219) – сирийское имя франкского купца не должно нас удивлять.

ским народам, чьи самоназвания не восходили к этнониму словѣне (Шушарин 1997: 186, 229-30).

Если венгерский этноним *tót* (славянин в узком смысле слова) является устаревшим венгерским названием славянских народов, использующих в качестве самоназвания этноним словѣне, то устаревшие албанский и румынские этнонимы *shq* и *șchei* восходящие к византийскому *Σκλαβοί* / *Sclavi* служили обозначением болгар (но не сербов!): например, болгарское предместье города румынского города Брашова *Șcheii Brașovului* назвалось по-венгерски и по-немецки *Bolgárszeg* и *Belgerei*, а слово *Shqinike* до сих пор используется в албанской общедной речи для обозначения Болгарии и Македонии.

Если подвести итог сказанному, можно утверждать, что этноним словѣне от самых ранних его упоминаний в византийских письменных источниках VI в. до настоящего времени бытует только среди славянского населения Среднего Подунавья и Балкан. К северу от Карпат он встречался только в двух местах: в польском Поморье, где до 1945 г. жители нескольких сёл называло себя словинцами (Гильфердинг 1862: 8) и в новгородской земле («держати почаша родъ ихъ княжение в поляхъ, а в деревьях свое, а словѣне свое в Новѣгородѣ» (Повесть 1956: 13)). В целом этноним словѣне на севере был совершенно неизвестен: местные славянские племена и народы носили собственные племенные названия, а единственный этноним бытовавший на севере в качестве общеплеменного названия – ляхи (в их число включались собственно ляхи, поляне, мазовшане, поморяне, а также радимичи и вятичи) прямо противопоставлялся в летописи этнониму словѣне: «а деревляне от словѣнъ же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ» (Повесть 1956: 14).

Дунайская география этнонима словѣне находит подтверждение в географии этнонима *nѣмцы*. Как уже было сказано, корневое ударение в этом названии не позволяет считать его исконным славянским словом. Известен древний этноним, соответствующий славянскому названию немцев, – это германское племя *Nemetes* / *Νέμιτες* на Рейне, впервые упомянутое Цезарем (*De bello gallico*. I. 51), – слово с тем же корневым ударением, что и в славянском этнониме. Вряд ли источником заимствования послужило конкретное племенное название: в древнеирландских законах словом немед обозначались рядовые свободные члены *туата* (племени) (Шкунаев 1989: 45), иначе говоря, славянский этноним *nѣмцы* восходит к наименованию свободных рядовых кельтов, имевших право принимать участие в общественных религиозных церемониях в *неметоне* (священной роще).

Первое упоминание немцев (*Νεμίτζιοι*) в книге Константина Багрянородного «О церемониях» относится к баварам (*De Cer.* II. 48) (Constantin 2012: 689). В венгерском королевстве немецкое население было известно под именами «немцев» и «саксов», которые обозначали две разные группы, например, в славонском городе Вуковаре жили «тевтонцы, саксонцы, венгры и славяне» (Акимова 1989: 149), что отражает деление средневековой Германии на две части, говорившие на нижне-немецких и верхне-немецких диалектах, различие между

которыми были настолько велики, что русский путешественник XV века сравнивал их с русским и сербским языками⁷.

Известно, что Германия к югу от Гарца была заселена германцами довольно поздно. Первоначальными жителями области распространения верхне-немецкого языка были кельты, что хорошо видно по местной гидронимии, в отличие от германских названий рек женского рода на севере: *die Ems*, *die Weser*, *die Elbe*, *die Oder*, *die Weichsel*, названия рек в области кельтского населения – мужского рода: *der Rhein*, *der Main*, *der Lech*, *der Inn*, а также *der Po* (устар. *Phfad*) и *der Rotten* (немецкое название Роны в Швейцарии). Таким образом, праславянский этноним *nѣтьсі изначально служил обозначением дунайских кельтов, а позднее был перенесён на их германизированных потомков – носителей современных верхнегерманских диалектов, а еще позже – на всех носителей самоназвания *Deutsch*. Такое могло случиться только в том случае, когда славяне издревле проживали бы в Подунавье рядом с местными кельтами.

Славяно-кельтские языковые контакты – малоизученная тема. Назовем только две фундаментальные особенности, которые указывают на вхождение предков славян и кельтов в некую единую языковую общность. Первая – наличие в албанском, балтийском, кельтском и славянском языках двух рядов согласных в отличие от трех рядов в арийском, армянском, германском, греческом и итальянском. Вторая – исчезновения в тех же самых языках: албанском, балтийском, кельтском и славянском исконных индоевропейских названий колена и ноги (лат. *genū* «колени», *pēs*, *pedis* «нога») и замена их общим новообразованием: алб. *gju* (<*gluna), ирланд. *glúin*, лит. *kėlis*, слав. *кольно* «колени» (Грошева 2001: 146).

Подведем итоги. Типологические особенности этнонима словѣне (люди, говорящие на одном языке), ставят его в один ряд с самоназваниями албанцев, басков, немцев, а также ряда индейских народов Центральной Америки, что позволяют сделать категорический вывод: народ называвший себя «славянами» мог образоваться только на территории Римской империи в условиях языкового, культурного и политического противостояния пришлого римского (романского) и местного варварского населения. На это указывает и Повесть временных: летописная история славян начинается столкновением славян с романами (волохами): «волохомъ бо нашедшемъ на словѣне на дунайския, и съдшемъ в них и насилящемъ имъ» (Повесть 1956: 11).

На прародину словѣнъ указывает скопление производных от него этнонимов и хоронимов (словаки, словенцы, Славония) в землях бывших дунайские провинций римской империи, Паннонии и Норика,

7 «И тѣи Нурбех (Нюрнберг) град стоит среди Аламанские земли. Аламанская земля, то есть не иная вера, ни ины язык, но есть едина вера латинская, а язык немецкий же, но разно, яко и Русь Сербы, тако и оне с немьци» (Хождение 1984: 142).

что подтверждается и славянской традицией⁸. Этноним *slověne возник, скорее всего, в III в. в эпоху жесточайшего кризиса сопровождавшимся переходом от принципату к доминату, а также полной перестройки старой этно-племенной структуры как в самой Римской империи, где понятие (cives) Romanus после эдикта Каракаллы превращается из социального термина в этнический, так и за её пределами, в Германии, где на смену множеству племён тацитовской Германии приходят неизвестные до этого новые народы франков, аллеманов, тюрингов и пр. Нечто подобное, видимо, происходило и в «иллирийских» провинциях Римской империи на Дунае, где масса местного не романизированного населения (романизация была прервана и обращена вспять Маркоманнскими войнами и бесконечными мятежами паннонских войск в эпоху «кризиса III века») объединяется независимо от старой племенной принадлежности в новую этническую общность, основой самосознания которой стал родной разговорный язык коренного населения Паннонии *Pannonica lingua* (Germania 43), которое не было ни кельтским (галльским), ни германским (Тацит 1967: 371). Не вдаваясь в подробное обоснование его праславянской принадлежности этого, укажем на то обстоятельство, что в V в. в среднем Подунавье обитали подчиненные гуннам земледельцы-варвары, которые угощали римских послов напитками, называвшимися на их языке *мѣдоꝝ* и *кѣцов*, первое из которых – передача славянского слова «мёд» (*medъ), второе – паннонское название пива (Свод 1994: 84-85, 93-94), из чего можно заключить о том, это было одновременно славянское по языку и паннонское по этнической принадлежности и происхождению население. Да и то немногое, что нам известно о фонологии «иллирийских» языков, к которым принято относить паннонский: утрата третьего (придыхательного) ряда смычных согласных, наличие кентумных и сатемных рефлексов заднеязычных согласных, смешение и.-е. кратких *o и *a, переход сочетания *sr>str, (Порциг 2003: 108, 113-114, 118-119) позволяет связать его только со (пра)славянским, поскольку гипотеза «о том, что албанский язык – продолжение иллирийского языка не подтверждается рефлексам топонимов» (Иллирийский язык 2008: 101).

Иными словами, этноним словѣне после кризиса III века стал этническим самоназванием того самого народа, который был известен в римских письменных источниках под названием *Pannonii* (паннонцев). Что касается тезиса о том, что римские источники «не знали» славян, то он основан на неявном убеждении в том, что в источниках непременно должно отражаться самоназвание народа. Но в таком случае придется признать, что римляне «не знали» не только славян, но и тех, чьим

самоназванием было *Ἐλλήνες*, поскольку римляне называли их *Graeci*. Появление же самоназвания словѣне объясняется тем, что в VI в. после утраты дунайских провинций византийцы воспринимали бывших провинциальных «перегринов» как варварский народ живущий за пределами империи и именовали его уже по самоназванию.

Во избежание недоразумений хотелось бы еще раз обратить внимание, что этноним словѣне в то время не относился к «антам». Последние, скорее всего, были потомками венетов обитавших, согласно Тациту и Птолемию, к востоку от Германии (Грацианский 2012). Разделение одной и той же языковой общности на две части, обозначаемых в римских источниках двумя этническими названиями, не должно нас удивлять. Те, кого мы сейчас называем кельтами были известны римлянам под двумя именами: галлов и британцев, причем ни в одном источнике последних ни называли ни галлами, ни кельтами. То же самое можно сказать и о предках славян, две ветви которые в римское время были известны под именами паннонцев и венедов, а в ранне-византийское – склавинов и антов.

⁸ «От сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словѣнескъ, от племени Афетова, нарци, еже суть словѣне. По мнозѣхъ же времянѣхъ сѣли суть словѣни по Дунаеви, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска... ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ; ту бо бѣша словене первое» («Повесть временныхъ летъ») (Повесть 1956: 11, 23); «Отъ Афета же суть рожшиися языци, иже в столпотворение разделены... 13. норица, иже суть словени» («Палея толковая») (Хелимский 2000: 344), *Scribitur enim in vetustissimis codicibus quod Pannonia sit mater et origo omnium Slaonicarum nacionum* «Пишут в древнейших книгах, что Паннония есть мать и начало всех славянских народов («Великопольская хроника») (Chronica 1970: 4).

ЛИТЕРАТУРА

- Акимова 1989 - Акимова О.А. Развитие этнического самосознания хорватов в XII-XIV вв. // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху зрелого феодализма. М.: Наука, 1989. С. 130-151.
- Гавритухин 1997 - Гавритухин И.О. Хронология пражской культуры // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. Этногенез и этнокультурные контакты славян. М., 1997. С. 39-52.
- Гавритухин 2009 - Гавритухин И.О. Понятие пражской культуры // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XLII. Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света. СПб., 2009. С. 7-25.
- Гильфердинг 1862 - Гильфердинг А.Ф. Остатки славян на южном побережье Балтийского моря. СПб., 1862. 194 с.
- Грацианский 2012 - Грацианский М.В. О происхождении этнонима «анты» // Византийский временник. 2012. Т. 71. С. 27-39.
- Григорий 1987 - Григорий Турский. История франков. М.: Наука, 1987. 461 с.
- Грошева 2001 - Грошева А.В. Латинская соматическая лексика (обозначение ноги и её частей) // *Studia linguistica et balcanica*: памяти Агнии Васильевны Десницкой (1912-1992). СПб.: Наука, 2001. С. 144-151.
- Древняя Русь 2009 - Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III: Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. 264 с.
- Жих 2015 - Жих М.И. Заметки о раннеславянской этнонимии (славяне в Среднем Поволжье в I тыс. н.э.) // Исторический формат. 2015. № 4. С. 129-150.
- Жих 2019 - Жих М.И. Ранние славяне в Среднем Поволжье по письменным и археологическим данным // Исторический формат. 2019. № 1. С. 41-59.
- Жих 2019а - Жих М.И. Славянский правитель Само и его «держава» (623-658). Источники, локализация, социально-политическая организация, историческое значение. СПб., 2019. 148 с.
- Иллирийский язык 2008 - Иллирийский язык // Большая российская энциклопедия. Т. XI. М., 2008. С. 100-101.
- Константин 1991 - Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. М.: Наука, 1991. 496 с.
- Лиутпранд 2012 - Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь / Перевод с латинского и комментарии И.В. Дьяконов. М.: Русская панорама, 2012. 192 с.
- Масатеки 2012 - Масатеки // Большая российская энциклопедия. Т. XIX. М., 2012. С. 264-265.
- Никонов 1970 - Никонов В.А. Этнонимия // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 5-33.
- Петрухин, Раевский 1998 - Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М.: Языки русской культуры, 1998. 384 с.
- Повесть 1956 - Повесть временных лет. Т. 1. Текст и перевод. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1956. 205 с.
- Порциг 2003 - Порциг В. Членение индоевропейской языковой области / Перевод с немецкого, второе издание. М.: Едиториал URSS, 2003. 322 с.
- Прокопий 1993 - Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Перевод, статья, комментарий А.А. Чкаловой. М.: Наука, 1993. 580 с.
- Свод 1994 - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I-VI вв.). М.: Восточная литература, 1994. 472 с.
- Свод 1995 - Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. II (VII-IX вв.). М.: Восточная литература, 1995. 590 с.
- Седов 1979 - Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 156 с.
- Тацит 1967 - Корнелий Тацит. О происхождении Германцев и местоположении Германии // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. 1. Анналы. Малые произведения. История / Перевод с латинского А.С. Бобович. Л.: Наука, 1967. С. 353-372.
- Трубецкой 1958 - Трубецкой Н.С. Мысли об индоевропейской проблеме // Вопросы языкознания. 1958. № 1. С. 65-77.
- Фасмер 1987 - Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Прогресс, 1987. 832 с.
- Филин 1962 - Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1962. 295 с.
- Хелимский 2000 - Хелимский Е.А. Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. 640 с.
- Хождение 1984 - Хождение на Флорентийский собор неизвестного Суздальца // Книга хождений. Записки русских путешественников XI-XV вв. М., 1984. С. 137-151.
- Черняк 2015 - Черняк А.Б. Языковая ситуация в Римской империи: свидетельства древних авторов и раннероманских глоттонимов. СПб.: Нестор-История, 2015. 171 с.
- Шкунаев 1989 - Шкунаев С.В. Община и общество западных кельтов. М.: Наука, 1989. 192 с.
- Шушарин 1997 - Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М.: РОССПЭН, 1997. 512 с.
- Blockley 1985 - Blockley R.C. The history of Menander the Guardsman. Introductory Essay, Text, Translation, and Historiographical Notes. Liverpool; Cairns, 1985. 307 s.
- Chronica 1970 - Chronica Poloniae Majoris. Monumenta Poloniae Historica. S. II. T. VIII. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1970. 145 s.
- Chronica 1994 - Chronica Polonorum Magistri Vincentii dicti Kadłubiek. Monumenta Poloniae Historica. S. II. T. IX. Kraków: Secesja, 1994. 213 s.
- Constantine 2012 - Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies / Byzantina Australiensia. Vol. 18. Leiden; Boston; Brill, 2012. 870 s.
- Corpus 1833 - Corpus scriptorium historiae Byzantinae. Pars II. Procopius. Vol. 1. Bonnae, 1833.

- Curta 2001 - Curta F. The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500-700. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 463 s.
- Kluge 1989 - Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin. New York: Walter de Gruyter, 1989. 900 s.
- Liudprandi 1877 - Liudprandi episcopi Cremonensis Opera omnia. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1877. 181 s.
- Orel 1998 - Orel V.E. Albanian Etymological Dictionary. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1998. 507 s.
- Trask 2008 - Trask R.L. Etymological Dictionary of Basque edited for web publication by Max W. Wheeler. University of Sussex, 2008. 418 s.

REFERENCES

- Akimova 1989 - Akimova O.A. Razvitiye etnicheskogo samosoznaniya khorvatov v XII-XIV vv. [Development of ethnic identity of Croats in the 12th - 14th centuries], in: Razvitiye etnicheskogo samosoznaniya slavyanskikh narodov v epokhu zrelogo feodalizma [Development of ethnic self-awareness of the Slavic peoples in the era of mature feudalism], Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 130-151 [in Russian].
- Blockley 1985 - Blockley R.C. The history of Menander the Guardsman. Introductory Essay, Text, Translation, and Historiographical Notes. Liverpool; Cairns, 1985, 307 p. [in English].
- Chernyak 2015 - Chernyak A.B. Yazykovaya situatsiya v Rimskoy imperii: svidetel'stva drevnikh avtorov i ranneromanskikh glottonimov [The linguistic situation in the Roman Empire: evidence from ancient authors and early Roman glottonyms], Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015, 171 p. [in Russian].
- Chronica 1970 - Chronica Poloniae Majoris [Chronicles Of The Polish Mayor], Monumenta Poloniae Historica, S. II, Vol. VIII, Warszawa, Państwowe wydawnictwo naukowe Publ., 1970, 145 p. [in Polish].
- Chronica 1994 - Chronica Polonorum Magistri Vincentii dicti Kadłubiek [Chronicles of the Kings and Princes of Poland], Monumenta Poloniae Historica, S. II, Vol. IX, Kraków, Secesja Publ., 1994, 213 p. [in Polish].
- Constantine 2012 - Constantine Porphyrogenetos. The Book of Ceremonies / Byzantina Australiensia, Vol. 18, Leiden; Boston; Brill, 2012, 870 p. [in English].
- Corpus 1833 - Corpus scriptorium historiae Byzantinae. Pars II. Procopius, Vol. 1, Bonnae, 1833 [in German].
- Curta 2001 - Curta F. The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500-700, Cambridge, Cambridge University Press Publ., 2001, 463 p. [in English].
- Filin 1962 - Filin F.P. Obrazovaniye yazyka vostochnykh slavyan [Formation of the language of the Eastern Slavs], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR Publ., 1962, 295 p. [in Russian].
- Gavritukhin 1997 - Gavritukhin I.O. Khronologiya prazhskoy kul'tury [Timeline of Prague culture], in: Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavyanskoy arkheologii. T. 3. Etnogenez i etnokul'turnyye kontakty slavyan [Proceedings of the VI International Congress of Slavic Archaeology. Vol. 3. Ethnogenesis and ethnocultural contacts of the Slavs], Moscow, 1997, pp. 39-52 [in Russian].
- Gavritukhin 2009 - Gavritukhin I.O. Ponyatiye prazhskoy kul'tury [Concept of Prague culture], in: Slozheniye russkoy gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoy istorii Starogo sveta. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha [The formation of Russian statehood in the context of the early medieval history of the Old World. Proceedings of the State Hermitage], Vol. XLII, Saint Petersburg, 2009, pp. 7-25 [in Russian].
- Gilferding 1862 - Gilferding A.F. Ostatki slavyan na yuzhnom poberezh'ye Baltiyskogo moray [Remains of the Slavs on the southern coast of the Baltic Sea], Saint Petersburg, 1862, 194 p. [in Russian].
- Gratsianskiy 2012 - Gratsianskiy M.V. O proiskhozhdenii etnonima «anty» [On the origin of the ethnonym "Antes"], in: Vizantiyskiy vremennik [Byzantine temporary book], 2012, Vol. 71 (96), pp. 27-39 [in Russian].
- Grosheva 2009 - Grosheva A.V. Latinskaya somaticheskaya leksika (oboznacheniyeniye nogi i yeyo chastey) [Latin somatic vocabulary (designation of the leg and its parts)], in: Studia linguistica et balcanica: pamyati Agnii Vasilevny Desnitskoy (1912-1992) [Studia linguistica et balcanica: in memory of Agnia Vasilevna Desnitskaya (1912-1992)], Saint Petersburg, 2009, pp. 144-151 [in Russian].
- Khelimskiy 2000 - Khelimskiy Ye.A. Komparativistika, uralistika: Lektsii i stat'i [Comparative studies, uralistics: lectures and articles], Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2000, 640 p. [in Russian].
- Kluge 1989 - Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache [Etymological Dictionary of the German Language], Berlin; New York: Walter de Gruyter Publ., 1989, 900 p. [in German].
- Liudprandi 1877 - Liudprandi episcopi Cremonensis Opera omnia [The Works of Liudprand of Cremona], Hannoverae, Impensis Bibliopolii Hahniani Publ., 1877, 181 p. [in German].
- Nikonov 1970 - Nikonov V.A. Etnonimiya [Ethnonymy], in: Etnonimy [Ethnonyms], Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 5-33 [in Russian].
- Orel 1998 - Orel V. E. Albanian Etymological Dictionary, Leiden; Boston; Köln: Brill Publ., 1998, 507 p. [in English].
- Petrukhin, Rayevskiy 1998 - Petrukhin V.YA., Rayevskiy D.S. Ocherki istorii narodov Rossii v drevnosti i rannem srednevekov'ye [Essays on the history of the peoples of Russia in ancient times and the early Middle Ages], Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1998, 384 p. [in Russian].
- Portsig 2003 - Portsig W. Chleneniye indoyevropeyskoy yazykovoy oblasti [Division of the Indo-European linguistic area], Moscow, URSS Publ., 2003 [in Russian].
- Povest' 1956 - Povest' vremennykh let. T. 1. Tekst i perevod [Tale of Bygone Years. Vol. 1. Text and translation], Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1956. 205 p. [in Russian].
- Sedov 1979 - Sedov V.V. Proiskhozhdeniye i rannaya istoriya slavyan [Origin and early history of the Slavs], Moscow, Nauka Publ., 1979, 156 p. [in Russian].
- Shkunayev 1989 - Shkunayev S.V. Obshchina i obshchestvo zapadnykh kel'tov [Community and society of the Western Celts], Moscow, Nauka Publ., 1989, 192 p. [in Russian].

- Shusharin 1997** - Shusharin V.P. Ranniy etap etnicheskoy istorii vengrov. Problemy etnicheskogo samosoznaniya [The early stage of the ethnic history of the Hungarians. Problems of ethnic identity], Moscow, ROSSPEN Publ., 1997, 512 p. [in Russian].
- Svod 1994** - Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh. T. I (I-VI vv.) [Code of the most ancient written news about the Slavs. Vol. I (I-VI centuries)], Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1994 [in Russian].
- Svod 1995** - Svod drevneyshikh pis'mennykh izvestiy o slavyanakh. T. II (VII-IX vv.) [Code of the most ancient written news about the Slavs. Vol. II (VII-IX centuries)], Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1995 [in Russian].
- Trask 2008** - Trask R.L. Etymological Dictionary of Basque edited for web publication by Max W. Wheeler. University of Sussex, 2008, 418 p. [in English].
- Trubetskoy 1956** - Trubetskoy N.S. Mysli ob indoyevropeyskoy probleme [thoughts on the Indo-European problem], in: Voprosy yazykoznaniiya [Questions of linguistics], 1958, № 1, pp. 65-77 [in Russian].
- ZHih 2015** - ZHih M.I. Zametki o ranneslavyanskoj etnonimii (slavyane v Srednem Povolzh'e v I tys. n.e.) [Notes on the early Slavic ethnonymics (Slavs in the Middle Volga Region in the 1st Millennium AD)], in: Istoricheskij format [Historical format], 2015, № 4, pp. 129-150 [in Russian].
- ZHih 2019** - ZHih M.I. Rannie slavyane v Srednem Povolzh'e po pis'mennym i arheologicheskim dannym [Early Slavs in the Middle Volga region by manuscripts and archaeological data], in: Istoricheskij format [Historical format], 2019, № 1, pp. 41-59 [in Russian].
- ZHih 2019a** - ZHih M.I. Slavyanskij pravitel' Samo i ego «derzhava» (623-658). Istochniki, lokalizaciya, social'no-politicheskaya organizaciya, istoricheskoe znachenie [Slavic knyaz Samo and his "empire" (623-658). Sources, localization, socio-political organization, historical significance], Saint-Petersburg, 2019, 148 p. [in Russian].

Назин Сергей Владимирович

– кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Московского государственного института культуры (Москва, Россия).

Sergey Nazin

– Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Philosophy of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia).

sergnasin@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРИОДА (ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦИИ)

Б.М. Кондорский

Независимый исследователь (Донецк, Россия)
e-mail: bmkbox@mail.ru

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В основе каждого этапа исторического развития лежали революции, которые формировали новый тип социального сознания, социального пространства в рамках революционного периода. На примере революций Нового времени показано, что революционный период представляет собой систему, имеющую свои законы. Конкретные революции следует рассматривать как внешнее проявление внутренних процессов. В зависимости от времени появления и характера протекания революционного периода, выделены три основных группы стран – первой, второй и третьей генераций. На примере Франции проведен анализ специфики социально-политической системы, предшествующей революционному периоду. Рассмотрен характер французской буржуазии и ее роль в структуре и функционировании государства. Основное внимание уделено странам третьей генерации. К этой группе относятся, в том числе, Россия и Китай. Показаны кардинальные отличия от стран первой и второй генераций (западных государств).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: революционный период, Франция, Французская революция, французская буржуазия, Россия, Китай.

THE CONCEPT OF THE REVOLUTIONARY PERIOD (HISTORICAL BACKGROUND ON THE EXAMPLE OF FRANCE)

Boris Kondorsky

Independent researcher (Donetsk, Russia)
e-mail: bmkbox@mail.ru

ABSTRACT

Each stage of historical development was based on revolutions, which formed a new type of social consciousness, social space within the framework of the revolutionary period. Using an example of revolutions of modern times, it is shown that the revolutionary period is a system that has its own laws. Specific revolutions should be considered as an external manifestation of internal processes. Depending on the time of emergence and the nature of the revolutionary period, three main groups of countries are identified - first, second and third generations. Using France as an example, the specifics of the socio-political system preceding the revolutionary period are analyzed. The character of the French bourgeoisie and its role in the structure and functioning of the state are examined. The main attention is paid to the countries of the third generation; this group includes, among others, Russia and China. Their cardinal differences from the countries of the first and second generations (Western states) are shown.

KEYWORDS: revolutionary period, France, French Revolution, French bourgeoisie, Russia, China.

Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. Здесь этот термин используется не в переносном (метафорическом) смысле, а в буквальном. Действовали те же основные законы, что и во время классических «буржуазных» революций (Кондорский 2020б).

Революции, как особое состояние общества, сопровождаются качественными изменениями во всех сферах. Революции, в первую очередь, происходят в «голове». Один тип сознания сменяется другим. На смену старому архетипу социальной организации приходит принципиально новый. Архетип данного исторического этапа есть архетип исторического сознания.

Формирование нового архетипа в процессе революций следует рассматривать как систему потенциалов, которые могут получить развитие, а могут и нет, в зависимости от конкретных исторических условий. Внешние проявления этих потенциалов архетипа в различных регионах могут существенно различаться.

В процессе исторического развития можно выделить следующие основные революции (точнее эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции Нового времени. Именно революции формировали потенциал последующего развития социумов.

Архаическая революция разделила два периода, два этапа исторического развития – раннюю и позд-

нюю древность и соответствующие им социумы – СРД (социумы ранней древности) и СПД (социумы поздней древности). Обычно архаической революцией называют исторический переворот, все те изменения, которые имели место в древней Греции в VII в. до н.э. и которые коснулись абсолютно всех сфер человеческой деятельности (Фролов 1988: 92-100). При этом, архаическая революция имела место не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, в Северной Индии и Среднем Китае (Кондорский 2013: 17).

К СРД можно отнести Месопотамскую, Египетскую, Индскую цивилизации и политические объединения бронзового века. Отсутствие в СРД личности как источника воли (в сознании людей того времени), способствовало формированию системы, в рамках которой эту роль играли божества. Правитель выступал в роли медиатора, транслятора божественной Силы. Только наличие подобного рода воли позволяло принимать решения, осуществлять управление (Берлев 1972: 38-39; Васильев 1983: 158-159; Оппенгейм 1980: 160-161).

В СПД революционные изменения в сознании, в первую очередь, были связаны с принципиальными изменениями отношений с богами. Если в СРД социальное объединение, находящееся под покровительством богов, получало от них Силу через своего правителя, то в СПД источником Силы (воли) является уже сам народ. Народ заключает договор с богами, на основании которого он получает от них Силу в «постоянное пользование». В свою очередь, народ обязуется чтить богов, регулярно проводить в их честь жертвоприношения. Римский народ заключает договор с Юпитером (Кофанов 2006: 183), израильский с Яхве (Шифман 1989: 58), Спарта с Аполлоном (Печатнова 2007: 34), чжоуский народ в Китае с Небом (Васильев 1998: 125-127).

После гибели постархаических цивилизаций (в первую очередь Римской империи), начинается третий виток исторического развития. Когда мы говорим о феодальной революции в Западной Европе, нужно иметь в виду, что собственно германские племена и их объединения исторически к этому отношения не имели. То же самое относится и к реликтам романского населения.

К моменту феодальной революции (а это район IX-X веков) уже не было ни того, ни другого. Регулярные «перетряски» населения в предшествующий период, отягощенные регулярными набегами норманнов, привели к появлению общин, лишенных и варварского и латинского сознаний. Появилась потребность в тех, кого мы называем феодалами. Заключив общественный договор, общины передали корпорации феодалов свою власть-собственность в понимании Л.С. Васильева (Васильев 1982).

Что касается периода Меровингов и ранних Каролингов, то здесь мы имеем не ранний феодализм, а процесс феодализации, когда появляются внешние признаки данной формации, но еще отсутствует феодализм как общественной системы со своими законами определяющего характера.

Аналогичная ситуация имела место в Древней Руси. Здесь феодальная революция началась на 300-400 лет позже, чем в Западной Европе (Кондорский 2021а: 58)

и сопровождалась регулярными репрессиями по отношению к городским общинам Александром Невским и его сыном Андреем (Оловинцов 2018: 197). Основной целью любой революции является устранение носителей старого сознания. Феодальный революционный период в рамках Московского государства закончился при Иване III.

В период феодализма происходит полное отделение политического от собственно социального. В процессе формирования национальных государств политическая власть концентрируется в руках короля, который становится абсолютным монархом. Собственность на землю остается у феодалов, которые трансформируются в дворян. Появляется то, что мы называем Новым временем. Происходят изменения в сознании, которые тонко подметил в своем бессмертном творении Сервантес. Тюдоры и внешне и внутренне отличаются от Плантагенетов. Такие же различия во Франции просматриваются между Генрихом II (погибшем на рыцарском турнире) и Генрихом IV.

Помимо вышеуказанных этапов, можно говорить о двух основных эпохах в истории человечества. Первую эпоху можно назвать социальной, а вторую – общественной, что предполагает принципиальные отличия двух понятий (категорий) – социума и общества (Кондорский 2021б).

Элементом социума как системы является человек, индивид как личность. Социум выступает как форма совместного существования. Можно говорить о типах социума в зависимости от исторического периода. Элементом общества является деятельность человека. Т.е. общество, по своей сути, носит функциональный, полностью отчужденный от собственно социальных институтов, характер. Основу общества составляют экономическая и политическая системы, экономические и политические отношения.

Буржуа – понятие социальное, капиталист – категория экономическая. Один и тот же человек как буржуа вынужден тратить деньги на поддержание своего престижа и имиджа сообразно положению в социуме, а как предприниматель – должен вкладывать свой капитал в дело, так же как пролетарий вынужден продавать свою рабочую силу этому капиталисту. Вынуждают законы общества, независимые от социального сознания.

В обществе человек подчиняется его законам (должен подчиняться). В социуме – подчиняется воле (прямой или отчужденной в форме права). В первом случае наблюдается господство законов общества, во втором – господство воли и ее носителя. В обществе его законам подчиняется не сам человек как личность, а его деятельность. Капиталист имеет успех или разоряется не по социальным, а по экономическим законам. То же самое относится к политической составляющей общества.

Именно так называемые «буржуазные» революции Нового времени и предопределили переход от одной эпохи к другой. Специфика этого перехода заключается в том, что революции (и последующие контрреволюции) в одной стране или группе близких стран, имеющих одну историческую судьбу, составляют революци-

онный период (РП) как целостную систему в пространстве и во времени, имеющую свои законы. Конкретные революции – лишь проявление этих процессов. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий (Кондорский 2015; 2017; 2020а).

В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции – Третьей республикой в 1871 году, в США – гражданской войной (точнее, так называемым периодом Реконструкции Юга), в России и Китае – событиями конца XX века. Обращает на себя внимание синхронность революционных процессов в Германии и Италии вследствие ряда исторических факторов. В обеих странах РП закончился поражением фашистских диктатур во время Второй мировой войны. То же самое относится и к Японии.

Все страны, в зависимости от характера и времени протекания РП, связанного в основном со спецификой предыдущего исторического развития, можно разделить на три основных группы – стран первой, второй и третьей генераций (СПГ, СВГ, СТГ). К первой группе можно отнести страны, где РП проявили себя раньше остальных государств – в Нидерландах, Англии, США, Франции. В каждой из этих стран РП имел свою специфику и развивался независимо от внешнего влияния. В СВГ революционный процесс начался в середине XIX века. К этим странам, в первую очередь, можно отнести Германию, Италию, страны, входившие в состав Австрийской империи, и Японию. В СТГ – России, балканских странах, Китае, Турции, Иране и других основных странах третьего мира РП ограничился рамками XX в. РП может протекать и без конкретных революций (Скандинавские страны).

Отдельную группу составляют арабские страны. Здесь РП начался после Второй мировой войны. События Арабской весны как раз и стали проявлением этих революционных процессов. Если учесть, что обычно продолжительность РП около ста лет, нынешняя нестабильность на Ближнем Востоке может закончиться не раньше середины XXI века.

Чтобы понять специфику революционного периода, мы должны поставить достаточно резонный вопрос: а что собственно предшествовало революционному периоду, какая социально-политическая, общественно-экономическая система?

Рассматривая всевозможные аспекты Французской революции, советские ученые придерживались схемы, согласно которой события во Франции конца XVIII в. представляли собой «буржуазную революцию», разрушившую «феодально-абсолютистский строй» и открывшую путь для развития капитализма.

В мировой исторической литературе обычно используется понятие «Старый порядок» в смысле «соединения политического абсолютизма с социальными привилегиями» (Кареев 2009: 11). Термин «феодализм», не смотря на более чем двухсотлетнюю историю применения, никогда не имел единого значения, что позво-

ляло историкам разных школ вкладывать в него самые различные смыслы.

Советские историки определяющими признаками феодального строя считали феодальную собственность на землю и наличие у крестьянина самостоятельного хозяйства. Из отношений феодальной собственности вытекало право феодала на безвозмездное присвоение прибавочного труда в форме феодальной земельной ренты (барщины, натурального или денежного оброка) (Барг, Никифоров 1977). В зарубежной историографии описанный выше тип поземельных отношений определяются термином «сеньориальный режим», а в категорию «феодализм» вкладывают преимущественно юридический смысл, обозначая ею комплекс правовых связей между сюзеренами и вассалами (Чудинов 2007: 60).

А.В. Чудиновым была предпринята попытка критики и переосмысления ряда «азбучных истин», многократно повторявшихся в работах советских ученых, посвященных Французской революции и предшествующему ей периоду (Чудинов 2007). В частности, автором была предпринята попытка умалить абсолютистский характер власти французских королей и роль буржуазии в Революции. Дело в том, что этот слой имел в действительности мало общего с капиталистическим предпринимательством. Обычно под «буржуазией» понималась верхушка городских жителей: держателей должностей, торговцев и получателей различного рода рент, ведущих буржуазный образ жизни. Приводились цифры, согласно которым в Учредительном собрании и Конвенте торговцы, мануфактуристы и финансисты находились в явном меньшинстве (менее 10%). Тем самым ставился под сомнение буржуазный характер Революции (Чудинов 2007: 110-111).

Власть французского короля, начиная с Людовика XIV, была ни кем и ни чем не ограничена. Если до него управление государством осуществлялось через первых министров (сначала Ришелье, затем Мазарини), то Людовик полностью взял бразды управления в свои руки. Политическая власть, государственный суверенитет был полной и нераздельной «собственностью» монарха (Поршнев 1948: 592). Все внешнеполитические решения были исключительной прерогативой короля в рамках европейского политического пространства, сформировавшегося после Вестфальского мира. Внутри государства любые проявления политического как со стороны третьего сословия, так и со стороны дворян (Кожокин 1989а: 54-55), пресекались самым жестким образом.

Однако, не смотря на внешний политический абсолютизм монарха, реальная картина распределения власти была намного сложнее. Здесь необходимо разобратся с тем, какую роль играла буржуазия в управлении государством. Основным критерием принадлежности к буржуазии следует считать наличие состояния. Именно «состояния», а не капитала. В дореволюционной Франции не было собственно капиталистической системы. Очень осторожно следует относиться и к «развитию капиталистических отношений» (Люблинская 1965: 17), которые носили внешний характер в этот период. Поэтому, использование таких терминов (категорий)

как капитал и прибыль для данного периода только запутывает ситуацию. Правильнее говорить о состоянии-имуществе и получаемого с него дохода. Состояние-имущество могло иметь денежную форму, земельную, рентную (в виде облигаций государственного займа). Наконец, в форме должности, которая давала устойчивый доход. Владельцы должностей могли передавать ее по наследству и стать, в конечном итоге, дворянином («дворянством мантии»). При этом, разница в характере сознания и образе жизни дворянства мантии и буржуазии третьего сословия была не существенна.

Покупая должности и облигации государственно-го займа, буржуа тем самым кредитовали государство (Люблинская 1982: 54; Малов 1991: 11). Необходимость в кредите появилась еще XIII-XIV вв. (Люблинская 1982: 38). И с каждым новым монархом эта потребность постоянно возрастала, особенно во время военных кампаний. Государство и господствующий класс постоянно нуждались в кредите (Поршнева 1948: 613). Как известно, толчком к революции стал созыв Генеральных штатов, которые должны были решить проблему огромного государственного долга (Манфред 1983: 59).

Не надо забывать, что приобретая должности, буржуа становились, в определенной степени, носителями суверенитета. Должность подразумевает сообщение государственного суверенитета частному лицу (Поршнева 1948: 593). Должностные лица здесь больше собственники должностей, чем чиновники, к тому же, в известном смысле, независимые от короны (Малов 1991: 11, 12). Парижский парламент отказался внести в свои регистры королевские указы о реформах Тюрго (контролера финансов) (Ревуненков 1989: 57). Можно сказать, что в XVII-XVIII вв. шел необратимый процесс отчуждения власти в пользу завоевавшего все большую независимость бюрократического аппарата (Кожокин 1989а: 6).

В период социальной эпохи формой объединения, интеграции социумов в определенных природно-географических условиях является Ойкумена как система, имеющая свои внутренние законы и в чем-то сходная с биосферой (Кондорский 2021в: 125). В основе законов Ойкумены лежит единство природных и социальных явлений. Элементом Ойкумены как системы являются потоки информации. В период древности – в форме миграций типа «просачивания» (в случае арийских, иранских, дорических и других племен), торговли и войн на основе законов, принципиально отличающихся от современных.

Основные закономерности формирования Ойкумены в древности можно рассмотреть на примере Средиземноморья. Освоение окрестностей Средиземного моря начали финикийцы. Греки быстро переняли опыт финикийцев в мореходстве, торговле, основании факторий. Рим сначала формирует Латинскую, затем Италийскую и, наконец, Средиземноморскую ойкумену в рамках Империи. Следует обратить внимание на тот факт, что Рим объединил регионы, где собственная ойкумена еще не сформировалась или уже деградировала (как в Греции, Ближнем Востоке и Египте).

Если в основе Ойкумены лежит объединение социумов, то элементом государства является личность, ее

деятельность, активность. Политическое пространство появляется вместе с личностью. Например, в гомеровский период в Греции личности в современном понимании не было (Ярхо 1963), также как и государства. На каждом историческом этапе мы имеем определенный тип личности, которому соответствует определенный тип государства. Какая личность, такое и государство.

Государство представляет по существу систему контроля личностного потенциала. В XIV-XV вв. феодальная система подобного рода начинает давать сбои. Личностью осознают себя и горожане и, даже, крестьяне. Достаточно вспомнить Крестьянскую войну в Германии. «Свобода» эпохи Возрождения несет в себе потенциал разрушения Европейской ойкумены.

В период собственно феодализма имеет место единая ойкумена (Христианский мир), которая начинает распадаться на отдельные нации-государства. Формируются корпорации сословного, профессионального, территориального характера. С одной стороны они защищали интересы своих членов, а с другой стороны – держали под контролем их личностный потенциал (активность), по существу выполняя определенные государственные функции. Цехи представляли собой эффективное средство контроля над наиболее беспокойными элементами городского населения – учениками и подмастерьями. Поэтому государство всячески поощряло подобного рода систему (Кожокин 1985: 31-32). Наследственная передача мест в рамках административно-судейского сословия происходила с нормами, очень схожими с цеховыми (Люблинская 1982: 57). Т.е. корпорации самого различного типа имели единую основу.

Специфика ойкумены и ее законов заключается в единстве природного и социального. Эпидемии, природные катаклизмы, бунты (восстания) действуют по одним и тем же законам и представляют явления одного порядка. Человек Старого порядка в значительной степени зависел от природы. Подавляющее большинство народных выступлений и в городе и в деревне имели характер продовольственных бунтов (Кропоткин 1979: 22; Рюде 1966: 10; Чеканцева 1988: 38), обычно вследствие неурожая. Государство обычно действовало в этом случае по социальным законам Ойкумены – занималось раздачей зерна, регулировало вывоз хлеба (Энгельгардт 1976: 47). Попытки ввести свободную продажу хлеба (элементы рынка), противоречащую законам Ойкумены, обычно резко обостряли ситуацию.

Корпоративная ойкумена препятствовала развитию капиталистических отношений. Корпоративные перегородки воздвигали в своей среде и предприниматели. Негоцианты отделялись от торговцев, финансисты боролись с банкирами (Кожокин 1989б: 31). Высокий доход, который приносили деньги, вложенные в должности и откупа, отклоняли «капитал» от земледелия, промышленности, торговли (Поршнева 1948: 615).

Корпоративная раздробленность определяла ситуацию в стране, по поводу которой генеральный контролер финансов Тюрго писал в своем докладе королю: «Нация – это общество, состоящее из различных, слабо соединенных сословий и народа, между членами ко-

того существует очень мало связей и где каждый занят своими частными интересами» (Кожокин 1985: 48). Можно сказать, что Революция устранила не «феодально-абсолютистский режим», а разрушила ойкумену корпоративного типа.

Уничтожив прежнее сословно-корпоративное общество, Революция уничтожила все то, что на практике ограничивало применение суверенной его власти. Так называемая корпоративная организация общества, с ее иерархией, привилегиями и частными правами, являвшаяся основой общественно-политического строя (Пименова 1986: 48), представляла собой почти непреодолимый оплот против применения суверенной власти в полном объеме (Генифе 2003: 49).

Весь парадокс заключался в том, что в предреволюционный период Людовик XVI искренне стремился к проведению реформ в лице Тюрго, но встретил решительное сопротивление не столько со стороны «дворянства шпаги», сколько со стороны «дворянства мантии». В мае 1796 г. Тюрго, не пробыв и двух лет у власти, получил отставку. А все его реформы были либо прямо отменены, либо преданы забвению. Неспособность французской монархии к радикальным реформам (Малов 1991: 10) означало, что эволюционный путь развития во Франции стал невозможен (Ревуненков 1989: 56-58).

И только Революция, забрав у абсолютного монарха суверенитет и вручив его нации (Генифе 2003: 49), смогла в короткий срок провести радикальные реформы, заложив основы государства уже совершенно иного типа. Теперь суверенитет принадлежал только народу. Только от народа могла исходить всякая власть (Собуль 1974: 20). Страна была разделена на 83 департамента, взамен изживших себя провинций, губернаторств, сенешальств и пр. Все старые судебные учреждения, включая и парламенты, были ликвидированы. Были введены три прямых налога, взамен прежней сложной и запутанной системы. Проблема государственного долга была решена за счет распродажи церковных имуществ (Ревуненков 1989: 118-119).

Обращает на себя внимание тот факт, что во время революции никто, по существу, не встал в защиту короля, даже армия (Кожокин 1985: 66; Кропоткин 1979: 47). Аналогичная ситуация имела место во время Февральской революции в России, Ноябрьской революции в Германии, Синьхайской революции в Китае. То же самое относится к Турции и Ирану.

Что касается террора, то его основная цель, основная задача заключалась в устранении носителей «старого сознания». Во Франции в период якобинской диктатуры террор перешел «точку невозврата» и превратился в автономное явление, «подчинив своей воле» и Робеспьера и его окружение. Нечто похожее наблюдалось в 1937-38 гг. в Советском Союзе. «Террор» во Франции, как автономная система, воздействуя на психику людей, формировал (индуцировал) вокруг себя своеобразное пространство, в рамках которого то и дело возникали слухи о заговорах аристократов, угрозе со стороны иностранных войск, диверсиях заграничных агентов, о генералах-предателях, о кознях спекулянтов и т.п. Люди во всех проблемах винили «врагов народа»

и требовали беспощадно с ними бороться (Бачко 2006: 46-47).

Там где не было носителей старого сознания, там и не было террора. В Северной Америке отсутствовали феодальные структуры как возможные объекты насилия и террора. Американская революция произошла в новой стране, почти не имевшей прошлого. В отличие от французов, американцам не надо было ниспровергать аристократическое общество, чтобы объявить себя равными (они и так ими были); им не требовалось разрушить абсолютную монархию, чтобы провозгласить суверенитет народа (Генифе 2003: 44).

Реставрация Бурбонов не смогла восстановить старый режим. Когда Карл X попытался это сделать, его свергли (Хосбаум 1999: 255). Однако, капиталистическая система, капиталистические отношения еще не стали господствующими, в первую очередь, что касается типа сознания. Это способствовало тому, что промышленная революция во Франции реально началась только во второй четверти XIX в.

Отрицательную роль сыграло доминирование финансовой аристократии в экономической и, особенно, политической сфере в период Июльской монархии. Правительство финансистов довольно прохладно относилось к строительству железных дорог. В результате чего, к 1848 г. Франция в этом отношении заметно отстала не только от Англии, но и США (Потемкин 1971: 291). Между тремя основными группами господствующего класса в первой половине XIX в. наблюдалось острое соперничество, что отнюдь не способствовало консолидации господствующего класса. И только политизация широких буржуазных слоев в 40-х годах способствовала переходу промышленной революции на качественно новый уровень (Ревякин 1989: 170, 185).

Основу РП составляет формирование нации, национального сознания данного государства. Здесь нация, политическая и экономическая системы, государство, элита образуют единое органическое целое (в идеале) со своими законами, где вышеуказанные категории теряют свою самостоятельность и превращаются лишь в составляющие этой системы. При этом, национальное сознание, национальные интересы являются первичными по отношению к нации как совокупности граждан данной страны. Вообще, в рамках общественной эпохи, такие категории как нация, элита, класс, экономическая и политическая системы принимают форму автономного сознания – независимого от социального сознания личности. Индивидуумы превращаются лишь в носителей этого сознания. Т.е. господство человека и его воли сменяется господством данного типа сознания и соответствующих общественных законов.

Интересная ситуация в плане формирования нации имела место в США. Освободив американский народ от колониального угнетения и образовав национальное государство, Американская революция сохранила рабство – один из основных факторов, препятствовавших становлению единого национального государства. Рабовладельческое хозяйство в южных штатах было слабо связано с внутренним рынком. Хлопок в основном вывозился в Европу, где и закупались промышленные

изделия (Хосбаум 1999). Все это мешало формированию американской нации и свободному развитию капитализма. Эти препятствия были ликвидированы только в ходе гражданской войны.

Во Франции идея нации становится доминирующей во времена Второй империи. Еще к началу Революции 1789 г. нация как этническая категория, как языковая, культурная, историческая общность существовала уже давно в рамках единого государства и в ходе революции выступала как действующий субъект. Национализм Наполеона III ставил задачу осуществления социальной, правовой и политической интеграции французов в суверенную государственную нацию (Европейские революции 2001: 41).

Именно в этот период было сформировано то национальное «единство», о котором говорилось выше. Установив диктаторский режим и запретив политические партии, Наполеон исходил из убеждения, что они выражают не чаяния народа, а корыстные интересы отдельных фракций элиты. Проводя социальную политику, он обеспечил полную занятость и постоянный рост заработной платы. По уровню экономического развития к концу правления императора Франция превратилась во вторую, после Англии, мировую державу (Черкассов 2012).

РП во Франции оказал определяющее влияние на революционные процессы в СВГ. Революция 1830 года оказала значительное воздействие на Италию (Ковальская 1981: 34). Свержение Июльской монархии вызвала целую волну революций в Германии, Италии, Австрийской империи («Весну народов»). Подобного рода революции имели две основных составляющих – либерально-буржуазную и национальную. В восстаниях участвовали все слои городского населения – знать и буржуа, студенчество и лица свободных профессий, торговцы, ремесленники, рабочий люд (Европейские революции 2001: 112). Основные требования касались предоставления буржуазных свобод, включая политические права (Авербух 1965: 83). Буржуазия в этих странах до 1848 г. практически не участвовала в политической жизни (Удальцов 1947: 55).

Что касается крестьян, то их основные требования были связаны с отменой сохранившихся реликтов феодальной зависимости. Не надо забывать, что речь идет об аграрных странах (Авербух 1970: 49), где более двух третей составляли сельские жители. В дальнейшем, быстро добившись выполнения своих требований, крестьяне в революции участия не принимали (Европейские революции 2001: 56).

Особое положение в системе СВГ занимает Испания. Реально РП здесь начался в районе только четвертой революции (в середине XIX в.), когда пошел необратимый процесс формирования единой нации (национального сознания), политической и экономической систем. Т.е. наличие революций еще не означает начало РП. Несмотря на то, что в Испания в XIX в. пережила 5 революций, слабость и нерешительность буржуазии, неумение и нежелание организовать эффективную диктатуру своего класса, каждый раз приводили к восстановлению реакционных порядков. В Испании долгое время сохраня-

лись достаточно развитые корпоративные структуры. В первую очередь это касается церкви и армии. Только после Первой мировой войны все большее влияние начинает приобретать промышленная буржуазия, оттесняя класс помещиков (Гарсиа 1963: 27, 42).

В СВГ, в первой половине РП, формирование капиталистических отношений носило эволюционный характер. В это время здесь не было ни революционных диктатур, ни террора. В то же время в СТГ отсутствовал какой-либо потенциал реальной трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и государства в целом. Что и имело место в Китае, Турции, России.

Попытки реформ «сверху» в Китае в 1898 г. закончились полным провалом. Партия реформ «периода 100 дней» была заранее обречена на гибель. Ее декреты и воззвания остались «гласом вопиющего в пустыне» (Ходоров 1925: 11). Первый турецкий конституционный монарх Абдул Хамид II, прозванный «Кровавым», в конечном итоге, установил режим полного произвола во всех сферах общественной деятельности (Гасратян и др. 1983: 138-140). Нечто похожее имело место в Иране (Алиев 2004: 63-64).

Перед РП во всех СТГ до 90% населения составляли крестьяне, имевшие патриархальный тип сознания в рамках традиционной общины, которая мало чем отличалась от таковой в древности (по крайней мере внешне). В Китае глава семьи не мог продать ее имущество без согласия остальных мужчин. Отношения между хозяином земли и ее держателем регулировались обычаями. Помещик обычно выступал в качестве главы господствующего клана (Делюсин, Костяева 1985: 103). Подавляющее большинство крестьян не могло стать товаропроизводителями, имея целью лишь пропитание. Товарно-денежные отношения носили внешний характер. Среди крестьян всегда доминировали антирыночные настроения (Панцов 1985: 20).

Подобного рода ситуация имела место и в других СТГ, в том числе России (Пайпс 1994: 108-110; Фроянов 1997: 25-26). Сознание российского крестьянина воспринимало землю как божью, ничью (Кабытов 1990: 60). Отсюда – полное неприятие частной собственности на землю, требование отмены ее продажи (Шанин 1997: 204). Крестьянину был чужд буржуазный взгляд на собственность как источник богатств (Мионов 2010: 670).

П.А. Столыпиным была задумана реформа, целью которой было разрушение традиционной общины и пробуждение инстинкта частной собственности у крестьян. Мыслилось появление слоя крестьян-собственников, фермеров (Зырянов 1991: 20).

Однако, в результате столыпинских реформ крестьяне-буржуа (такие как во Франции) так и не появились. И дело не во внешнем виде, а в характере сознания. Те же кулаки по своей базовой ментальности мало чем отличались от обычных крестьян-общинников. Абстрактность замысла реформы в значительной степени объяснялась тем, что ее сочиняли люди плохо знавшие русскую деревню (Зырянов 1991: 25). В итоге, политика Столыпина, по разным причинам, не смогла устроить

ни народ, ни либералов, ни правых, ни левых, ни самого царя (Тютюкин, Шелохаев 1996: 135).

Процессы, связанные с процессом превращения СТГ в полуколонии, были естественным процессом, обусловленным формированием сначала мирового торгового пространства, затем финансового. На рубеже XX в. можно уже говорить о мировом геополитическом пространстве. Деятельность зарубежных компаний отнюдь не благоприятствовала укреплению национальной буржуазии и развитию капиталистических отношений. Парадокс заключался в том, что во всех СТГ правящая элита создавала благоприятные условия для деятельности западных фирм и связанных с ними компрадоров. В СТГ так и не сформировалась та критическая масса капитала, которая способствовала бы самостоятельному развитию капитализма.

В СПГ промышленные революции носили самостоятельный характер. В СВГ они были обусловлены, в значительной степени, сформировавшимся к середине XIX в. европейским экономическим пространством. В СТГ не было промышленной революции – была индустриализация под непосредственным руководством государства.

В Японии, которая относится к СВГ, наблюдалось сочетание того и другого. Кредитно-финансовые операции купеческих домов послужили источником накоплений, что способствовало быстрому образованию банков во второй половине XIX в. (История Японии 1998. Т. 1: 479). Огромные денежные средства, полученные от правительства дайме (владельцами князями) и самураями, были вложены ими в промышленную и банковскую сферу (История Японии 1998. Т. 2: 60). В то же время в России, 10 млрд. рублей выкупных платежей, полученных помещиками от крестьян (Ковальченко 1991: 23) были ими просто «проедены».

Убежденным сторонником и инициатором подобного рода политики в Турции был Ататюрк. Этатизм мыслился им как комплекс государственно-капиталистических мероприятий, нацеленных на создание государственного сектора экономики, действующего в тесном взаимодействии с частным капиталом в условиях свободы рыночных отношений (Владимирский 2014: 300; Розалиев 1995: 52).

Тот же гомиьндан в Китае проводил антикапиталистическую (а не антибуржуазную) политику (Непомнин, Меньшиков 1999: 168) в духе этатических идей Сунь Ятсена. Помещики в сельской местности были поставлены под контроль партийных комитетов. Была предпринята попытка формирования государственного капитализма, слабо связанного с рынком (Непомнин 1998: 388-389).

В России важность ускоренной индустриализации понимал С.Ю. Витте, который считал, что только она спасет подлинный суверенитет России (Верт 2006: 173). Основная его ошибка заключалась в том, что основную ставку он делал на привлечение иностранного капитала. Витте считал, что Россия не Китай и что иностранный капитал никогда не вытеснит национальный (Верт 2006: 19). Однако, опора на иностранный капитал неизбежно ставила Россию в подчиненное положение и создавало

угрозу национальной безопасности. К началу Первой мировой войны доля России в общемировой задолженности составляла 31% (Завалько 2005: 172).

В России капитализм не имел своих корней, также как и в других СТГ. Здесь можно говорить о «русском капитализме», имеющем ряд особенностей, принципиально отличавших его от капитализма западного типа. В России не было капитализма как системы, был только уклад, который не имел потенциала развития. Для появления капиталистической системы нужна определенная масса капитала. Достаточно сказать, что капитал одной американской компании «Юнайтед Стил корпорейшен» равнялся капиталу всех индустриальных и торговых компаний России (Уткин 2001: 19).

В СТГ цивилизационный фактор играл гораздо большую роль, чем в западных странах (СПГ и СВГ). Для российской цивилизации были характерны коллективизм, общинность, приоритет духовных ценностей над материальными богатствами, принципы социальной справедливости (Ольштинский 2014: 290). Именно социальной справедливости. На Западе справедливость определяется законами не социальной, а экономической системы. Цивилизационные отличия отталкивали основную массу населения от капиталистических общественных отношений. Общинная этика отвергала протестантскую.

Для РП характерны свои специфические законы. В этот период все режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры (особенно во время самих революций). Даже в США имела место диктатура в период Реконструкции Юга после гражданской войны (Блинов 1960: 327). Характер диктатуры зависит от этапа революции и выражает интересы того или иного класса. Каждая диктатура выполняет определенные исторические задачи. Насколько успешно она это делает и какой ценой – это уже другой вопрос.

В той же Франции – якобинская диктатура, Директория, диктатура Наполеона. Относительно либеральное правление Людовика XVIII сменяется диктатурой Карла X. На смену режима Луи-Филиппа с элементами демократии вновь приходит диктатура Наполеона III.

Неспособность буржуазии после Февральской революции создать диктатуру своего класса предопределила Октябрьскую революцию. Политическая слабость либеральной буржуазии нашла свое выражение в составе Временного правительства, в первую очередь в лице его главы Керенского – блестящего адвоката, но бездарного политика. То же самое относится и к другим буржуазным лидерам. Милюков, не смотря на свою широчайшую образованность, был начисто лишен политической интуиции (Пайпс 1994: 330).

Создается впечатление, что во время войны и Февральской революции этот класс российского общества играл роль «пятого колеса». Поэтому нет ничего удивительного, что во время Октябрьской революции и последующей гражданской войны весь клубок противоречий, накопившийся за предыдущий период и мешавший развитию российского социума, был ликвидирован путем упрощения его структуры.

В некоторых публикациях, посвященных событиям 1917 года, ругают «плохих» большевиков за то, что они разогнали Учредительное собрание. Мол, Россия могла пойти по демократическому пути. Как известно, в Собрании большинство досталось эсерам. Следует отметить, что эсеры ничего не смогли противопоставить большевикам ни после Октябрьской революции, ни во время Гражданской войны. Если все-таки теоретически предположить, что эсеры оказались у власти, то через небольшой промежуток времени они тоже бы разогнали новый парламент и установили свою диктатуру, в чем-то близкую у итальянскому фашизму.

Диктатура позволила Советскому государству провести индустриализацию и выстоять против фашистской Германии. Если бы в 1917 г. победила буржуазия, то Россия в своем развитии пошла бы по пути Польши. Что стало с этим государством через две недели после нападения на ее Германию – мы знаем из истории. Сталин, в отличие от Бухарина, отверг путь «ситцевой индустриализации» (Бурлацкий 2002: 176).

Можно вспомнить и более свежий пример, связанный с успешной индустриализацией в условиях диктатуры на Тайване, благодаря деятельности сына Чан Кайши – Цзян Цзинго. Поработав в 30-е годы на заводах Советского Союза и пройдя школу советских пятилеток, Цзян Цзинго, став президентом после смерти отца, успешно использовал весь свой опыт в деле строительства современной экономики Тайваня (Ларин 2000: 131).

Попытки либерализации власти в РП, как правило, порождали классические диктатуры. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру. Аналогичная ситуация имела место в Испании в 30-е годы.

РП характеризуется резким возрастанием внешнеполитической активности. Однако ее вектор часто носит неопределенный, часто авантюрный характер с элементами иллюзорности. В этом отношении можно сравнить Францию времен Первой и Второй империй (Желубовская 1956: 112-113) и уже в постреволюционный период, когда ее политика принимает последовательный и рациональный характер.

Подобного рода ситуация в СССР особенно проявила себя при Хрущеве в плане попыток построить социализм в странах третьего мира. Надо иметь в виду, что процесс развала Советского Союза начался с его знаменитого доклада на XX съезде партии. Свою лепту в этот процесс внесли Брежнев и Громыко после подписания Хельсинских соглашений.

Совершенно по-другому в аналогичной ситуации повел себя Китай. Мудрость руководства КПК, в первую очередь в лице Дэн Сяопина, заключалась в том, что они не пошли по пути Хрущева, полностью сохранив авторитет Мао Цзэдуна в партии и государстве. В свое время Дэн Сяопин укорял советское руководство за осуждение культа Сталина (Делюсин 2001: 11). Необходимо понимать, что Сталин и Мао Цзэдун в своей деятельности подчинялись законам существующей политиче-

ской системы. Если бы Черчилль оказался на их месте, он действовал точно таким же образом.

В России РП пришелся в основном на годы Советской власти. Соответственно, сформировался «советский» архетип политико-экономической системы как «фундамент», на котором сейчас строится «новый дом». Надстройка должна соответствовать базису. К тому же, данный архетип невозможно изменить волевым способом, не разрушив при этом государство. В Китае это поняли в 80-90-е годы, что и обусловило успешное развитие страны. В России в 90-е годы были предприняты попытки построить «новый дом» по западным лекалам. Это чуть не привело к распаду государства и необратимой деградации экономики.

На Украине ситуация оказалась намного сложнее. Сформировавшийся архетип «советского» характера был полностью проигнорирован и образовавшийся вакуум стал заполняться различными элементами и институтами этнической системы националистического типа. Вместо реального пространства, имеющего естественные законы, стало формироваться искусственное – иллюзорно-мифологического типа. Возник глубокий кризис национальной идентичности, вследствие попыток консолидации общества на основе поиска внешнего и внутреннего врага.

Кстати, относительная легкость перехода в исходное состояние в европейских странах социалистического лагеря была обусловлена тем, что архетипический «фундамент», сформировавшийся здесь к середине XX века, носил буржуазный характер. Интересная ситуация в свое время сложилась в Югославии. Если Хорватия и Словения (основные инициаторы распада федерации) ближе к СВГ, то Сербия – к СТГ. В Советском Союзе деструктивную роль сыграло население прибалтийских республик с их буржуазным менталитетом.

Только государства, где уже закончился РП, могли быть полноправными субъектами геополитического пространства. В свое время этим удачно пользовалась Англия. Начиная с XVIII столетия во всех коалиционных войнах в Европе конечным победителем оказывался «коварный Альбион». После окончания Первой мировой войны только три страны, покончившие в свое время с «революционными разборками», – Великобритания, Франция и США (являвшимися субъектами геополитического пространства) оказались реальными победителями.

В интересной ситуации оказался СССР. Став реально после войны сверхдержавой, Советский Союз, согласно законам РП (в котором он находился), не мог быть таковым. Для поддержания своего статуса стране приходилось тратить несоизмеримо большие ресурсы по сравнению с государствами, где РП уже закончился.

Окончание РП знаменует установлением определенного типа политической и экономической систем, гражданского общества и демократии в соответствии с цивилизационной спецификой данной страны. Например, в Турции, где РП закончился в 90-е годы, вышеперечисленные институты имеют исламскую составляющую, которая носит еще более выраженный характер в Иране. После окончания РП в Турции прекратились

военные перевороты. Следует обратить внимание на то, что демократия в этих странах в настоящее время по своим основным параметрам мало чем отличается от демократий западных стран. То же самое относится к России и Китаю.

Основной причиной международной напряженности в начале XXI в. стало то, что целый ряд крупных государств, в которых закончился РП (в первую очередь, Россия, Китай, Турция и Иран), став субъектами геополитического пространства, естественно стали претендовать на свою «законную» зону влияния. Это вызвало не совсем положительную реакцию со стороны западных стран. Сейчас идет передел геополитического пространства и зон влияния с одной стороны между старыми (западными странами) и новыми субъектами,

а с другой – между самими новыми субъектами геополитического пространства.

Еще в 2017 году в одной из своих статей автор обратил внимание на следующее: «Конфликт между Турцией и Россией был неизбежен, так как у них слишком много точек противоречий и на Ближнем Востоке и в Закавказье. Принципиальная разница в том, что если со своими «коллегами» по СТГ можно договориться (что и произошло у России с Турцией), найти общий язык, то с СПГ и СВГ (странами Запада) противоречия носят антагонистический характер. В первую очередь, это касается США. Американская элита всегда считала, что Россия (Советский Союз) должна существовать на условиях Запада» (Кондорский 2017: 683).

ЛИТЕРАТУРА

- Авербух 1965 - Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848-1849 гг. М.: Наука, 1965. 407 с.
- Авербух 1970 - Авербух Р.А. Революция в Австрии (1848-1949 гг.). М.: Наука, 1970. 246 с.
- Алиев 2004 - Алиев С.М. История Ирана. М.: Крафт, 2004. 844 с.
- Барг 1991 - Барг М.А. Великая Английская революция в портретах ее деятелей. М.: Мысль, 1991. 397 с.
- Барг, Никифоров 1977 - Барг М.А., Никифоров В.Н. Феодализм // Большая советская энциклопедия. Т. 27. М.: Советская энциклопедия, 1977. С. 283-288.
- Бачко 2006 - Бачко Б. Как выйти из террора. Термидор и революция. М.: Valtrus, 2006. 345 с.
- Берлев 1972 - Берлев О.Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. М.: Наука, 1972. 364 с.
- Блинов 1960 - Блинов А.И. Период революционной диктатуры радикальных республиканцев во время Реконструкции США (1866-1868 гг.). Красноярск: Издательство КГПИ, 1960. 342 с.
- Бурлацкий 2002 - Бурлацкий Ф.М. Мао Цзэдун, Цзян Цин и Советник Дэн. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. 378 с.
- Васильев 1982 - Васильев Л.С. Феномен власти-собственности // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М.: Наука, 1982. С. 60-99.
- Васильев 1983 - Васильев Л.С. Проблема генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983. 326 с.
- Васильев 1998 - Васильев К.Ф. Истоки китайской цивилизации. М.: Восточная литература, 1998. 318 с.
- Верт 2006 - Верт Н. История Советского государства. М.: Весь мир, 2006. 560 с.
- Владимирский 2014 - Владимирский А.В. Великий Ататюрк: «Отец народа», «Человек судьбы». М.: Яуза; Эксмо, 2014. 352 с.
- Гарсиа 1963 - Гарсиа Х. Диктатура Примо де Ривера. М.: Издательство АН СССР, 1963. 366 с.
- Гасратян, Орешкова, Петросян 1983 - Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М.: Наука, 1983. 294 с.
- Генифе 2003 - Генифе П. Политика революционного террора 1789-1794. М.: Едиториал, 2003. 319 с.
- Делюсин 2001 - Делюсин Л.П. Китай: полвека – две эпохи. М.: ИВ РАН, 2001. 294 с.
- Делюсин, Костяева 1985 - Делюсин Л.П., Костяева А.С. Революция 1925-1927 гг. в Китае: Проблемы и оценки. М.: Наука, 1985. 283 с.
- Европейские революции 2001 - Европейские революции 1948. «Принцип национальности» в политике и идеологии / Ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2001. 456 с.
- Желубовская 1956 - Желубовская Э.А. Крушение Второй империи и возникновение Третьей республики во Франции. М.: Издательство АН СССР, 1956. 508 с.
- Завалько 2005 - Завалько Г.А. Понятие «революция» в философии и общественных науках. М.: КомКнига, 2005. 320 с.
- Зырянов 1991 - Зырянов П.Н. Столыпин без легенд. М.: Знание, 1991. 64 с.
- История Японии 1998. Т. 1 - История Японии. Т. 1. С Древнейших времен до 1868 г. / Ред. А.Е. Жуков. М.: ИВ РАН, 1998. 659 с.
- История Японии 1998. Т. 2 - История Японии. Т. 2. 1868-1998 / Ред. А.Е. Жуков. М.: ИВ РАН, 1998. 703 с.
- Кабытов 1990 - Кабытов П.С. Русское крестьянство в начале XX века. Саратов: Издательство СарГУ, 1990. 146 с.
- Кареев 2009 - Кареев Н.И. Западноевропейская монархия XVI-XVIII веков. М.: ГПИБР, 2009. 462 с.
- Ковальская 1981 - Ковальская М.И. Италия в борьбе за национальную независимость и единство. М.: Наука, 1981. 272 с.
- Ковальченко 1991 - Ковальченко И.Д. Столыпинская реформа (мифы и реальность) // История СССР. 1991. № 2. С. 52-72.
- Кожокин 1985 - Кожокин Е.М. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до 1848 года. М.: Издательство МГУ, 1985. 238 с.

- Кожокин 1989а - Кожокин Е.М. Государство и народ: от Фронды до Великой Французской революции. М.: Наука, 1989. 176 с.
- Кожокин 1989б - Кожокин Е.М. Французская буржуазия на исходе старого порядка // Буржуазия и Великая французская революция. М.: Издательство МГУ, 1989. С. 15-50.
- Кондорский 2017 - Кондорский Б.М. Основные предпосылки и уроки революционных событий в России и Китае как странах третьей генерации // Общество и государство в Китае. Т. XLVII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2017. С. 668-688.
- Кондорский 2013 - Кондорский Б.М. Архаическая революция в древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. Т. XLIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2013. С. 16-28.
- Кондорский 2015 - Кондорский Б.М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 134-150.
- Кондорский 2020а - Кондорский Б.М. Использование теории революционного периода для глобального прогноза // VI Международный научный конгресс «Глобалистика 2020: Глобальные проблемы и будущее человечества». М.: МГУ ФГП, 2020. С. 402-406.
- Кондорский 2020б - Кондорский Б.М. Революционная концепция процесса исторического развития // VI Международный научный конгресс «Глобалистика 2020: Глобальные проблемы и будущее человечества». М.: МГУ ФГП, 2020. С. 566-571.
- Кондорский 2021б - Кондорский Б.М. Некоторые аспекты теории общественных систем // История и современность. 2021. № 4. С. 85-115.
- Кондорский 2021в - Кондорский Б.М. Россия как государство-ойкимена // Вестник ИвГУ. Серия Гуманитарные науки. 2021. № 3. С. 124-133.
- Кондорский 2021а - Кондорский Б.М. К вопросу истории государственности Украины // История и современность. 2021. № 1. С. 54-81.
- Кофанов 2006 - Кофанов Л.Л. Lex и jus: возникновение и развитие римского права в VIII-III вв. до н.э. М.: Статут, 2006. 370 с.
- Кропоткин 1979 - Кропоткин П.А. Великая Французская революция 1789-1793. М.: Наука, 1979. 575 с.
- Ларин 2000 - Ларин А.Г. Два президента, или путь Тайваня к демократии. М.: Академия, 2000. 194 с.
- Люблинская 1965 - Люблинская А.Д. Французский абсолютизм в первой половине XVII в. М.; Л.: Наука, 1965. 361 с.
- Люблинская 1982 - Люблинская А.Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630-1642 гг. Л.: Наука, 1982. 275 с.
- Малов 1991 - Малов В.Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М.: Наука, 1991. 238 с.
- Манфред 1983 - Манфред А.З. Великая французская революция. М.: Наука, 1983. 431 с.
- Мионов 2010 - Мионов Б.Н. Благополучие населения и революции в имперской России: XVIII – начале XX века. М.: Новый хронограф, 2010. 911 с.
- Непомнин 1998 - Непомнин О.Е. Директивно-распределительная система Гоминьдана и концепция «бюрократического капитала» // Общество и государство в Китае. Т. XXVIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 1998. С. 384-390.
- Непомнин, Меньшиков 1999 - Непомнин О.Е., Меньшиков В.Б. Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох. М.: Восточная литература, 1999. 333 с.
- Оловинцов 2018 - Оловинцов А. Статус Руси в XII-XVI веках. Тюрки или монголы? Иго или противостояние. М.: Алгоритм, 2018. 430 с.
- Ольштынский 2014 - Ольштынский Л.И. Советское общество. История строительства социализма в России. Кн. 1. М.: ИТРК, 2014. 184 с.
- Оппенгейм 1980 - Оппенгейм А. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М.: Наука, 1980. 407 с.
- Пайпс 1994 - Пайпс Р. Русская революция. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 1994. 399 с.
- Панцов 1985 - Панцов А.В. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20-40-х годов. М.: Наука, 1985. 116 с.
- Печатнова 2007 - Печатнова Л.Г. История Спарты периода архаики и классики. СПб.: Гуманитарная Академия, 2007. 507 с.
- Пименова 1986 - Пименова Л.А. Дворянство накануне Великой Французской революции. М.: Издательство МГУ, 1986. 213 с.
- Поршнев 1948 - Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623-1648). М.; Л.: Издательство АН СССР, 1948. 724 с.
- Потемкин 1971 - Потемкин Ф.А. Промышленная революция во Франции. Т. 1. М.: Наука, 1971. 454 с.
- Ревуненков 1989 - Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции 1789-1799. Л.: Издательство ЛГУ, 1989. 514 с.
- Ревякин 1988 - Ревякин А.В. Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX века // Французская революция XVIII века. Экономика, политика, идеология. М.: Наука, 1988. С. 246-267.
- Розалиев 1995 - Розалиев Ю.Н. Мустафа Кемаль Ататюрк. Очерки жизни и деятельности. М.: Восточная литература, 1995. 56 с.
- Рюде 1984 - Рюде Д. Народные низы в истории. 1730-1848. М.: Прогресс, 1984. 322 с.
- Собуль 1974 - Собуль А. Первая республика 1792-1804. М.: Прогресс, 1974. 392 с.
- Тютюкин, Шелохаев 1996 - Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Марксисты и русская революция. М.: РОССПЭН, 1996. 240 с.
- Удальцов 1947 - Удальцов И.И. К вопросу о революционном движении в Чехии в 1948 году // Вопросы истории. 1947. № 5. С. 23-47.
- Уткин 2001 - Уткин А.И. Первая мировая война. М.: Алгоритм, 2001. 592 с.
- Фролов 1988 - Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л.: Издательство ЛГУ, 1988. 230 с.

- Фроянов 1997 - Фроянов И.Я. Октябрь семнадцатого (взгляд из настоящего). СПб.: Издательство СПбГУ, 1997. 159 с.
- Ходоров, Павлович 1925 - Ходоров А.Е., Павлович М.П. Китай в борьбе за независимость. М.: Научная ассоциация востоковедов, 1925. 194 с.
- Хосбаум 1999 - Хосбаум Э. Век революции. Европа 1989-1848. Ростов: Феникс, 1999. 480 с.
- Чеканцева 1996 - Чеканцева З.А. Порядок и беспорядок. Протестующая толпа во Франции между Фрондой и Революцией. Новосибирск: Издательство НГПУ, 1996. 235 с.
- Черкасов 2012 - Черкасов П.П. Наполеон III – император французов // Новая и новейшая история. 2012. № 3. С. 197-216.
- Чудинов 2007 - Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007. 307 с.
- Шанин 1997 - Шанин Т. Революция как момент истины. М.: Весь Мир, 1997. 560 с.
- Шифман 1989 - Шифман И.Ш. Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III – первая половина I тыс. до н. э.) // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. М.: Наука, 1989. С. 53-85.
- Энгельгардт 1976 - Энгельгардт Р.Ю. Социально-экономическое положение Франции в конце XVII – начале XVIII в. Кишинев: Штиинца, 1976. 243 с.
- Ярхо 1963 - Ярхо В.Н. Проблема ответственности и внутренний мир гомеровского человека // Вестник древней истории. 1963. № 2. С. 46-64.

REFERENCES

- Aliev 2004 - Aliev S.M. Istoriya Irana [The History of Iran], Moscow, Kraft Publ., 2004, 844 p. [in Russian].
- Averbuh 1965 - Averbuh R.A. Revolyuciya i nacional'no-osvoboditel'naya bor'ba v Vengrii 1848-1849 gg. [The Revolution and the national liberation struggle in Hungary 1848-1849], Moscow, Nauka Publ., 1965, 407 p. [in Russian].
- Averbuh 1970 - Averbuh R.A. Revolyuciya v Avstrii (1848-1949 gg.) [The Revolution in Austria (1848-1949)], Moscow, Nauka Publ., 1970, 246 p. [in Russian].
- Bachko 2006 - Bachko B. Kak vyjti iz terrora. Termidor i revolyuciya [How to get out of terror. Thermidor and Revolution], Moscow, Baltrus Publ., 2006, 345 p. [in Russian].
- Barg 1991 - Barg M.A. Velikaya Anglijskaya revolyuciya v portretah ee deyatelej [The Great English Revolution in portraits of its figures], Moscow, Mysl' Publ., 1991, 397 p. [in Russian].
- Barg, Nikiforov 1977 - Barg M.A., Nikiforov V.N. Feodalizm [Feudalism], in: Bol'shaya sovetskaya enciklopediya [The Great Soviet Encyclopedia], Vol. 27, Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1977, pp. 283-288 [in Russian].
- Berlev 1972 - Berlev O.D. Trudovoe naselenie Egipta v epohu Srednego carstva [The working population of Egypt in the era of the Middle Kingdom], Moscow, Nauka Publ., 1972, 364 p. [in Russian].
- Blinov 1960 - Blinov A.I. Period revolyucionnoj diktatury radikal'nyh respublikancev vo vremya Rekonstrukcii SSHA (1866-1868 gg.) [The period of the revolutionary dictatorship of the radical Republicans during the Reconstruction of the United States (1866-1868)], Krasnoyarsk, Izdatel'stvo KGPI Publ., 1960, 342 p. [in Russian].
- Burlackij 2002 - Burlackij F.M. Mao Czedun, Czyan Cin i Sovetnik Den [Mao Zedong, Jiang Qing and Advisor Deng], Moscow, EKSMO-Press Publ., 2002, 378 p. [in Russian].
- Сhekanceva 1996 - Сhekanceva Z.A. Poryadok i besporyadok. Protestuyushchaya tolpa vo Francii mezhdru Fronдой i Revolyuciej [Order and disorder. A protesting crowd in France between the Fronde and the Revolution], Novosibirsk, Izdatel'stvo NGPU Publ., 1996, 235 p. [in Russian].
- СHerkasov 2012 - СHerkasov P.P. Napoleon III – imperator francuzov [Napoleon III – Emperor of the French], in: Novaya i novejschaya istoriya [New and recent history], 2012, № 3, pp. 197-216 [in Russian].
- СHudinov 2007 - СHudinov A.V. Francuzskaya revolyuciya: istoriya i mify [The French Revolution: History and Myths], Moscow, Nauka Publ., 2007, 307 p. [in Russian].
- Delyusin, Kostyaeva 1985 - Delyusin L.P., Kostyaeva A.S. Revolyuciya 1925-1927 gg. v Kitae: Problemy i ocenki [The Revolution of 1925-1927 in China: Problems and assessments], Moscow, Nauka Publ., 1985, 283 p. [in Russian].
- Engel'gardt 1976 - Engel'gardt R.YU. Social'no-ekonomicheskoe polozhenie Francii v konce XVII – nachale XVIII v. [The socio-economic situation of France in the late XVII – early XVIII centuries], Kishinev, SHTiincea Publ., 1976, 243 p. [in Russian].
- Evropejskie revolyucii 2001 - Evropejskie revolyucii 1948. «Princip nacional'nosti» v politike i ideologii / Red. S.M. Fal'kovich [The European Revolutions of 1948. "The principle of nationality" in politics and ideology / Editor S.M. Falkovich], Moscow, Indrik Publ., 2001, 456 p. [in Russian].
- Frolov 1988 - Frolov E.D. Rozhdenie grecheskogo polisa [The birth of the Greek Policy], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1988, 230 p. [in Russian].
- Froyanov 1997 - Froyanov I.YA. Oktyabr' semnadcatogo (vzglyad iz nastoyashchego) [October the seventeenth (a look from the present)], Saint-Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1997, 159 p. [in Russian].
- Garsia 1963 - Garsia H. Diktatura Primo de Rivera [The dictatorship of Primo de Rivera], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, 366 p. [in Russian].
- Gasratyan, Oreshkova, Petrosyan 1983 - Gasratyan M.A., Oreshkova S.F., Petrosyan YU.A. Ocherki istorii Turcii [Essays on the history of Turkey], Moscow, Nauka Publ., 1983, 294 p. [in Russian].
- Genife 2003 - Genife P. Politika revolyucionnogo terrora 1789-1794 [The policy of Revolutionary Terror 1789-1794], Moscow, Editorial Publ., 2003, 319 p. [in Russian].
- Hodorov, Pavlovich 1925 - Hodorov A.E., Pavlovich M.P. Kitaj v bor'be za nezavisimost' [China in the struggle for independence], Moscow, Nauchnaya associaciya vostokovedov Publ., 1925, 194 p. [in Russian].
- Hosbaum 1999 - Hosbaum E. Vek revolyucii. Evropa 1989-1848 [The Age of Revolution. Europe 1989-1848], Rostov, Feniks Publ., 1999, 480 p. [in Russian].

- Istoriya Yaponii 1998. T. 1 - Istoriya Yaponii. T. 1.** S Drevnejshih vremen do 1868 g. / Red. A.E. Zhukov [The history of Japan. Volume 1. From Ancient times to 1868 / Editor A.E. Zhukov], Moscow, IV RAN Publ., 1998, 659 p. [in Russian].
- Istoriya Yaponii 1998. T. 2 - Istoriya Yaponii. T. 2.** 1868-1998 / Red. A.E. Zhukov [The history of Japan. Volume 2. 1868-1998 / Editor A.E. Zhukov], Moscow, IV RAN Publ., 1998, 703 p. [in Russian].
- Kabytov 1990 - Kabytov P.S.** Russkoe krest'yanstvo v nachale XX veka [The Russian peasantry at the beginning of the XX century], Saratov, Izdatel'stvo SarGU Publ., 1990, 146 p. [in Russian].
- Kareev 2009 - Kareev N.I.** Zapadnoevropejskaya monarhiya XVI-XVIII vekov [The Western European monarchy of the XVI-XVIII centuries], Moscow, GPIBR Publ., 2009, 462 p. [in Russian].
- Kofanov 2006 - Kofanov L.L.** Lex i jus: voznikovenie i razvitie rimskogo prava v VIII-III vv. do n.e. [Lex and jus: the emergence and development of Roman law in the VIII-III centuries BC.], Moscow, Statut Publ., 2006, 370 p. [in Russian].
- Kondorskij 2017 - Kondorskij B.M.** Osnovnye predposylki i uroki revolyucionnyh sobytij v Rossii i Kitae kak stranah tret'ej generacii [The main prerequisites and lessons of the revolutionary events in Russia and China as third generation countries], in: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], Vol. XLVII, Part 2, Moscow, IV RAN Publ., 2017, pp. 668-688 [in Russian].
- Kondorskij 2013 - Kondorskij B.M.** Arhaicheskaya revolyuciya v drevnem Kitae (popytka sravnitel'no-istoricheskogo analiza) [The Archaic Revolution in Ancient China (an attempt at comparative historical analysis)], in: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], Vol. XLIII, Part 2, Moscow, IV RAN Publ., 2013, pp. 16-28 [in Russian].
- Kondorskij 2015 - Kondorskij B.M.** Revolyucionnyj period v Kitae [The Revolutionary Period in China], in: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], Vol. XLV, Part 1, Moscow, IV RAN Publ., 2015, pp. 134-150 [in Russian].
- Kondorskij 2020a - Kondorskij B.M.** Ispolzovanie teorii revolyucionnogo perioda dlya global'nogo prognoza [Using the theory of the revolutionary period for global forecasting], in: VI Mezhdunarodnyj nauchnyj kongress «Globalistika 2020: Global'nye problemy i budushchee chelovechestva» [VI International Scientific Congress "Globalistics 2020: Global Problems and the Future of mankind"], Moscow, MGU FGP Publ., 2020, pp. 402-406 [in Russian].
- Kondorskij 2020b - Kondorskij B.M.** Revolyucionnaya koncepciya processa istoricheskogo razvitiya [A revolutionary concept of the process of historical development], in: VI Mezhdunarodnyj nauchnyj kongress «Globalistika 2020: Global'nye problemy i budushchee chelovechestva» [VI International Scientific Congress "Globalistics 2020: Global Problems and the Future of mankind"], Moscow, MGU FGP Publ., 2020, pp. 566-571 [in Russian].
- Kondorskij 2021b - Kondorskij B.M.** Nekotorye aspekty teorii obshchestvennyh sistem [Some aspects of the theory of social systems], in: Istoriya i sovremennost' [History and modernity], 2021, № 4, pp. 85-115 [in Russian].
- Kondorskij 2021v - Kondorskij B.M.** Rossiya kak gosudarstvo-ojcumena [Russia as an ecumenical state], in: Vestnik IvGU. Seriya Gumanitarnye nauki [Bulletin of the IvSU. Ser. Humanities], 2021, № 3, pp. 124-133 [in Russian].
- Kondorskij 2021a - Kondorskij B.M.** K voprosu istorii gosudarstvennosti Ukrainy [On the issue of the history of statehood of Ukraine], in: Istoriya i sovremennost' [History and modernity], 2021, № 1, pp. 54-81 [in Russian].
- Koval'chenko 1991 - Koval'chenko I.D.** Stolypinskaya reforma (mify i real'nost') [Stolypin Reform (myths and reality)], in: Istoriya SSSR [The history of the USSR], 1991, № 2, pp. 52-72 [in Russian].
- Koval'skaya 1981 - Koval'skaya M.I.** Italiya v bor'be za nacional'nyu nezavisimost' i edinstvo [Italy in the struggle for national independence and unity], Moscow, Nauka Publ., 1981, 272 p. [in Russian].
- Kozhokin 1989a - Kozhokin E.M.** Gosudarstvo i narod: ot Frondy do Velikoj Francuzskoj revolyucii [The State and the People: from the Fronde to the Great French Revolution], Moscow, Nauka Publ., 1989, 176 p. [in Russian].
- Kozhokin 1989b - Kozhokin E.M.** Francuzskaya burzhuaziya na iskhode starogo poryadka [The French bourgeoisie is at the end of the old order], in: Burzhuaziya i Velikaya francuzskaya revolyuciya [The Bourgeoisie and the Great French Revolution], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1989, pp. 15-50 [in Russian].
- Kropotkin 1979 - Kropotkin P.A.** Velikaya Francuzskaya revolyuciya 1789-1793 [The Great French Revolution of 1789-1793], Moscow, Nauka Publ., 1979, 575 p. [in Russian].
- Lyublinskaya 1965 - Lyublinskaya A.D.** Francuzskij absolyutizm v pervoj polovine XVII v. [French absolutism in the first half of the XVII century], Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965, 361 p. [in Russian].
- Lyublinskaya 1982 - Lyublinskaya A.D.** Franciya pri Rishel'e. Francuzskij absolyutizm v 1630-1642 gg. [France under Richelieu. French absolutism in 1630-1642], Leningrad, Nauka Publ., 1982, 275 p. [in Russian].
- Malov 1991 - Malov V.N.** Zh.-B. Kol'ber. Absolyutistskaya byurokratiya i francuzskoe obshchestvo [J.-B. Colbert. The Absolutist bureaucracy and French society], Moscow, Nauka Publ., 1991, 238 p. [in Russian].
- Manfred 1983 - Manfred A.Z.** Velikaya francuzskaya revolyuciya [The Great French Revolution], Moscow, Nauka Publ., 1983, 431 p. [in Russian].
- Mironov 2010 - Mironov B.N.** Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii: XVIII – nachale XX veka [The welfare of the population and the Revolution in Imperial Russia: XVIII – early XX century], Moscow, Novyj khronograf Publ., 2010, 911 p. [in Russian].
- Nepomnin 1998 - Nepomnin O.E.** Direktivno-raspredelitel'naya sistema Gomin'dana i koncepciya «byurokraticheskogo kapitala» [The Kuomintang's directive and distribution system and the concept of "bureaucratic capital"], in: Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae [Society and the State in China], Vol. XXVIII, Part 2, Moscow, IV RAN Publ., 1998, pp. 384-390 [in Russian].
- Nepomnin, Men'shikov 1999 - Nepomnin O.E., Men'shikov V.B.** Sintez v perekhodnom obshchestve: Kitaj na grani epoch [Synthesis in a transitional society: China on the brink of epochs], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1999, 333 p. [in Russian].
- Olovincov 2018 - Olovincov A.** Status Rusi v XII-XVI vekah. Tyurki ili mongoly? Igo ili protivostoyanie [The status of Russia in the XII-XVI centuries. Turks or Mongols? Yoke or confrontation], Moscow, Algoritm Publ., 2018, 430 p. [in Russian].
- Ol'shtynskij 2014 - Ol'shtynskij L.I.** Sovetskoe obshchestvo. Istoriya stroitel'stva socializma v Rossii [Soviet society. The history of the construction of socialism in Russia], Vol. 1, Moscow, ITRK Publ., 2014, 184 p. [in Russian].
- Oppenhejm 1980 - Oppenheim A.** Drevnyaya Mesopotamiya. Portret pogibshej civilizacii [Ancient Mesopotamia. Portrait of a lost civilization], Moscow, Nauka Publ., 1980, 407 p. [in Russian].

- Pajps 1994** - Pajps R. Russkaya revolyuciya [The Russian Revolution], Vol. 1, Moscow, ROSSPEN Publ., 1994, 399 p. [in Russian].
- Pancov 1985** - Pancov A.V. Iz istorii idejnoj bor'by v kitajskom revolyucionnom dvizhenii 20-40-h godov [From the history of the ideological struggle in the Chinese Revolutionary movement of the 20-40s], Moscow, Nauka Publ., 1985, 116 p. [in Russian].
- Pechatnova 2007** - Pechatnova L.G. Istoriya Sparty perioda arhaiki i klassiki [The history of Sparta during the Archaic and Classical periods], Saint-Petersburg, Gumanitarnaya Akademiya Publ., 2007, 507 p. [in Russian].
- Pimenova 1986** - Pimenova L.A. Dvoryanstvo nakanune Velikoj Francuzskoj revolyucii [The nobility on the eve of the Great French Revolution], Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1986, 213 p. [in Russian].
- Porshnev 1948** - Porshnev B.F. Narodnye vosstaniya vo Francii pered Fron DOJ (1623-1648) [Popular uprisings in France before the Fronde (1623-1648)], Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1948, 724 p. [in Russian].
- Potemkin 1971** - Potemkin F.A. Promyshlennaya revolyuciya vo Francii [The Industrial Revolution in France], Vol. 1, Moscow, Nauka Publ., 1971, 454 p. [in Russian].
- Revunenkov 1989** - Revunenkov V.G. Ocherki po istorii Velikoj francuzskoj revolyucii 1789-1799 [Essays on the history of the Great French Revolution 1789-1799], Leningrad, Izdatel'stvo LGU Publ., 1989, 514 p. [in Russian].
- Revyakin 1988** - Revyakin A.V. Revolyuciya i ekonomicheskoe razvitiye Francii v pervoj polovine XIX veka [The Revolution and economic development of France in the first half of the 19th century], in: Francuzskaya revolyuciya XVIII veka. Ekonomika, politika, ideologiya [The French Revolution of the XVIII century. Economics, politics, ideology], Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 246-267 [in Russian].
- Rozaliev 1995** - Rozaliev YU.N. Mustafa Kemal' Ataturk. Ocherki zhizni i deyatel'nosti [Mustafa Kemal Ataturk. Essays on life and work], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1995, 56 p. [in Russian].
- Ryude 1984** - Ryude D. Narodnye nize v istorii. 1730-1848 [The people's grassroots in history. 1730-1848], Moscow, Progress Publ., 1984, 322 p. [in Russian].
- SHanin 1997** - SHanin T. Revolyuciya kak moment istiny [Revolution as a moment of truth], Moscow, Ves' Mir Publ., 1997, 560 p. [in Russian].
- SHifman 1989** - SHifman I.SH. Gosudarstvo v sisteme social'nyh institutov v drevnej Palestine (vtoraya polovina III – pervaya polovina I tys. do n. e.) [The state in the system of social institutions in ancient Palestine (the second half of the III – first half of the I millennium BC)], in: Gosudarstvo i social'nye struktury na drevnem Vostoke [The State and social structures in the Ancient East], Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 53-85 [in Russian].
- Sobul' 1974** - Sobul' A. Pervaya respublika 1792-1804 [Marxists and the Russian Revolution], Moscow, Progress Publ., 1974, 392 p. [in Russian].
- Tyutyukin, SHelohaev 1996** - Tyutyukin S.V., SHelohaev V.V. Marksisty i russkaya revolyuciya [The First Republic 1792-1804], Moscow, ROSSPEN Publ., 1996, 240 p. [in Russian].
- Udal'cov 1947** - Udal'cov I.I. K voprosu o revolyucionnom dvizhenii v CHEkhii v 1948 godu [On the question of the revolutionary movement in the Czech Republic in 1948], in: Voprosy istorii [History issues], 1947, № 5, pp. 23-47 [in Russian].
- Utkin 2001** - Utkin A.I. Pervaya mirovaya vojna [The First World War], Moscow, Algoritm Publ., 2001, 592 p. [in Russian].
- Vasil'ev 1982** - Vasil'ev L.S. Fenomen vlasti-sobstvennosti [The phenomenon of power-ownership], in: Tipy obshchestvennyh otoshenij na Vostoke v srednie veka [Types of social relations in the East in the Middle Ages], Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 60-99 [in Russian].
- Vasil'ev 1983** - Vasil'ev L.S. Problema genezisa kitajskogo gosudarstva [The problem of the genesis of the Chinese State], Moscow, Nauka Publ., 1983, 326 p. [in Russian].
- Vasil'ev 1998** - Vasil'ev K.F. Istoki kitajskoj civilizacii [The Origins of Chinese Civilization], Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 1998, 318 p. [in Russian].
- Vert 2006** - Vert N. Istoriya Sovetskogo gosudarstva [The history of the Soviet State], Moscow, Ves' mir Publ., 2006, 560 s. [in Russian].
- Vladimirskij 2014** - Vladimirskij A.V. Velikij Ataturk: «Otec naroda», «CHElovek sud'by» [The Great Ataturk: "Father of the people", "Man of Destiny"], Moscow, YAuz Publ.; Eksmo Publ., 2014, 352 p. [in Russian].
- YArho 1963** - YArho V.N. Problema otvetstvennosti i vnutrennij mir gomerovskogo cheloveka [The problem of responsibility and the inner world of the Homeric man], in: Vestnik drevnej istorii [Bulletin of Ancient History], 1963, № 2, pp. 46-64 [in Russian].
- Zaval'ko 2005** - Zaval'ko G.A. Ponyatie «revolyuciya» v filosofii i obshchestvennyh naukah [The concept of "revolution" in philosophy and social sciences], Moscow, KomKniga Publ., 2005, 320 p. [in Russian].
- ZHelubovskaya 1956** - ZHelubovskaya E.A. Krushenie Vtoroj imperii i vzniknovenie Tret'ej respubliki vo Francii [The collapse of the Second Empire and the emergence of the Third Republic in France], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1956, 508 p. [in Russian].
- Zyryanov 1991** - Zyryanov P.N. Stolypin bez legend [Stolypin without legends], Moscow, Znanie Publ., 1991, 64 p. [in Russian].

Кондорский Борис Михайлович

– Независимый исследователь (Донецк, Россия).

Boris Kondorsky

– Independent researcher (Donetsk, Russia).

bmkbbox@mail.ru

МОТИВАЦИЯ В МУЗЕЙНОМ ДЕЛЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ 1945-1991 ГОДОВ

Д.В. Желтоухова

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
Россия, 443086, г. Самара, ул. Московское шоссе, д. 34
e-mail: dina-pomelova@mail.ru
Researcher ID: T-1452-2017
<http://orcid.org/0000-0002-8625-0806>
SPIN-код: 8240-3300

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

На основе биографического анализа в статье анализируется мотивация руководителей краеведческих музеев Среднего Поволжья 1945-1991 годов. Показаны основные достижения в музейной практике. Для анализа были выбраны влиятельные деятели культуры и директора краеведческих музеев Среднего Поволжья, которые внесли вклад в развитие музейного дела и оставили литературные или научные свидетельства своей деятельности. Анализ проведен на примере основных краеведческих музеев Казани, Ульяновска и Пензы. В частности предпринята попытка выделить основные нарративы общности советских людей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: краеведческие музеи, руководители музеев, литературное и научное наследие, музейное послевоенное возрождение, Национальный музей Республики Татарстан, Ульяновский областной краеведческий музей, Пензенский государственный краеведческий музей, нарратив, ментальные скрепы, мотивация.

MOTIVATION IN THE MUSEUM BUSINESS OF THE MIDDLE VOLGA REGION 1945-1991

Dina Zheltoukhova

Samara National Research University
Russia, 443086, Samara, Moskovskoye shosse, 34
e-mail: dina-pomelova@mail.ru

ABSTRACT

Based on the biographical analysis, the article analyzes the motivation of the heads of local history museums of the Middle Volga region in 1945-1991. The main achievements in museum practice are shown. Influential cultural figures and directors of local history museums of the Middle Volga region, who contributed to the development of museum business and left literary or scientific evidence of their activities, were selected for the analysis. The analysis is carried out on the example of the main local history museums of Kazan, Ulyanovsk and Penza. In particular, an attempt is made to identify the main narratives of the community of Soviet people.

KEYWORDS: local history museums, museum managers, literary and scientific heritage, museum post-war revival, National Museum of the Republic of Tatarstan, Ulyanovsk Regional Museum of Local Lore, Penza State Museum of Local Lore, narrative, mental bonds, motivation.

Середина XX века стала непростым этапом в жизни советских граждан. После войны людей из всех слоев общества советская власть призывала к позитивным действиям по строительству мирного быта. В Среднем Поволжье, как и в других регионах страны, были известные в музейной сфере личности, которых можно назвать активистами в деле изучения местной истории. Благодаря их энергии и энтузиазму происходили качественные изменения в музейном строительстве и музейной работе. Их вклад сыграл ключевую роль в росте

популярности местных музеев. На основе биографического анализа в параграфе исследуется деятельность частных коллекционеров, руководителей и сотрудников краеведческих музеев Среднего Поволжья 1945-1991 годов. Особое внимание уделено мотивам и идеологическим установкам кадрового состава краеведческих музеев. Почему человек не просто выполнял свою работу, а подходил к ней с энтузиазмом и вдохновением? Какие нарративы позволяли вдохновлять коллег и подчиненных?

Представители музейного сообщества оставили после себя большое научное и автобиографическое наследие. Многие научные статьи и воспоминания посвящены периоду возрождения и становления музейной сети второй половины XX века (Дьяконов 1963; 2006; Мясников 1986; 2008; Валкин 2001; 2010; Валеева 2005).

«ДВИГАТЕЛИ» МУЗЕЙНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Отметим, что после Великой Отечественной войны были предприняты попытки возродить краеведение по всему СССР: в октябре 1946 года по решению Совета Министров Татарской Республики при Национальном музее Татарской Республики было создано краеведческое общество «Татарстан»; в 1946-1947 годах в десяти районах Татарской Республики были открыты отделения, образовавшие сеть филиалов. В октябре 1947 года, в связи с 30-летием Октябрьской революции, состоялась научная краеведческая конференция. Такая же конференция прошла в городах Бугульма и Чистополь; в ее работе приняли участие ученые-краеведы В.И. Баранов, Н.И. Воловьев, В.М. Голохов, Г.Х. Гимади, композитор Н.Г. Жиганов и другие. В это же время было создано объединение юных краеведов «Волга» для популяризации краеведения среди школьников (Синицына 2002: 156). Такими процессами характеризуются музеи Второй волны (по теории Э. Тоффлера). Этому периода характерна стандартизация систем и подъем энтузиазма в обществе (Тоффлер 1999: 104-106).

Отметим, что советской властью полностью было координировано музейное возрождение второй половины XX века. После XX съезда Коммунистической партии СССР в 1956 году повышается интерес к краеведению, а точнее сказать, он обусловлен решениями партии. В стране стали возникать различные краеведческие организации и объединения, в том числе клубы краеведов, «Путеводители красных дорог», клубы ветеранов революции, Гражданской и Великой Отечественной войн. Так, по инициативе учителя С.Х. Ахметшина был открыт музей истории села Елхово; в 1966 году было создано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, главной задачей которого стало содействие государству в изучении, охране и популяризации памятников всех видов (Синицына 2002: 157). Впоследствии этот период был подробно проанализирован преподавателями Казанского педагогического института Е.Г. Бушканцом, К.Р. Синициной, Научной библиотеки Казанского государственного университета В.В. Аристовым, Н.В. Ермолаевой и другими¹.

В Татарской АССР музейное возрождение было выражено ярко. Осталось много трудов и воспоминаний руководства государственного музея о проделанной работе и с впечатлениями от внутренней составляющей музейного строительства. С 1950-х гг. плодотворным и быстро развивающимся направлением стало формирование коллекций, представляющих историю татарской духовной культуры, литературы и искусства, чем обусловлено значение нового музея, созданного в ре-

спублике по поручению правительства сотрудниками Национального союзного музея ТАССР во главе с Л.Г. Валеевой. Формировались личные коллекции видных деятелей татарской культуры Габдуллы Тукая, Мусы Джалиля, Салика Сайдашева, Наджиба Зиганова и других деятелей культуры (Синицына 2002: 160).

После окончания войны стала очевидной необходимость восстановления довоенной экспозиции в Национальном музее Республики Татарстан: в 1949-1950 годах был создан новый раздел о советском периоде и природе, открыт литературный раздел, посвященный татарскому писателю Шарифу Камалу; в 1952 году – был создан большой раздел «Социалистическая экономика и культурное строительство в Татарстане». Британские гаубицы, вывезенные казанскими рабочими из Белой Шефы, оружие красновардейцев времен Октябрьской революции, первый трактор «Фордзон Петиловец», поэты Хади Тахташ, Муса Джалиль, композитор Салик Сайдашев, ученые Ф. Самойлов, А. Вишневский, В. Чердынцев и другие коллекции уникальных материалов и артефактов стали «золотыми» находками музейных работников того времени (Суслов 2021: 433-437).

Благодаря всем усовершенствованиям стационарная экспозиция приобрела качественно иной характер, а ее приоритеты кардинально изменились. С 1950-х годов Национальный музей Республики Татарстан стал ведущим музейным центром, обращенный к запросам посетителей, живущим не только прошлым, но и настоящим (Суслов 2021: 433-437).

Во многом помимо краеведческой работы на музеи возлагались и задачи воспитания и идеологической пропаганды. Этот процесс начался с первой половины 1960-х гг. с издания Постановления ЦК КПСС от 9 января 1960 г. «О задачах партийной пропаганды в современных условиях», которое поставило задачу улучшения работы культурно-просветительных учреждений, в том числе и музеев, чтобы они стали «подлинными центрами агитационно-пропагандистской работы» и «своими специфическими приемами умело и доходчиво пропагандировали коммунистическую идеологию, помогая воспитанию нового человека» (КПСС в резолюциях 1972). Таким же образом, июньский пленум (1963 г.) ЦК КПСС «Об очередных задачах идеологической работы партии» указывал на важность усиления внимания к «деятельности культурно-просветительных учреждений – опорных пунктов воспитательной работы партийных организаций» (КПСС в резолюциях 1972). На расширенных заседаниях комиссии в ноябре 1963 г. и января 1964 г. указывалось на серьезные недостатки в деле организации музеев и руководстве ими со стороны органов культуры, на недостаточно рациональное распределение музеев по ведомствам в плане их подчиненности. Что, по мнению партии, приводило к разобщенности музеев, затрудняло работу по обмену методическим опытом, вызывало распыление и дублирование экспонатов. Поэтому наметилась необходимость в их ведомственной подчиненности и объединения по профилям (КПСС в резолюциях 1972: 154).

В 1966-1980-е годы в Татарской АССР появились новые музеи, возникали новые формы массовой, научно-про-

1 Национальный музей Республики Татарстан / Электронный ресурс: <http://www.museum.ru/m1299> (Дата обращения - 17.04.2024).

светительской работы, участие ветеранов партии, войн, труда. Росла посещаемость, вызванная во многом празднованием 50-летия и 60-летия образования ТАССР. Работа по привлечению людей в музеи стала более целенаправленной и активной. Большое значение в этом имело предпринятое НИИ культуры РСФСР социологических исследований «Музей и посетитель» (Музей и посетитель 1976; Музей и посетитель 1978).

Научные сотрудники музея помогали своим коллегам в других городах Татарстана. Так, в 1972 году был открыт музей города Набережные Челны и музей КАМАЗа².

Значимой фигурой в деятельности Национального музея ТАССР музея стал Владимир Михайлович Дьяконов. Он стал директором в 1941 году и оставался руководителем до 1978 года. По воспоминаниям коллег, Владимир Михайлович был человеком решительным, уважающим себя и всегда верным своему делу. На его трудовом пути возникали тяжелые обстоятельства, которые он преодолевал. Им написано несколько мемуаров, осталось много научного наследия (Дьяконов 2006: 125).

Говоря об особенностях музейной работы, Владимир Дьяконов говорил о своих коллегах: «Нам нужны люди беспокойные, неугомонные, остро мыслящие, исследующие, умеющие увлекаться и очаровываться чужим трудом. Люди, «ушибленные» своим делом». Владимир Михайлович Дьяконов начал с карьеры журналиста, освоил все тонкости музейной теории и практики, и именно на музейном поприще лучше всего проявил свой незаурядный талант, творческое чутье и организаторские способности. Он начал работать в Национальном музее Татарской АССР с 1947 года, сначала как научный сотрудник отдела финансирования, а через год его назначили заведующим отделом истории советского периода (Валеева 2005: 265).

Владимир Михайлович в своих воспоминаниях часто говорил о том, что важно не просто выполнять свою работу на должности, а быть примером для других. Человеком, который является лидером в деле объединения людей. На наш взгляд, вклад личности в историю заключается именно в том, чтобы быть человеком, способным взять ответственность за происходящие вокруг него события, а главное, который может вдохновлять себя и воодушевлять других. Обратимся к личности не менее активного и глубоко радеющего за музейный труд директора Люции Галеевны Валеевны.

За время работы на посту директора Государственного объединенного музея Республики Татарстан (1982-1987 гг.) Л.Г. Валеева стала признанным профессионалом музейного дела, внесшим значительный вклад в развитие музея. Благодаря своим организаторским способностям и практическому опыту Л.Г. Валеева нашла оптимальный подход к решению насущных проблем не только основного здания музея, но и его филиалов.

Люция Галеевна создала принципиально новый тип музея – многопрофильный объединенный музей, в который входили музеи системы Министерства культуры Республики Татарстан. Под руководством Л.Г. Валеевой были воссозданы краеведческие музеи: в Чистополе, Бугульме, Техушаве, Куйбышеве, музей А.М. Горького в Казани (Лоренц 2002: 174-177). Были созданы новые музеи: музей М. Джалиля, музей Ш. Камала, музей Я. Купалы. Музей Купалы в селе Печищи, Музей народного творчества и этнографии в Зеленодольске, Музей нефтехимии в Нижнекамске, Музей Надежды Дуровой в Елабуге, Музей Салиха Сайдашева в Ибре (Гущина 1997: 88-90). Особый статус и значение приобрели два музея в Арском районе Республики Татарстан – Мемориальный музей тукайской литературы в Новом Килрае и музей Тукая Габдуллы в селе Кошраучи, Музей тукайской литературы в Казани (Краева 1995: 5). Штаб-квартира музея стала научно-методическим центром для всех музеев республики.

Благодаря воле и настойчивости Люции Галеевны впервые в истории Главного музея была проведена полная сверка музейных коллекций и учетных документов (1978-1984гг.); в 1980 году под руководством Валеевой была организована выставка «Достижения и перспективы развития ТАССР». В 1982 году она экспонировалась на международной выставке в Лейпциге (Германская Демократическая Республика); в 1982 году участвовала в национальной экспозиции СССР в Мехико; в 1985 году участвовала с коллекцией в национальной экспозиции СССР в Дюссельдорфе. В 1984 году музей Республики Татарстана за высокие достижения в культуре по итогам музейных смотров был награжден Красным знаменем Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры за высокие достижения в культурном шефстве над селом. Национальный музей вышел на новый уровень развития после проведения в Казани Всероссийского форума музейных работников «Взаимодействие музеев с научными и высшими учебными заведениями» (1982) и «Всесоюзного семинар-совещание Министерства культуры СССР» (Гущина 1997: 88-90).

В период директорства Л.Г. Валеевой Татарский государственный музей своими коллекциями, экспозициями и своей работой сумел выполнить поставленные задачи и успешно влиял на историческое воспитание советского населения. В этот период Л.Г. Валеева активно участвовала в общественной деятельности, представляла Республику в Министерстве культуры, как член научно-методического совета по работе с музеями, член коллегии Министерства культуры ТАССР. Под руководством Л.Г. Валеевой ленинградскими специалистами и Казанским архитектурно-планировочного управления Казани был разработан проект реконструкции центрального музейного комплекса Казани. Проект был одобрен Казанским градостроительным советом (Лоренц 2002: 174-177).

В Татарстане музеи объединялись в один ключевой центр. Таким центром стал многопрофильный объединенный музей. Во второй половине XX века Национальный музей Татарстана является важным центром культурного и исторического влияния. Следствием этих

2 Музей КАМАЗА: как строили автогигант и город на Каме. Из блога директора Музея истории КАМАЗа А. Чухонцева // Общественно-политическое издание «Татарстан» / Электронный ресурс: <https://protatarstan.ru/news/dobroe/muzey-kamaza-kak-stroili-avtogigant-na-kame> (Дата обращения - 17.04.2024).

процессов является формирование и создание в 1994 году музея-заповедника «Казанский Кремль», который является хоть и поздним, но ярким воплощением принципа концентрации, так как представляет полностью сформированный культурный ландшафт, сосредотачивающий ряд объектов в едином пространстве (Антипова 2022: 83; Калущков, Матасов, Шульгин 2015: 97-108).

Далее, обратимся, к примеру, яркой личности в музейной сфере Ульяновской области второй половины XX века. Рассмотрим деятельность Марка Харитоновича Валкина. В сентябре 1950 года по приглашению Ульяновского областного управления культуры и просвещения Марк Харитонович переехал в Ульяновск на должность директора краеведческого музея. С именем Марка Харитоновича Валкина связано послевоенное возрождение краеведческого музея и превращение его в ведущее научно – образовательное и научно-исследовательское учреждение Ульяновской области. По его инициативе был создан ученый совет, в который вошли видные ученые и краеведы, а с 1953 года музей издает сборник «Краеведческие записки». Марк Харитонович был автором многих научных работ по истории края и редактором собрания сочинений (Валкин 2010: 109).

Выдающимся вкладом М.К. Валкина в краеведение стало открытие имен отца и сына Бутурлиных (революционера-народника Александра Сергеевича и ученого Сергея Александровича). В музее есть мемориальная комната С.А. Бутурлина, а с 2002 года проводятся научные Бутурлинские чтения³.

В 1960-1970 годах музей стал организационным центром по координации деятельности общественных (ныне негосударственных) музеев в области; в 1970-1980 гг. под руководством Марка Харитоновича была создана сеть филиалов Ульяновского областного краеведческого музея и РСДРП (1904 г. Симбирская группа в РСДРП (1904-1906 гг.), «Народное образование в Симбирском крае в 70-80-е годы XIX в.», «Димитровградский областной фольклорный музей» (Валкин 2010: 116).

Важнейшей работой Марка Харитоновича стало создание единственного в мире музея, посвященного жизни и творчеству великого русского писателя из Симбирска И.А. Гончарова, который открылся в июне 1982 года на части первого этажа Дома Гончарова; через 30 лет музей стал целым трех этажным зданием, а в июне 2012 года был открыт Историко-мемориальный центр И.А. Гончарова – Историко-мемориальный центр и музей, открытие которого было приурочено к двухсотлетию со дня рождения И.А. Гончарова. Его основу заложили разработки и исследования, начатые при Марке Харитоновиче (Валкин 2001: 136).

Марк Харитонович в должности директора Ульяновского областного краеведческого музея имени И.А. Гончарова работал с 1950 по 1982 год⁴.

Объединение и укрупнение музеев происходило и в Ульяновской области. В 1984 году был создан му-

зей-заповедник «Родина В.И. Ленина». Большой вклад в создание и развитие этого музейного комплекса внес Александр Николаевич Зубов, руководивший им с 1988 по 2012 год⁵.

Александр Николаевич также был талантливым управленцем, не просто директором, а видным общественным деятелем, боролся за неповторимый облик центральной части города. На сохранение традиционного вида исторического центра были направлены усилия этого директора. Интересными нам кажутся несколько высказываний Александра Николаевича о своей работе: «...Мое личное кредо можно обозначить несколькими словами: “Честно каждый день делай свою работу”. Стараюсь не забывать гоголевского персонажа Хому Брута из повести “Вий”. Всем нам нужно не выходить “за круг”, молиться, молиться... и не предавать свое дело» и «...Воспитывать надо только через культуру. Нужно читать хорошие книжки и обязательно ходить в музеи, чтобы знать историю. Это и рождает трепетное чувство к своему краю. Без патриотизма мы все потеряем. За олигархов сейчас под танки не пойдут. Пойдут только за Родину, если только будет к ней любовь. ... Патриота видно, когда он не говорит, а делает». На наш взгляд, именно такой подход является ключевым и показательным в советском менталитете. Именно в этом синтезе патриотизма, направленного на хорошие дела, чтении «хороших» книг и беззаветной любви к своему делу заключается основной нарратив советского общества. Эти идеи очень показательны в «Балладе о борьбе» Владимира Высоцкого, который являлся «голосом» советского человека и в чьих стихах и песнях нашли отражение нарративы и ментальные установки советских граждан⁶.

Схожие процессы во второй половине XX века стали происходить и в Пензенской области. В середине 1950-х годов началось оживление музейной жизни. В Пензенский краеведческий музей стали приходить новые сотрудники, возрождается интерес к истории края, создавались новые экспозиции (директор А.А. Магдеев, М.Р. Полесских, заслуженный работник культуры Ю.И. Суворова, А.Р. Раджуweit). В 1959 году на базе Пензенского краеведческого музея (ПКМ) был проведен семинар краеведческих музеев РСФСР⁷.

В 1960-1980-х годах в Пензенской области активное развитие Музейного дела связано с именем Георга Васильевича Мясникова. Георг Васильевич Мясников – советский партийный, государственный и обществен-

5 Официальный сайт музея-заповедника «Родина В.И. Ленина». Дирекция / Электронный ресурс: <https://ulzapovednik.ru/> (Дата обращения - 21.07.2024).

6 «Если путь прорубая отцовским мечом,

Ты солёные слёзы на ус намотал,

Если в жарком бою испытал что почём, –

Значит, нужные книги ты в детстве читал!»

«Баллада о борьбе» была написана в 1975 году. В ней В.С. Высоцкий объявляет книгу единственным ориентиром в жизни, который не даст человеку сбиться с пути. Сайт «Культура.РФ». Текст песни «Баллада о борьбе» / Электронный ресурс: <https://www.culture.ru/poems/19515/ballada-o-borbe> (Дата обращения - 21.07.2024).

7 Пензенский Государственный Краеведческий Музей. История музея / Электронный ресурс: <http://km-penza.ru/o-nas/istoriya/> (дата обращения: 17.04.2024).

ный деятель, историк-краевед, второй секретарь Пензенского обкома КПСС, секретарь Пензенского обкома КПСС, первый заместитель председателя правления Советского фонда культуры, заместитель председателя правления Российского фонда культуры.

Краеведы и музейные работники нашли в его лице поддержку, что дало повод говорить в центральной печати о «музейном ренессансе на пензенской земле».⁸ Была поставлена задача расширения музейной сети, создания районных краеведческих музеев, музеев предприятий, школ, сел, колхозов. К началу 1980-х годов в области работало более 900 музеев на общественных началах. Появлялись музеи, связанные с именами известных земляков и исторических деятелей: музей-читальня И.Н. Ульянова (Пенза, 1970), музеи А.Г. Малышкина (Мокшан, 1977), А.И. Куприна (Наровчат, 1981), музей сценического искусства им. В.Э. Мейерхольда (Пенза, 1984), литературный музей (Пенза, 1989), музей В.О. Ключевского (Пенза, 1991). В 1983 году открыт уникальный для своего времени и первый в стране музей одной картины. В пензенском отделении Художественного фонда создана группа художников, разрабатывающих дизайн музеев Пензы (А.Н. Косырев, И.К. Климов и др.)⁹.

В 1975 году было создано Объединение государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области (организатор и первый директор В.П. Арзамасцев). В 1988 году под руководством Пензенского краеведческого музея были объединены районные и краеведческие музеи. Благодаря вниманию и поддержке управления пензенские музеи стали базами для проведения научных семинаров и конференций. Их опыт активно пропагандировался и получал высокую оценку профессионалов и специалистов. С 1980-х годов выпускаются сборники научных трудов. На протяжении всей жизни Г.В. Мясников записывал свои мысли и переживания в своих дневниках, которые были опубликованы после его смерти. В 2002 году по инициативе губернатора Пензенской области Василия Бочкарева имя Георга Мясникова было присвоено созданному им Музею одной картины. На здании была торжественно открыта мемориальная доска¹⁰.

Этих специалистов, управленцев объединяют на наш взгляд общие ценности и идеи: равнодушное отношение к своей работе, патриотизм и любовь к малой Родине, желание менять и напрямую влиять на ситуацию. Подтверждает это запись Георга Васильевича Мясникова в своем дневнике: «Идеал мещанина – уют своего семейного гнезда, до остального ему дела нет. Страсти, волнения – не его удел» (Мясников 2008: 304). Дневники дают некоторое понимание целей людей: «Мое устремление: сделать Пензу интересным городом, пробудить

у жителей настоящую любовь к городу, патриотизм. Но одними лозунгами сделать это сложно, нужна материальная основа. Надо иметь то, чем гордиться» (Мясников 2008: 304).

ВЫВОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исходя из сведений биографий, выбранных нами краеведов и музейных деятелей, можно сделать вывод, что им всем присущи особенности талантливых людей, согласно классификации Джима Ландрема¹¹. В мемуарах, характеристиках от других сотрудников, воспоминаниях о них можно выделить следующие личностные особенности: интуиция, сила воли, граничащая с одержимостью (энтузиазм), высокая работоспособность, упрямство, склонность к решительным действиям и честная конкуренция (желание сделать что-то лучше, чем остальные) (Ландрам 1997: 11-15).

Подводя итог, можно сделать вывод, что изучаемый период являлся значимым в истории развития музеев Среднего Поволжья. Проведенный биографический анализ показывает высокий профессиональный потенциал и интеллектуальный уровень руководителей советских краеведческих музеев.

Анализ биографий руководящего состава показывает, что они были упорны в своей работе, преданы делу и талантливы. Исходя из анализа их дневников, статей и высказываний мы пришли к выводу, что основным нарративом для достижения поставленных целей для них было воплощение идеала советского человека. Здесь мы исходим из того, что мысли и действия человека определяют его окружение и социум, в котором он существует (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 491)¹². Такие люди, которых воспевала советская власть, были активными, трудолюбивыми, готовыми пожертвовать собой ради общего дела, преданными идеям коммунизма и способными вдохновить других людей. На наш взгляд руководители учреждений культуры были яркими представителями советского общества, которые воплощали в себе идеал «советского человека».

Идеал «советского человека» возникал на основе культы признанных вождей (В. Ленина, К. Маркса, Ф. Энгельса), Эти идеи ложились в основу системы общественного поведения и взглядов советского человека и формирования отдельной общности – советского народа. Для подкрепления наших выводов можно привести примеры отзывов посетителей мемориальных музеев. Для людей в советском союзе эталоном сверхчеловека был образ Ленина. Посетители дома-музея В.И. Ленина в Куйбышеве 1964-1965 гг. в книге отзывов писали «наш великий и мудрый учитель» (Учащиеся техникума 1 курс) (СОГАСПИ. Ф. 426. Оп. 1. Д. 33. Л. 5). Студенты 2-го курса КТУ после посещения музея обещали «воспитывать молодое поколение в духе коммунистической морали и преданности своему народу» (СОГАСПИ.

11 Мы обратились к одному из многих исследователей проблем личностной мотивации. Нам показалось, что данный исследователь наиболее емко систематизировал основные мотивационные характеристики.

12 Здесь мы исходим из утверждения Карла Маркса и Фридриха Энгельса в работе «К критике политической экономии», что «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» (Соч. Т. 13. С. 491).

8 Краеведческий портал «Пензенские хроники». Г.В. Мясников / Электронный ресурс: <http://www.penzahroniki.ru/index.php/spravochnik/147-penzenskaya-personaliya/2335-myasnikov-georg-vasilevich-20-03-1926-18-07-1996> (Дата обращения - 17.04.2024).

9 Государственный музей-усадьба В.Г. Белинского. Георг Мясников. «Создатель Пензенского Ренессанса» / Электронный ресурс: <https://dzen.ru/a/YkLlGA6JKGYCZjxq> (Дата обращения - 17.04.2024).

10 Краеведческий портал «Пензенские хроники». Г.В. Мясников / Электронный ресурс: <http://www.penzahroniki.ru/index.php/spravochnik/147-penzenskaya-personaliya/2335-myasnikov-georg-vasilevich-20-03-1926-18-07-1996> (Дата обращения - 17.04.2024).

Ф. 426. Оп. 1. Д. 33. Л. 9). Многие хотели бы быть похожими на «великого вождя», также учиться и жить (СОГАС-ПИ. Ф. 426. Оп. 1. Д. 33. Л. 12-13). Также часто использовалось слово «по-ленински» – жить по-ленински, строить быт по-ленински и т.д. (СОГАСПИ. Ф. 426. Оп. 1. Д. 33. Л.

54). На наш взгляд, определенный подъем энтузиазма сотрудников краеведческих музеев был идеологически обоснован. Такое отношение к работе было естественным и закономерным, основанным на ментальном ощущении безграничных возможностях советских людей.

ЛИТЕРАТУРА

- Антипова 2022 - Антипова Е.А. Музей как социальный феномен: структура и динамика. Саратов. 2022.
- Валеева 2005 - Валеева Л.Г. Страницы прошлого листа: из истории Государственного объединенного музея ТАССР 1970-1980 годов. Казань: Kazan-Kazan, 2005.
- Валкин 2001 - Валкин М.Х. Музей И.А. Гончарова: из истории создания. Ульяновск, 2001.
- Валкин 2010 - Валкин М.Х. Из записок старого музейщика: воспоминания и размышления. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2010.
- Гущина 1997 - Гущина Л.К. Коллег моих прекрасные черты... (Л.Г. Валеева) // Ежегодник-1996. Государственный объединённый музей Республики Татарстан. Казань, 1997.
- Дьяконов 1963 - Дьяконов В.М. Жизнь и музей. М., 1963.
- Дьяконов 2006 - Дьяконов В.М. Моя жизнь и музей. Сорок лет участия в музейном строительстве / Сост. С.В. Морозова. Казань: Kazan-Kazan, 2006.
- Калуцков, Матасов, Шульгин 2015 - Калуцков В.Н., Матасов В.М., Шульгин П.М. Прикладное культурно-ландшафтное районирование малых исторических территорий (на примере Казанского Кремля) // Псковский регионологический журнал. 2015. № 21.
- КПСС в резолюциях 1972 - КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 8. М., 1972.
- Краева 1995 - Краева Л.Г. «Они делали музей и историю» // Казанские ведомости. Казань, 1995.
- Ландрам 1997 - Ландрам Д. Четырнадцать гениев, которые ломали правила. Ростов-на-Дону, 1997.
- Лоренц 2002 - Лоренц М.К. Первый генеральный // Ежегодник-2001. Национальный музей Республики Татарстан. Казань, 2002.
- Музей и посетитель 1976 - Музей и посетитель / Сост. В.А. Пронин. Труды НИИ культуры. Вып. 2. М., 1976.
- Музей и посетитель 1978 - Музей и посетитель. Вопросы социологического исследования в области музееведения / Сост. В.А. Пронин. Труды НИИ культуры. Вып. 3. М., 1978.
- Мясников 1986 - Мясников Г.В. Отчизна в сердце нашем. М., 1986.
- Мясников 2008 - Мясников Г.В. Страницы из дневника... Страницы из дневника / Под редакцией М.Г. Мясникова и М.С. Полубоярова. М.: Институт национальных проблем образования, 2008.
- Синицына 2002 - Синицына К.Р. Полвека музеев Казани и Татарстана. Очерки истории 1917-1967 годов. Казань, 2002.
- СОГАСПИ - Самарский областной государственный архив социально-политической истории.
- Суслов 2021 - Суслов А.Ю. Формирование и развитие музейного пространства Республики Татарстан // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 3.
- Тоффлер 1999 - Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999.

REFERENCES

- Antipova 2022 - Antipova E.A. Muzej kak social'nyj fenomen: struktura i dinamika [Museum as a social phenomenon: structure and dynamics], Saratov, 2022 [in Russian].
- D'yakonov 1963 - D'yakonov V.M. Zhizn' i muzej [Life and Museum], Moscow, 1963 [in Russian].
- D'yakonov 2006 - D'yakonov V.M. Moya zhizn' i muzej. Sorok let uchastiya v muzejnom stroitel'stve / Sost. S.V. Morozova [My life and the museum. Forty years of participation in museum construction / Compiled by S.V. Morozov], Kazan, Kazan-Kazan' Publ., 2006 [in Russian].
- Gushchina 1997 - Gushchina L.K. Kolleg moih prekrasnye cherty... (L.G. Valeeva) [My colleagues have beautiful features... (L.G. Valeeva)], in: Ezhegodnik-1996. Gosudarstvennyj ob'edinyonnyj muzej Respubliki Tatarstan [Yearbook-1996. The State United Museum of the Republic of Tatarstan], Kazan, 1997 [in Russian].
- Kaluckov, Matasov, SHul'gin 2015 - Kaluckov V.N., Matasov V.M., SHul'gin P.M. Prikladnoe kul'turno-landshaftnoe rajonirovanie malyh istoricheskikh territorij (na primere Kazanskogo Kremlya) [Applied cultural and landscape zoning of small historical territories (on the example of the Kazan Kremlin)], in: Pskovskij regionologicheskij zhurnal [Pskov Regional Journal], 2015, № 21 [in Russian].
- KPSS v rezolyuciyah 1972 - KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s'ezdov, konferencij i plenumov CK [The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee], Vol. 8, Moscow, 1972 [in Russian].
- Kraeva 1995 - Kraeva L.G. «Oni delali muzej i istoriyu» ["They were making a museum and history"], in: Kazanskije vedomosti [Kazan Vedomosti], Kazan, 1995 [in Russian].
- Landram 1997 - Landram D. CHetyrnadcat' geniev, kotorye lomali pravila [Fourteen geniuses who broke the rules], Rostov-na-Donu, 1997 [in Russian].
- Lorenc 2002 - Lorenc M.K. Pervyj general'nyj [The first General], in: Ezhegodnik-2001. Nacional'nyj muzej Respubliki Tatarstan [Yearbook-2001. National Museum of the Republic of Tatarstan], Kazan, 2002 [in Russian].
- Muzej i posetitel' 1976 - Muzej i posetitel' / Sost. V.A. Pronin. Trudy NII kul'tury [Museum and visitor / Compiled by V.A. Pronin. Works of the Scientific Research Institute of Culture], Vol. 2, Moscow, 1976 [in Russian].

- Muzej i posetitel' 1978** - Muzej i posetitel'. Voprosy sociologicheskogo issledovaniya v oblasti muzevedeniya / Sost. V.A. Pronin. Trudy NII kul'tury [The museum and the visitor. Questions of sociological research in the field of museology / Compiled by V.A. Pronin. Works of the Scientific Research Institute of Culture], Vol. 3, Moscow, 1978 [in Russian].
- Myasnikov 1986** - Myasnikov G.V. Otchizna v serdce nashem [The Fatherland is in our heart], Moscow, 1986 [in Russian].
- Myasnikov 2008** - Myasnikov G.V. Stranicy iz dnevnika... Stranicy iz dnevnika / Pod redakciej M.G. Myasnikova i M.S. Poluboyarova [Pages from the diary... Pages from the diary / Edited by M.G. Myasnikov and M.S. Poluboyarov], Moscow, Institut nacional'nyh problem obrazovaniya Publ., 2008 [in Russian].
- Sinicyna 2002** - Sinicyna K.R. Polveka muzeev Kazani i Tatarstana. Ocherki istorii 1917-1967 godov [Half a century of museums in Kazan and Tatarstan. Essays on the history of 1917-1967], Kazan, 2002 [in Russian].
- SOGASPI** - Samarskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii [Samara Regional State Archive of Socio-Political History] [in Russian].
- Suslov 2021** - Suslov A.YU. Formirovanie i razvitie muzejnogo prostranstva Respubliki Tatarstan [Formation and development of the museum space of the Republic of Tatarstan], in: Manuskript [The manuscript], 2021, Vol. 14, Part 3 [in Russian].
- Toffler 1999** - Toffler E. Tret'ya volna [The third wave], Moscow, 1999 [in Russian].
- Valeeva 2005** - Valeeva L.G. Stranicy proshlogo listaya: iz istorii Gosudarstvennogo ob'edinennogo muzeya TASSR 1970-1980 godov [Flipping through the pages of the past: from the history of the State United Museum of the TASSR 1970-1980], Kazan, Kazan-Kazan' Publ., 2005 [in Russian].
- Valkin 2001** - Valkin M.H. Muzej I.A. Goncharova: iz istorii sozdaniya [I.A. Goncharov Museum: from the history of its creation], Ul'yanovsk, 2001 [in Russian].
- Valkin 2010** - Valkin M.H. Iz zapisok starogo muzejshchika: vospominaniya i razmyshleniya [From the notes of an old museum worker: memories and reflections], Ul'yanovsk, Korporaciya tekhnologij prodvizheniya, 2010 [in Russian].

Желтоухова Дина Васильевна

– Соискатель кафедры отечественной истории и историографии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева (Самара, Россия).

Dina Zheltoukhova

– The applicant of the Department of the Russian history and historiography of the Samara National Research University (Samara, Russia).

dina-pomelova@mail.ru

МОЛОДЁЖЬ И КУЛЬТУРА ПАВЛОВСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. ПО МАТЕРИАЛАМ РАЙКОМА КОМСОМОЛА

И.Ю. Васильев

Научно-исследовательский центр традиционной культуры

«Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия)

e-mail: ivasee@mail.ru

SPIN-код: 8437-3902

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Архивные материалы райкома комсомола Павловского района Краснодарского края за 1950-е – 1980-е гг. показывают, с одной стороны, специфику массовой советской молодёжной организации на данной территории: стоящие перед ней цели и задачи, внутреннюю атмосферу. С другой – они отражают интересы и стремления молодёжи района, их изменения в контексте культуры. Перед комсомолом на территории Павловского района Краснодарского края, как и везде в СССР, стояли очень широкие задачи воспитания молодёжи в коммунистическом духе, пропаганда государственной идеологии как таковой, а также мобилизация молодёжи для реализации проектов в разных сферах социальной жизни, в том числе – в культуре. Комсомольцы пропагандировали советскую песню, чтение книг, образованность и трудовую этику. Молодёжная организация внедряла в жизнь советскую обрядность. Она занималась патриотическим воспитанием, подготовкой молодых людей к военной службе. Комсомол должен был пропагандировать семейные ценности, спорт и здоровый образ жизни, дисциплину и уважение к закону.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Павловский район, Краснодарский край, Кубань, комсомол.

YOUTH AND CULTURE OF PAVLOVSKY DISTRICT OF KRASNODAR KRAI IN THE SECOND HALF OF THE 20TH CENTURY BASED ON MATERIALS OF THE DISTRICT KOMSOMOL COMMITTEE

Igor Vasilyev

Research Center of traditional culture

«The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia)

e-mail: ivasee@mail.ru

ABSTRACT

The 1950s - 1980s archival materials of the Komsomol Committee of Pavlovsky District of Krasnodar Krai manifest the specifics of the mass Soviet youth organization in this territory: the goals and objectives facing it, the internal atmosphere. On the other hand, they reflect the district youth's interests and aspirations, their changes in the context of culture. The Komsomol in the territory of Pavlovsky District of Krasnodar Krai, as elsewhere in the USSR, faced very broad tasks of youth upbringing in the communist spirit, propaganda of the state ideology as such, as well as mobilization of young people to implement projects in various spheres of social life, including culture. The Komsomol members promoted Soviet songs, book reading, education and work ethics. The youth organization put Soviet rituals into life. It was engaged in patriotic education, preparation of young people for military service. The Komsomol had to promote family values, sports and healthy lifestyles, discipline and respect for the law.

KEYWORDS: Pavlovsky District, Krasnodar Krai, Kuban, Komsomol.

Архивные материалы райкома комсомола Павловского района Краснодарского края за 1950-е – 1980-е гг. показывают, с одной стороны, специфику массовой советской молодёжной организации на данной территории: стоящие перед ней цели и задачи, внутреннюю

атмосферу. С другой – они отражают интересы и стремления молодёжи района, их изменения в контексте культуры.

Существует множество определений понятия «культура», в т.ч. так может осмысляться всё, что целена-

правленно создаётся людьми. В данной статье мы остановимся в большей степени на сфере, относящейся к мировоззрению и мировосприятию людей, их взаимодействию с продуктами художественного и интеллектуального творчества, а также со спецификой получаемых местными жителями знаний и навыков. Важное значение в контексте статьи имеет культура как набор ценностей и предпочтений, этических норм.

Применительно к культуре и её местной специфике надо отметить книгу В.И. Лях «Просвещение и культура в истории кубанской станицы». В ней затронуты проблемы становления культуры индустриального общества в кубанских станицах, показана существенная роль государства в её становлении (Лях 1998).

Что касается молодёжной политики и её восприятия молодёжью, то, например, в работе Ф.А.-А. Бытдаевой «Государственные и общественные организации: опыт и уроки воспитания рабочей молодежи в 60-80-е гг. XX века» показаны такие её аспекты, как участие комсомола в профессиональной ориентации молодёжи, поощрения им получения образования, приобщению к производственному труду в сельском хозяйстве (Медведев 2019: 1-14).

В статье И.А. Медведева «Молодёжная политика в СССР: достижения и просчёты» затронуты такие аспекты жизни молодёжи, как формальность работы и потеря влияния на молодёжь позднего комсомола, рост среди молодых людей алкоголизма и наркомании (Слезин, Дорошина 2013: 72-85).

Работа А.А. Слезина и М.М. Дорошиной «Провинциальная молодёжь позднего СССР: штрихи к портрету “неизвестного”» представляет из себя публикацию архивных документов, посвящённых жизни молодёжи тамбовской области во второй половине 1980-х гг. В них дан локальный срез мировосприятия молодёжи той эпохи, показаны некоторые его особенности. Такие, как недовольство молодёжи уровнем дохода и досугом в провинциальных населённых пунктах, её криминализация, резкое снижение влияния комсомола (Бытдаева 2004).

Цели и задачи комсомольских ячеек были разнообразными. Важнейшей была пропаганда коммунистических идеалов, формирование мировоззрения молодёжи и представителей других возрастных групп, помогать воплощать в жизнь решения управленцев. Например, в 1950-е гг. считалось, что комсомольцы во время обеденного перерыва должны были громко читать газеты для работников МТС. Также комсомольцы должны были активно изучать историю своей организации и коммунистической партии. Знание комсомольцами истории КПСС проверялись с помощью различного типа аттестаций, например, Ленинского зачёта (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 2. Д. 44. Л 5-5об, 15-16об; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 4. Д. 24. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 17. Д. 18. Л. 1-2).

Комсомол активно участвовал в атеистической пропаганде. В её рамках комсомольцы должны были читать лекции на различные темы. Например. «Женщина и религия», «Несовместимость науки и религии», «О вреде религиозных обрядов и праздников». Советская обрядность (торжественная регистрация бра-

ков, новорожденных, праздники Зимы, урожая) также считалась действенной формой атеистической пропаганды. В 1970-е гг. комсомольцев продолжали наказывать за крещение детей: «Ни один случай крещения детей комсомольцами не останется не рассмотренным на бюро РК ВЛКСМ. Из 5 родителей – комсомольцев двое исключено из рядов ВЛКСМ. Трём объявлен строгий выговор с занесением в учётную карточку ВЛКСМ» (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 13. Д. 16. Л. 12; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 19. Д. 16. Л. 12).

Немалую роль деятельность комсомола должна была играть и во внедрении советской обрядности. Имели место и специфические комсомольские ритуалы. Например, районную комсомольскую конференцию открыл торжественный вынос знамени. Комсомольцы участвовали в проведении таких советских праздников, как «Кубанский тополёк», «Праздник урожая», «Золотая осень», 8 марта, 1 мая, 7 ноября. Они должны были внедрять и советские обряды жизненного цикла: «Комитет ВЛКСМ дал указание отмечать значимые события в жизни комсомольцев и молодёжи массовым участием молодёжи. Особенно речь идёт о свадьбах, проводах в армию». В 1965 г. комитеты ВЛКСМ колхозов им. Калинина, «Родина», им. Жлобы организовали и провели вечера посвящения в земледельцы для выпускников школ станиц Новопластуновская, Новолеушковская, Атаманская. Во время проводов призывники выслушивали наставления официальных лиц, родителей, ветеранов. Потом клялись служить достойно. Прводам в армию придавалось юльшое воспитательное значение. Проводилась и торжественная регистрация новорожденных. При этом на деле комсомольцы не стремились участвовать в организации и проведении этих праздников, молодёжь относилась к ним без интереса. Особенно в 1970-е – 1980-е гг. (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 3. Д. 160. Л. 1; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 18. Д. 20. Л. 24; ЦДНИКК. Ф. 8634. Оп. 4. Д. 5. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 5. Д. 3. Л. 7; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 22. Д. 17. Л. 24; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 24. Д. 23. Л. 21).

Мероприятия домов культуры вообще посещались молодёжью плохо. В середине 1980-х гг. туда часто ходили только на киносеансы (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 19. Д. 19. Л. 2; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 26. Д. 4. Л. 14). Поэтому комсомол принял активное участие во внедрении такой формы времяпрепровождения, как дискотека: «Комсомольская организация в настоящее время принимает решение о шефстве над созданной при Районном Доме культуры дискотекой – интересной и популярной формой досуга молодёжи». Имело место развитие сети «дискотек» и «на местах», например, комсомольцами колхоза им. Ленина (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 21. Д. 9. Л. 15; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 26. Д. 4. Л. 14).

Они также должны были заниматься просветительской работой, формировать культурные предпочтения молодёжи. Комсомольские ячейки занимались организацией концертов, развитием художественной самостоятельности. Их членов агитировали выступать на сцене, участвовать в различных конкурсах. В марте 1951 г. комсомольцы семилетней школы №6 (станция Новопетровская) должны были организовать хоровой кружок и про-

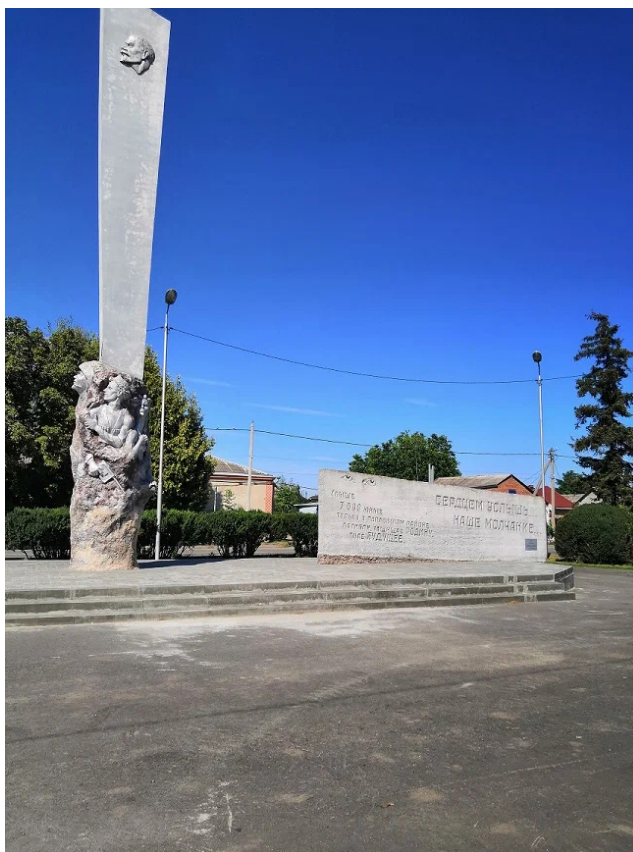

Фото памятника «Комсомольская слава» в станице Павловской

вести вечер художественной самодеятельности. Комсомольская организация колхоза «Чонгарец» должна была силами коллектива художественной самодеятельности должна была поставить пьесу «Ксения» и отрывки из пьесы «В степях Украины», а силами хорового коллектива разучить 2-3 современные песни. А также подготовить выступление струнного коллектива (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 2. Д. 78. Л. 1; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 1. Д. 152. Л. 1; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 2. Д. 29. Л. 8). Выносились решения вроде: «Обслужить полеводческие бригады и фермы комсомольской самодеятельностью с духовым оркестром». Особо отмечали тех комсомольцев, которые участвовали в подготовке творческих мероприятий: «Помогают в подготовке к празднику песен комсомолки Варфоломеева А., Шипко П». Репертуар концертов был подчинён официальной идеологии и ориентированным на советскую эстраду. При этом на художественную самодеятельность влияли и веяния эпохи. Так, в 1958 г. комсомольцы Новолеушковского маслосырзавода планировали создать струнный оркестр и организовать чтение стихов (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 3. Д. 42. Л. 7 Об; ЦДНИКК. Ф. 2486. Оп. 2. Д. 49. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 4. Д. 28. Л. 2).

Музыкальная составляющая была важна и для пионерии. Важнейшими символами школьной пионерской организации были музыкальные инструменты – горны и барабаны (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 2. Д. 84. Л. 2).

Их старшие товарищи должны были заниматься и пропагандой книги. Комсомольцы должны были стремиться к тому, что на всех фермах и полевых станах

были созданы библиотечки, проводились читательские конференции. Местные ячейки добивались закупки литературы, необходимой для деятельности художественной самодеятельности. Райком ВЛКСМ активно участвовал в подготовке всекубанского Праздника Книги, который должен был состояться 5 мая 1974 г. (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 2. Д. 2 Л. 8об; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 1. Д. 103. Л. 7; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 14. Д. 21. Л. 5).

Также комсомольцы должны были заниматься и пропагандой знаний и образованности как таковых. В частности, набором молодёжи на образовательные курсы, например, курсы механизаторов. Комсомол поощрял получение высшего и среднего специального образования. В 1965 г. в вузах и техникумах заочно обучалось 10 комсомольцев из Павловского района, активисты повышали свой образовательный уровень в вечерних школах. «В настоящее время Оля учится в 11-ом классе (вечерней школы) и является депутатом районного совета депутатов трудящихся». С 1960-х гг. комсомольскими активистами часто были именно девушки. В 1965 г. они возглавляли 66 комсомольских групп (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 2. Д. 4. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 6. Д. 1. Л. 5; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 9. Д. 1. Л. 22; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 5. Д. 1. Л. 5-6; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 6. Д. 1. Л. 5).

Среди комсомольцев культивировался интерес к спорту. В первой половине 1950-х гг. руководство стремилось к тому, чтобы «все комсомольцы стали значкистами», т.е. сдали нормы ГТО. Они должны были создавать школьные спортивные команды, организовали турниры по шахматам и шашкам и пр. (ЦДНИКК. Ф. 8624.

Оп. 1. Д. 57. Л. 2-3об; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 1. Д. 163. Л. 50; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 1. Д. 152. Л. 61).

Комсомольские организации должны были организовывать и допризывную физическую подготовку молодёжи. Например, они проводили соревнования по стрельбе. Так, этим занимались члены ячейки на станции Сосыка-Ростовская. Комсомольцы Павловского райисполкома планировали организовать кружок по изучению оружия (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 1. Д. 100. Л. 19; ЦДНИКК. Ф. 2486. Оп. 2. Д. 55. Л. 2; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 3. Д. 52. Л. 1; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 3. Д. 63. Л. 1).

В 1970-е – первой половине 1980-х гг. власти стремились обратить внимание на историческую память о Великой Отечественной и Гражданской войне, советские воинские традиции. Комсомол принимал активное участие в организации военно-спортивной игры «Зарница». Участвуя в патриотическое движение «За себя и за того парня», работники комсомольско-молодёжного цеха реставрации РО «Сельхозтехника» включили в свой состав героя Советского Союза молодогвардейца Сергея Тюленина и ежедневно выполняют его норму: «Комсомольско-молодёжный коллектив токарей и слесарей РО “Сельхозтехника” уже два года досрочно перевыполняют планы к дню рождения комсомола. Комсомолец Евгений Кумай из этого коллектива был сфотографирован со Знаменем Победы в городе Москве» (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 9. Д. 7. Л. 8; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 15. Д. 1. Л. 7; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 17. Д. 4. Л. 9-10).

Молодёжь активно вовлекалась в военно-патриотические экспедиции, посвященные Великой Отечественной войне. В ст. Атаманской в 1970-е – 1980-е гг. учащимся школы №4 было организовано изучение действий 1-ой Конной армии во время Гражданской войны и лично С.М. Будённого. В частности, школьники контактировали с писателем А.А. Первенцевым (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 25. Д. 12. Л. 9; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 25. Д. 14. Л. 1-3).

Военно-патриотическое воспитание способствовало развитию в районе сети музеев, в т.ч. школьных: «Историко-краеведческий музей имени Д.П. Жлобы был организован на базе средней школы им. Красных Партизан в 1962 г. Инициатором его создания являлся литсотрудник районной газеты Кукса В.П. совместно с учительским коллективом и учащимися школы №1. Музей расположен в отдельном здании, построенном силами школы, и имеет 4 раздела: посвященный Д.П. Жлобе; первым комсомольцам района; Великой Отечественной войне на Кубани; “Кубань – цветущий край”» (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 19 Д. 18. Л. 1).

Помимо всего этого, комсомол должен был участвовать в развитии и поддержании инфраструктуры, улучшении местной поселковой среды. Комсомольцам полагалось организовывать станичную молодёжь для работ по благоустройству территории, заниматься озеленением населённых пунктов. В апреле 1967 г. организация колхоза «Кавказ» планировали провести субботник по строительству спортплощадки и клуба колхоза (ЦДНИКК. Ф. 8634. Оп. 4. Д. 16. Л. 16; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 4. Д. 23. Л. 7; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 7. Д. 8. Л. 4).

Также комсомольцы организовывали сбор металлолома, участвовали в развитии местного радиовещания,

помогали молодым изобретателям и рационализаторам и многое другое (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 3. Д. 87. Л. 11; ЦДНИКК. Ф. 8634. Оп. 4. Д. 9. Л. 1-1об.).

Молодёжная организация стремилась защищать семейные ценности и мораль, способствовать укреплению института семьи. Например, при участии комсомольцев в 1986 г. в колхозе «Россия» был создан Клуб Молодой семьи (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 4. Д. 39. Л. 7; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 8. Д. 10. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 12. Д. 11. Л. 5).

Но не стоит переоценивать роль комсомола в реализации государственной политики в области культуры второй половины XX в. Когда школьника принимали в комсомол, прежде всего обращали на успеваемость и поведение, а не на преданность коммунистическим идеалам. Поскольку идейных и дисциплинированных комсомольцев уже в 1950-е гг. было немного.

Поэтому, например, многие комсомольские кружки политпросвещения быстро распались: «Сами комсомольцы очень пассивно относятся к работе... Можно прямо сказать, что мы почти ничего не делаем»; «За систематические нарушения дисциплины во время работы конференции, пьянку, игнорирование указаний мандатной комиссии и неявку на конференцию второго дня работы лишить тов. Михайленко И.А. звания делегата...»; «Секретарь комсомольской организации Старолеушковского СПО напился и устроил драку. Бывший секретарь комсомольской организации колхоза им. Калинина товарищ Колбаса морально разложился»; «Недостаток нашей комсомольской организации в том, что в её рядах много комсомольцев, которые не принимают участия в работе организации»; «Комсомольцы нерегулярно платят членские взносы и слабо принимают участие в художественной самодеятельности»; «Художественная самодеятельность у нас (комсомольцев колхоза им. Калинина – И.В.) не работает из-за халатного отношения к работе». Низкая дисциплина в первичных комсомольских организациях уже в первой половине 1950-х гг. снижала роль ВЛКСМ в реализации государственных программ (ЦДНИКК. Ф. 8634. Оп. 4. Д. 10. Л. 7; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 26. Д. 4. Л. 14).

Недостаток дисциплины и активности у комсомольцев нередко соседствовал с отсутствием интереса к самообразованию: «Художественную литературу комсомольцы почти не читают»; «К нашему стыду, некоторые товарищи – комсомольцы записаны в районную библиотеку, но не читают книг» (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 1. Д. 163. Л. 12-14; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 4. Д. 1. Л. 5; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 3. Д. 51. Л. 2об; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 2. Д. 1. Л. 21; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 3. Д. 86. Л. 6; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 4. Д. 40. Л. 5; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 2. Д. 65. Л. 2).

Позднее, в конце 1960-х гг. комсомол в Павловском районе ещё более ослаб, работа уже проводилась больше «для галочки». Активные комсомольцы стремились уехать из района (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 1. Д. 103. Л. 2об; ЦДНИКК. Ф. 2486. Оп. 2. Д. 55. Л. 49). Также, как и молодёжь в целом.

При этом падал престиж работы на селе, а у тех, кто оставался в станицах, пропал интерес к учёбе. Негативное отношение к сельскохозяйственному труду стало

проявляться уже во второй половине 1950-х гг.: «Мой сын не для того закончил 10 классов, чтобы пасти скот» – можно было услышать от родителей молодых людей. Не стремились к сельскохозяйственному труду и комсомольцы: «А когда поставили этот вопрос на комитете резко и предложили комсомольцам пойти на ферму доярками, то эти комсомольцы закрутили носами... В настоящее время очень плохое положение на МТФ №3, много не хватает дояров, потому что на этой ферме люди больше приезжие, поработают и уходят» (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 3. Д. 191. Л. 4; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 4. Д. 45. Л. 4; ЦДНИКК. Ф. 1384. Оп. 16. Д. 9. Л. 19).

Комсомольские организации на производстве должны были уже в начале 1980-х гг. агитировать работников, не имевших среднего образования, поступать учиться в вечернюю школу. И одновременно – идти работать на местные сельхозпредприятия, особенно – животноводческие. Молодых людей одновременно агитировали идти в животноводство, а тех, кто шли – читать книги. Функционировали и полеводческие ученические бригады во главе с педагогами. В 1981 г. проводилась комсомольско-молодёжная операция по заготовке кормов. По официальным данным, в ней приняли участие 6235 молодых человека до 30 лет. Но в последней четверти столетия ситуация ещё усугубилась. К неприятию труда на земле и стремлению переехать в город добавилось нежелание части молодёжи учиться (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 22. Д. 25. Л. 15; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 22. Д. 8. Л. 3; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 19. Д. 17. Л. 2; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 21. Д. 11. Л. 1. 1981 г.).

«Многие комсомольцы не повышают свой идейно-политический уровень, не учатся в вечерней школе. Только трое комсомольцев района заочно учатся в вузах». Юные станичники не стремились к сельскохозяйственному труду и были нацелены на переезд в город: «Имеет место большая текучесть молодых животноводов, слабая трудовая дисциплина. Молодёжь идёт на фермы неохотно»; «Редко увидишь молоденьких девушек, которым только 17 лет и которые работают доярками. Ведь сейчас молодёжь рвётся в города»; «Из числа выпускников школ только пятеро изъявили желание работать в животноводстве. Это очень мало» – говорилось нередко на комсомольских мероприятиях (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 10. Д. 14. Л. 20; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 17. Д. 1. Л. 11; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 23. Д. 21. Л. 23; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 24. Д. 8. Л. 11).

Среди молодёжи Павловского района, работавшей на предприятиях, преобладали юноши и девушки со средним и неоконченным средним образованием. В начале 1980-х гг. они не слишком стремились повышать свой образовательный уровень и не держались за работу: «Многие из празднующихся по улицам подростков не работают. Весь комплекс воздействия (на них – И.В.) как бы проходит мимо» (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 23. Д. 14. Л. 4; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 23. Д. 21. Л. 28; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 24. Д. 1. Л. 21).

Слабеет интерес молодёжи к спорту, меньше допризывников стремятся сдать нормы ГТО. Одновременно растут пьянство, наркомания, преступность. Большинство правонарушений и преступлений молодые люди

в Павловском районе совершали в состоянии алкогольного опьянения. В 1985 г. в Павловском районе на учёте в наркологическом диспансере состояло 9 человек. В 1985 г. подростками в Павловском районе было совершено 45 преступлений, что на 100% больше, чем в прошлом году (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 25. Д. 12. Л. 8; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 25. Д. 1. Л. 7; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 26. Д. 1. Л. 16; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 26. Д. 4. Л. 16).

Всё это относилось и к членам комсомольской организации: «К сожалению, у нас ещё не редки случаи хищения комсомольцами государственного имущества, ведения ими праздного образа жизни. Так, в 1983 г. комсомолец Сапоженко совершил кражу со взломом». За январь сентябрь 1985 г. в вытрезвителях побывало 40 комсомольцев из Павловского района (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 24. Д. 4. Л. 16; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 25. Д. 12. Л. 3).

Для борьбы с подростковыми правонарушениями комсомольцы участвовали в операциях «Забота», «Отсрочка» и «Градус». На деле эта деятельность чаще выглядела так: «В ходе рейда в Доме культуры колхоза “Комсомолец” задержана группа подростков – школьников, которые систематически учиняли хулиганские действия: портят мебель, мешают проведению киносеансов... С подростками проведена беседа. Поставлены в известность родители, комиссия ВЛКСМ, дирекция». Одной из форм работы с трудными подростками являлось направление их на летнее время в военно-спортивный лагерь «Гвардеец», в котором действовал кружок батутистов, самбо, конноспортивная секция (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 21. Д. 1. Л. 11; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 18. Д. 16. Л. 12; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 26. Д. 4. Л. 17).

Контроль над поведением и работой комсомольцев должны были осуществлять т. н. «штабы комсомольского прожектора», которые часто существовали лишь на бумаге (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 10. Д. 1. Л. 23. 1970 г.).

В целом к 1985 г. рост рядов комсомола замедляется, его деятельность приобретает всё более формальный характер: «Недостаточную работу комитеты комсомола проводят по вовлечению молодёжи во Всесоюзное общество борьбы за трезвость. В настоящее время в нём состоит 980 комсомольцев. Многие, став членами общества, посчитали свою миссию выполненной и практически не ведут никакой работы». Отсутствовало влияние сети комсомольского просвещения на нравственный облик молодёжи: «Самая большая комсомольская организация – гараж. А дисциплина – самая худшая. У комсомольцев нет никакой ответственности за своё дело» (ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 25. Д. 12. Л. 4; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 26. Д. 8. Л. 10; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 23. Д. 23. Л. 2; ЦДНИКК. Ф. 8624. Оп. 26. Д. 4. Л. 14).

Таким образом, перед комсомолом на территории Павловского района Краснодарского края, как и везде в СССР, стояли очень широкие задачи воспитания молодёжи в коммунистическом духе, пропаганда государственной идеологии как таковой, а также мобилизация молодёжи для реализации проектов в разных сферах социальной жизни, в т.ч. – в культуре. Комсомольцы пропагандировали советскую песню, чтение книг, образованность и трудовую этику. Молодёжная организация

внедряла в жизнь советскую обрядность. Она занималась патриотическим воспитанием, подготовкой молодых людей к военной службе. Комсомол должен был пропагандировать семейные ценности, спорт и здоровый образ жизни, дисциплину и уважение к закону.

Но в течении второй половины XX в. комсомолу это удавалось всё хуже и хуже. Молодёжь постепенно всё больше утрачивала интерес как к советской официаль-

ной идеологии, так и к значимым для индустриального общества ценностям (образованию, работе) и этическим нормам как таковым. Всё это касалось и комсомольцев. Специфика Павловского района как сельской местности проявлялась в том, что молодёжь теряла интерес к сельскохозяйственному труду и стремилась уехать в города.

ЛИТЕРАТУРА

Бытдаева 2004 - Бытдаева Ф.А.-А. Государственные и общественные организации: опыт и уроки воспитания рабочей молодежи в 60-80-е гг. XX века (на материалах Ставропольского и Краснодарского краев). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ставрополь, 2004. 28 с.

Лях 1998 - Лях В.И. Просвещение и культура в истории кубанской станицы. Краснодар, 1998.

Медведев 2019 - Медведев И.А. Молодёжная политика в СССР: достижения и просчёты // Гуманитарный вестник. 2019. № 4. С. 1-14.

Слезин, Дорошина 2013 - Слезин А.А., Дорошина М.М. Провинциальная молодёжь позднего СССР: штрихи к портрету «неизвестного» // Берегиня. 777. Сова. 2013. № 4 (19). С. 72-85.

ЦДНИКК - Центр документации новейшей истории Краснодарского края.

REFERENCES

Bytdaeva 2004 - Bytdaeva F.A.-A. Gosudarstvennyye i obshchestvennyye organizacii: opyt i uroki vospitaniya rabochej molodezhi v 60-80-e gg. XX veka (na materialah Stavropol'skogo i Krasnodarskogo kraev). Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk [State and public organizations: the experience and lessons of educating working youth in the 60-80s of the XX century (based on materials from the Stavropol and Krasnodar territories). Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences], Stavropol, 2004, 28 p. [in Russian].

CDNIKK - Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja [Documentation Center of the modern history of the Krasnodar Territory] [in Russian].

Lyah 1998 - Lyah V.I. Prosveshchenie i kul'tura v istorii kubanskoj stanicy [Education and culture in the history of the Kuban stanitsa], Krasnodar, 1998 [in Russian].

Medvedev 2019 - Medvedev I.A. Molodyozhnaya politika v SSR: dostizheniya i proschyoty [Youth policy in the USSR: achievements and miscalculations], in: Gumanitarnyj vestnik [Humanitarian Bulletin], 2019, № 4, pp. 1-14 [in Russian].

Slezin, Doroshina 2013 - Slezin A.A., Doroshina M.M. Provincial'naya molodyozh' pozdnego SSSR: shtrihy k portretu «neizvestnogo» [Provincial youth of the late USSR: touches to the portrait of the "unknown"], in: Bereginya. 777. Sova [Bereginya. 777. Owl], 2013, № 4 (19), pp. 72-85 [in Russian].

Васильев Игорь Юрьевич

– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры «Кубанский казачий хор» (Краснодар, Россия).

Igor Vasilyev

– Candidate of Historical Sciences, Senior research associate of the Research Center of traditional culture «The Kuban Cossack chorus» (Krasnodar, Russia).

ivasee@mail.ru

НАСЛЕДИЕ СЕРГЕЯ НИКОЛАЕВИЧА АЗБЕЛЕВА

В 2022 году журнал «Исторический формат» запустил масштабный проект публикации научного наследия выдающегося русского историка и фольклориста Сергея Николаевича Азбелева (1926-2017), доктора филологических наук, многолетнего ведущего научного сотрудника Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН, известного исследователя Древней Руси, Великого Новгорода, русского летописания и фольклора, члена редколлегии нашего журнала, ветерана Великой Отечественной войны, автора многих работ по истории, литературе и фольклору Древней Руси. Заместитель главного редактора «Исторического формата» М.И. Жих проделал работу по разбору его личного архива и готовит к печати неизданные работы учёного, а также документы, связанные с ключевыми этапами его жизни и творчества. В каждом новом номере «Исторического формата» в рамках рубрики «Наследие Сергея Николаевича Азбелева» планируется издавать одну из его неопубликованных статей или документальных подборок о жизни выдающегося исследователя.

СЛУЖБА КАЗАКОВ РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ ПРИ ИВАНЕ III

С.Н. Азбелев

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Россия 199034, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

e-mail: mail@histformat.com

Researcher ID: C-5151-2018

<https://orcid.org/0000-0001-9063-6544>

SPIN-код: 1390-8096

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

Широко известно, что первым царём в России стал Иван Васильевич Грозный. Но почти забылось, какому из великих князей московских принадлежит настоящее первенство: это Иван III, а не Иван IV, за которым закрепилось присвоенное народом сначала его деду прозвание. В народном сознании русские цари запоминались не с порядковыми номерами, как это принято у историков, но по имени и отчеству, а также по прозвищу. В русском фольклоре Иван III и Иван IV нередко сливались поэтому в один образ. Воинская служба казаков русским государям началась уже в правление Ивана III, и заслуги казачества перед Россией уже тогда были велики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Иван III, казаки, исторические песни.

SERVICE OF COSSACKS TO THE RUSSIAN STATE UNDER IVAN III

Sergey Azbelev

Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the RAS

4 The Makarov's Embankment, St. Petersburg, 199304, Russia

e-mail: mail@histformat.com

ABSTRACT

It is widely known that the first tsar in Russia was Ivan Vasilyevich the Terrible. But it is almost forgotten which of the Muscovite Grand Princes the real honor of first acquiring this epithet belongs to: it was not Ivan IV, but his grandfather, Ivan III, to whom people gave this nickname first. In the people's minds, Russian tsars were remembered not with ordinal numbers, as it is customary among historians, but by their first name and patronymic, as well as by nickname. In Russian folklore, Ivan III and Ivan IV were often merged therefore into one image. The military service of the Cossacks to the Russian sovereigns began in the reign of Ivan III, and merits of the Cossacks before Russia were already great then.

KEYWORDS: Ivan III, Cossacks, historical songs.

Публикация статьи, датируемой 1993 годом, подготовлена М.И. Жихом по машинописи из архива С.Н. Азбелева.

Широко известно, что первым царём в России стал Иван Васильевич Грозный. Но почти забылось, какому из великих князей московских принадлежит настоящее первенство: это Иван III, а не Иван IV, за которым закрепилось присвоенное народом сначала его деду прозвание. Ещё Н.М. Карамзин, внимательно изучив свидетельства исторических источников, пришёл к заключению, что именно Ивану III «первому дали в России имя Грозного, но в похвальном смысле: грозного для врагов и строптивых ослушников» (Карамзин 1989. Кн. 2. Т. 6: 215). Ивану III, а не Ивану IV принадлежит и первенство в титуловании царём и самодержцем: завершив объединение русских земель вокруг Москвы и уничтожив татарское иго, он действительно приобрёл такое право,

которым стал пользоваться не только при сношениях с иностранными государствами. В русских летописях находим имя Ивана III с приложением титула царя и государя всеа Руси» (ПСРЛ. 26: 286). Такое титулование было широко известно и его подданным: объявляя наследника русского престола, глава русской православной церкви при большом стечении народа так обращался к Ивану III: «Божиею милостью радуйся и здравствуй православный царю Иване» (ПСРЛ. 28: 331).

В народном сознании русские цари запоминались не с порядковыми номерами, как это принято у историков, но по имени и отчеству, а также по прозвищу. В русском фольклоре Иван III и Иван IV нередко сливались поэтому в один образ. Карамзин писал об Иване IV:

народ «отвергнул или забыл название Мучителя, данное ему современниками, и по тёмным слухам о жестокости иоанновой доньне именует его только Грозным, не различая внука с дедом, так названным древнею Россиею более в хвалу, нежели в укоризну» (Карамзин 1989. Кн. 3. Т. 9: 279-280).

Дед, царь Иван III Васильевич, действительно грозный именно для врагов России, в борьбе с ними первым из русских самодержцев стал опираться на действия казаков. Если раньше – при Дмитрии Донском и при Василии II, отце Ивана III, – донские и рязанские казаки только приходили на помощь московским войскам, то Иван III держал казацкое войско в самой столице.

Уже к началу его правления относятся известия ряда летописей о казаках, служивших под командованием воеводы Ивана Руно. Они вели военные действия против казанских татар, которые разоряли своими набегами русские земли и уводили пленников, продаваемых потом в рабство.

Летописи сообщают, что весной 1468 года после Пасхи Иван III «послал на Каму воевати мест Казанских с Москвы к Галичу Руна с казаки» (ПСРЛ. 12: 119); к ним присоединились воеводы из Галича и других приволжских мест, разоряемых казанцами, и отряд отправился далее «на судах на Николин день». Двигаясь сначала по реке Вятке, а затем, спустившись по Каме, русские ответили на действия татар разорением казанских пределов. Встретив отряд казанцев, Иван Руно, приказал своим людям вступить в бой. Татарский воевода попал в плен, отряд его был уничтожен, а ратники Ивана Руно, потеряв только двух человек убитыми и шестьдесят ранеными, благополучно вернулись в Москву.

Более крупные силы были посланы непосредственно против Казани в следующем году. Летописи прямо не говорят, находились ли опять казаки в составе русского войска, но трудно сомневаться, что основу его они составили и на этот раз. Дело в том, что, хотя главным воеводой был назначен Константин Беззубцев, он остался в Нижнем Новгороде, а ратники по своей волне отправились дальше к Казани, выбрав из своей среды воеводой Ивана Руно – того самого, который возглавлял казаков в прошлогоднем походе. Отплыв из Нижнего Новгорода, отряд под командованием Ивана Руно ночью подошёл к Казани. Внезапно проникнув ранним утром в городские посады, русские зажгли их, побили многих казанцев и освободили томившихся в Казани христианских пленников.

Позже царь Иван III сумел подчинить себе Казанское ханство. Но до того, в 1480 году, он уничтожил татарское иго, покончив с зависимостью Русского государства от Золотой Орды. Важная роль в этом принадлежала, очевидно, казакам, которые ранее в качестве судовой рати успешно действовали против казанцев.

Как известно, в 1480 году золотоордынский хан Ахмат привёл на Русь огромное войско, дошедшее до пограничной в то время реки Угры недалеко от Москвы. На противоположном берегу заняло оборону войско Ивана III. Оно не переправлялось через Угру, но и пресекло попытки сделать это со стороны татар. Неподвижное противостояние двух армий продолжалось месяц,

после чего Ахмат поспешно отступил и вернулся в степи. Одновременно отошли от Угры и русские войска. Как писал Карамзин, «Иоанн, распустив войско, с сыном и братьями приехал в Москву славословить Всевышнего за победу, данную ему без кровопролития» (Карамзин 1989. Кн. 2. Т. 6: 99).

Победа досталась Ивану III без сражения на Русской земле, но благодаря военным действиям в самой Золотой Орде. Сведения об этом сохранились в некоторых летописях. В одной из них говорится, что Иван III тайне послал туда «служивого своего царя Нурдовлета Городецкого, с ним же воеводу князя Василья Ноздреватого Звенигороцкого со мною силою» (ПСРЛ. 19: 7-8). Пока Ахмат «стояше на Руси», они «Вольгою в лодиях пришедше на Орду» и всех находившихся там (как и весь татарский скот) частью захватили, частью же «огню и воде и мечю предаша». Это и повлекло за собой конец вражеского вторжения на Русь: «И пребегоша вестницы ко царю Ахмату, яко Русь Орду его расплениша, и скоро в том часе царь от реки Угры назад обратися бежати» (ПСРЛ. 19: 7-8).

Сказанное неудивительно, ибо согласно уточнениям другой летописи, разгром ордынской столицы был сокрушительным: «Юрты все разориша, кого же обретоша, тех всех побиша и в плен отведоша и пустую учиниша, и от того времени Орда оная до конца оскуде» (Новый летописец 1853: 15). Даже в разрядных книгах XVII века есть упоминание, что некогда «татарские цари жили в Орде на луговой стороне Волги реки, на реке Ахтубе», но «по милости всеильного в Троице славимого Бога» русские люди «на Ахтубе Орду войною разорили и учинили пусты» (Голомбиовский 1892: 49).

Из кого же состояла судовая рать, совершившая отважный и дерзкий рейд в столицу Золотой Орды? Прямого ответа в летописях нет, но уже по аналогии с предыдущим надо полагать, что это были казаки. Такой вывод подтверждают косвенные данные.

Возглавлявший эту рать Нордоулат был братом крымского хана, с которым Иван III заблаговременно вступил в союз против их общего врага Ахмата. Незадолго до его выступления Нордоулат, как сообщает летопись, пришёл «служити» Ивану III и получил позднее от него титул «служилого», т.е. вассального «царя Городецкого» (ПСРЛ. 12: 197) – соответственно названию удела, данного ему на восточной окраине Русского государства. Городец, ставший владением Нордоулата, находился в тех местах, которые часто подвергались казанским набегам и служили плацдармом ответных действий казаков. Их них поэтому и могло состоять войско Нордоулата на Руси – помимо, конечно, татарских князей и уланов, сопровождавших его как крымского царевича.

Союз Ивана III с крымским ханом продолжался и после 1480 г.: оба они стремились покончить с остатками могущества ханов Золотой Орды. Нордоулат же оставался на Руси (здесь он умер между 1498 и 1503 годами) и продолжал служить Ивану III.

Русскому царю представился вскоре случай отблагодарить крымского хана за то, что крымские войска в 1480 г. нейтрализовали действия польско-литовского

короля, на которого рассчитывал тогда Ахмат как на своего союзника.

Летописи сообщают, что в 1491 г. Иван III «на помощь крымскому царю Мин-Гирею отпусти воевод своих в Поле под Орду»; после перечисления их имён говорится: «да Мердоулатова сына царевича Сатылгана с уланы и со князи и со всеми казаки послал вместе же со своими воеводами» (ПСРЛ. 12: 228). Из этого сообщения ясно, что именно казаки были главной силой, которой располагал на русской службе Нордоулат. Следовательно, из казаков в основном и состояла его судовая рать, разгромившая в 1480 году столицу Золотой Орды.

Вернёмся к Карамзину. Описав этот разгром, он заключал: «Нордоулат удалился; а хан, сведав о разорении улусов, оставил Россию, чтобы защитить свою собственную землю. Сие обстоятельство служит к чести Иоаннова ума: заблаговременно взяв меры отвлечь Ахмата от России», он «ждал их действия и для того не хотел битвы» (Карамзин 1989. Кн. 2. Т. 6: 99). Можно, по-видимому, добавить, что «сие обстоятельство» служит и к чести казаков, своитм походом избавивших Россию от кровопролития, результат которого ещё не был заранее предрешён.

Через семь лет после бегства Ахмата Иван III подчинил Казань, ханом её стал покорный вассал русского царя. Но в конце его жизни, пользуясь болезнью русского монарха, правитель Казани вышел из повиновения, вторгся с войском на Русь и начал жестокие военные действия. Смерть застигла Ивана III в разгаре приготовлений к большому походу на Казань, в котором немалая роль отводилась, должно быть, казакам. Об этом

свидетельствует народная песня, сохранившаяся от тех времён и записанная видным собирателем казачьего фольклора А.А. Догадиным около ста лет назад из уст астраханских казаков.

В песне «молодой казак» стоит на часах у гроба и обращается к умершему монарху:

«Ты восстань, восстань,
Ты, наш православный царь,
Православный царь!
Православный царь,
Царь Иван Васильевич,
Ты, наш батюшка!
Ты взгляни, взгляни
На свою силушку,
Свою силушку.
Твоя силушка
Скоро во поход пойдёт.
Во поход пойдёт
Как под тот-то славный
Казань, Казань-город» (Исторические песни 1960:

475).

Несомненно, что Иван Васильевич, к которому обращены слова казака в песне, это Иван III, а Иван IV, умерший через тридцать с лишним лет после того как Казань окончательно вошла в состав Русского государства и отпала необходимость совершать туда военные походы.

При Иване IV казакам принадлежали крупные исторические свершения. Но воинская служба казаков русским государям началась уже в правление его деда Ивана III, и заслуги казачества перед Россией уже тогда были велики.

ЛИТЕРАТУРА

Голомбиовский 1892 - Голомбиовский А.А. Выписка в Разряде о построении новых городов и черты 1681 г. // Известия Тамбовской учёной архивной комиссии. Вып. 33. Тамбов, 1892. С. 47-56.

Исторические песни 1960 - Исторические песни XIII-XVI веков. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1960. 656 с.

Карамзин 1989 - Карамзин Н.М. История государства Российского. В трёх книгах. Кн. 1-3. М.: Книга, 1989.

Новый летописец 1853 - Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича, издан по списку князя Оболенского. М., 1853.

ПСРЛ. 12 - Полное собрание русских летописей. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1901. 266 с.

ПСРЛ. 19 - Полное собрание русских летописей. Т. 19. История о Казанском царстве. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1903. 529 с.

ПСРЛ. 26 - Полное собрание русских летописей. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.: Издательство АН СССР, 1959. 413 с.

ПСРЛ. 28 - Полное собрание русских летописей. Т. 28. Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. М.: Издательство АН СССР, 1963. 411 с.

REFERENCES

Golombiovskij 1892 - Golombiovskij A.A. Vypiska v Razryade o postroenii novyh gorodov i cherty 1681 g. [An extract in the Category on the construction of new cities and towns in 1681], in: Izvestiya Tambovskoj uchyonoj arhivnoj komissii [Proceedings of the Tambov Scientific Archival Commission], Vol. 33, Tambov, 1892, pp. 47-56 [in Russian].

Istoricheskie pesni 1960 - Istoricheskie pesni XIII-XVI vekov [Historical songs of the XIII-XVI centuries]. Moscow; Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1960, 656 p. [in Russian].

Karamzin 1989 - Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. V tryoh knigah [The history of the Russian state. In three books], Vol. 1-3, Moscow, Kniga Publ., 1989 [in Russian].

Novyj letopisec 1853 - Novyj letopisec, sostavlennyj v carstvovanie Mihaila Fedorovicha, izdan po spisku knyazya Obolenskogo [The new chronicler, compiled during the reign of Mikhail Feodorovich, was published according to the list of Obolensky], Moscow, 1853 [in Russian].

PSRL. 12 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 12. Letopisnyj sbornik, imenuemyj Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu [The complete collection of Russian chronicles. Volume 12. The chronicle collection, called the Patriarchal or Nikon Chronicle], Saint-Petersburg, Tipografiya I.N. Skorohodova Publ., 1901, 266 p. [in Russian].

PSRL. 19 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 19. Istoriya o Kazanskom carstve [The complete collection of Russian chronicles. Volume 19. The story of the Kazan Kingdom], Saint-Petersburg, Tipografiya I.N. Skorohodova Publ., 1903, 529 p. [in Russian].

PSRL. 26 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 26. Vologodsko-Permskaya letopis' [The complete collection of Russian chronicles. Volume 26. Vologda-Perm Chronicle], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1959, 413 p. [in Russian].

PSRL. 28 - Polnoe sobranie russkih letopisej. T. 28. Letopisnyj svod 1497 g. Letopisnyj svod 1518 g. [The complete collection of Russian chronicles. Volume 28. The Chronicle of 1497. The chronicle of 1518], Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1963, 411 p. [in Russian].

Азбелев Сергей Николаевич

– Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, профессор кафедры отечественной истории Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого.

Sergey Azbelev

– Doctor of Philological Sciences, Professor of Russian History at the Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Senior Research Scientist at the Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences.

mail@histformat.com

ПРИБАЛТИКА КАК КОНЦЕНТРАТ ПОЛИТИКИ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д.В. Суржик

Институт всеобщей истории РАН
Россия, 119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а
e-mail: warhistory@igh.ras.ru
SPIN-код: 7128-7893

АВТОРСКОЕ РЕЗЮМЕ

В рецензии рассматривается сборник документов «Вынужденный альянс», который включает в себя телеграммы служебной переписки посланника Латвийской Республики в СССР Ф. Коциньша и министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса в 1939-1940 гг., а также дополнительные справочно-исторические материалы. Сопоставляя телеграммы (содержащие, в частности, итоги регулярных переговоров посланников «Балтийской Антанты» в Москве) с содержанием международных соглашений СССР с Прибалтийскими государствами и их позицией в отношении актуальных военных противников того времени, автор рецензии развенчивает некоторые исторические мифы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: В. Мунтерс, Ф. Коциньш, И.В. Сталин, А. Гитлер, В.М. Молотов, Прибалтика, СССР, инкорпорация, Вторая мировая война.

THE BALTIC STATES AS A CONCENTRATE OF THE POLICIES OF THE GREAT POWERS ON THE EVE AND DURING THE SECOND WORLD WAR

Dmitry Surzhik

Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Russia, 119334, Moscow, Leninsky Avenue, 32a
e-mail: warhistory@igh.ras.ru

ABSTRACT

The review examines the collection of documents called Forced Alliance, which includes telegrams of official correspondence of the Latvian Ambassador to the USSR F. Kocins and Latvian Foreign Minister V. Munters in 1939-1940, as well as additional reference and historical materials. By comparing the telegrams (incorporating, in particular, results of regular negotiations between the «Baltic Entente» envoys in Moscow) with the content of the USSR's international agreements with the Baltic states and their position with regard to the actual military adversaries of that time, the author of the review debunks some historical myths.

KEYWORDS: V. Munters, F. Kocins, J. Stalin, A. Hitler, V.M. Molotov, Baltic states, USSR, incorporation, World War II.

В серии «Прибалтийские исследования в России» издан новый сборник документов, продолжающий повествование последних годах существования прибалтийских диктатур. Книга «Вынужденный альянс» включает в себя вводную статью, археографическое предисловие, собственно документы, публикуемые в хронологическом порядке, список сокращений и аннотированный именной указатель. Вводная статья, археографическое предисловие и комментарии к документам подготовлены А.Р. Дюковым, Н.Н. Кабановым и В.В. Симиндеем. Аннотированный именной указатель подготовлен Н.Н.

Кабановым и В.В. Симиндеем. Перевод документов с латышского языка выполнен Н.Н. Кабановым и В.В. Симиндеем.

Вводная историческая с элементами (что ценно, отечественной и прибалтийской) историографии статья носит фундаментальный характер. Она освещает внешнюю и – под ее давлением изменяющуюся – внутреннюю политику прибалтийских государств в 1939-1940 гг. Достоинством статьи является системное представление Прибалтики как региона, в котором (помимо собственно воли трех стран) в конце 1930-х годов

столкнулись интересы третьего рейха, СССР, Финляндии и англо-французских союзников. Статья основана на новейшей российской и прибалтийской историографии и включает в себя труды О. Кена, Н.С. Лебедевой, М.И. Мельтюхова, А.И. Рупасова, А. Странги, И. Фелдманиса, А.О. Чубарьяна, а также официальные сборники документов («Lietuvos Respublikos užsienio politika. Dokumentai, 1939-1940», «Полпреды сообщают», «Прибалтика и геополитика» и другие), изданные в 1990-2018 годах на русском и иностранных языках. При этом авторы статьи (А.Р. Дюков и В.В. Симиндей) противопоставляют прибалтийско-германские и прибалтийско-советские отношения. Поддерживая концепцию М. Ильмарва о «безмолвной капитуляции», российские авторы выделяют факты подчинения прибалтийских республик диктату Гитлера и их настойчивое нежелание наладить конструктивное взаимодействие с Советским Союзом. Изучая практику постепенных уступок своего государственного суверенитета прибалтийскими диктаторами в пользу берлинского, авторы выделяют роль трех стран в Мюнхенском кризисе: «Следующим шагом на пути подчинения германской воле стал отказ в сентябре 1938 г. Эстонии, Латвии и Литвы от автоматического применения статьи 16 Статута Лиги Наций. Эта позволяла обеспечить транзит советской военной силы по территории, акватории и воздушному пространству стран Балтии для борьбы с агрессором в случае нападения на Чехословакию. Берлин при поддержке Таллина сумел надавить на Ригу и Каунас, заявив, что руководство рейха «не считает нейтральными страны, допускающие проход иностранных войск через их территории». В результате 19 сентября 1938 г. Эстония и Латвия, а 22 сентября – Литва заявили о необязательности применения статьи 16, приняв тем самым и германское толкование «нейтралитета». Благодаря этому решению Прага оказалась отрезана от возможной советской военной помощи» (Вынужденный альянс 2019: 9). Таким образом, мюнхенское умиротворение получило новое, прибалтийское измерение.

Археографическое предисловие излагает логику публикации коллективом составителей сборников документов из Государственного исторического архива Латвии (ГИАЛ), археографическое описание дел ГИАЛ – источников для данного сборника, особенности публикации (сохранение формуляра, атрибутов и т.д.), объяснение рукописных помет на телеграммах, сделанных в Риге. Авторами также делается вывод о возможной передаче разведдонесений об СССР и РККА, также исходивших от Ф. Коциньша в Ригу и опубликованных в данном сборнике, третьему рейху в рамках двустороннего договора о ненападении (с до сих пор официально не признанной, но по ряду документальных источников установленной секретной клаузулой) от 7 июня 1939 г. В археографическом описании книги указаны имена всех, работавших над книгой, а также высказаны благодарности всем причастным к появлению данного сборника.

Корпус представленных в книге документов охватывает период с 8 июля 1939 г. по 11 июня 1940 г. Публикуемые в книге 108 депеш, отобранных ответственным

составителем Н.Н. Кабановым, взяты из двух дел Государственного исторического архива Латвии. Абсолютное большинство отложившихся в них документов публикуется в полном виде впервые, причем сразу в переводе Н.Н. Кабанова и В.В. Симиндея с латышского языка на русский. Документы представляют собой ранее секретные оригиналы и копии материалов дипломатического и разведывательного характера, а также тексты речей официальных лиц, сопроводительные записки и т.д., направленные в Ригу дипломатической почтой.

Трудно переоценить работу, проделанную авторами-составителями сборника по созданию аннотированного библиографического указателя, который включает в себя из 230 емких биографических справок на действующих лиц, многие из которых совершенно не известны даже квалифицированному отечественному читателю.

Отметим также высокую археографическую культуру подготовки сборника документов, академический характер издания, вышедшего под грифами Института российской истории РАН, Российской ассоциации прибалтийских исследований и Фонда содействия актуальным историческим исследованиями «Историческая память». Документы в книге систематизированы по хронологическому принципу. Их перевод сделан профессиональными историками, которые долгие годы изучают историю прибалтийского региона накануне и в годы Второй мировой войны, что гарантирует грамотную передачу текста на русский язык с использованием научно-критических приемов, с сохранением современных правил орфографии и пунктуации. В то же время переводчикам удалось сохранить стилистические и языковые особенности подлинников. Авторы не стали отягощать книгу публикацией фотокопий телеграмм, оговорившись в предыдущих изданиях данной серии о том, что документы представляют собой стандартные бланки без каких-либо помет. При наличии же оных, даются соответствующие сноски.

Этот элемент научно-справочного аппарата книги (наряду со списком сокращений и аннотированным именованным указателем) стоит отдельного внимания. Сноски носят как географический, так и историко-справочный характер, помогая читателю лучше понять нюансы излагаемых в документе проблем. Нередко сноски полны острой, но сугубо документированной полемики к строкам донесений. Ярким примером здесь может служить первый документ – телеграмма в Ригу посланника Ф. Коциньша от 8 июля 1939 г. Кадровый военный разведчик, увы, не удержался в документе не только в рамках объективности, но, кажется, даже позабыл о приличии к стране пребывания, транслируя своему адресату откровенно стереотипно-шовинистское представление о Советском Союзе: «Как эстонский, так и литовский посланники пришли к единодушному мнению, что, если с началом войны наступят судьбоносные дни для Балтийских государств, то меньшим несчастьем все же будет немецкая угроза. Запустив “русскую вошь” в шубу, ее наружу больше не выбьешь, ибо там вот ее жизненное пространство и витальные интересы. И хотя у обеих великих держав имеется, в общем, одинаковый

режим, все же высококультурные немцы будут считаться с Европой и воздержатся от уничтожения народа, чего нельзя ожидать от русских» (Вынужденный альянс 2019: 46). Последовавшие события, показали, в чем был прав, а в чем – нет Ф. Коциньш. Впрочем, летом 1939 г. уже можно было составить представление о будущей гитлеровской оккупации на примерах этнических чисток в Германии, присоединенных Австрии и Чехии.

Что же до «русской вши» в прибалтийской «шубе», то очевидные каждому диаметрально противоположные географические данные можно дополнить условиями заключенных ранее советским руководством соглашений с тремя прибалтийскими республиками. Советско-литовский мирный договор от 12 июля 1920 г. предусматривал помимо прочего безвозмездную экономическую помощь Литве со стороны Советской России (Документы 1959: 28-42), а 10 октября 1939 г. В.М. Молотов и Ю. Урбшис подписали «Договор о передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой». При всех изменениях в суверенитете Литвы и переоценках сегодня там советского наследия, Вильнюс по-прежнему является крупнейшим городом и столицей Литовской Республики. Схожая ситуация с советским (территориально-имущественным) наследием – и в Латвии. По условиям Рижского мирного договора, заключенного 11 августа 1920 г., Латвия получала части Витебской и Псковской губерний, часть кораблей и имущества Балтийского флота и на других российских судах, находящихся в латвийских территориальных водах. Заключенный же 2 июня 1927 г., буквально через неделю после разрыва дипотношений с Великобританией из-за т.н. «письма Зиновьева», советско-латвийский торговый договор зафиксировал обязательство Москвы ежегодно закупать в Латвии товаров на 40 миллионов латов и обеспечивать транзитный провоз 200 000 т груза (Документы 1965: 267-279). Очень быстро СССР стал стратегическим торговым партнером Латвии. Не считая закупок в этой прибалтийской республике, только транзит грузов из СССР во второй половине 1930-х гг. составлял 73,1-79,1% от всех иностранных перевозок Латвии (Мельтюхов 2015: 344). Трудно не согласиться с выводами авторов примечаний, делающих вывод, что, заключая оба торговых договора с отрицательным сальдо для себя, «Москва фактически субсидировала поддержание и развитие латвийского сельского хозяйства в то время, когда мир погрузился в пучину мирового экономического кризиса 1929-1933 гг.» (Вынужденный альянс 2019: 48).

2 февраля 1920 г. между РСФСР и Эстонией был заключен Тартуский (Юрьевский) мирный договор. Помимо стандартных (как и в двух указанных выше мирных договорах) пунктов о недопустимости действия враждебных друг другу сил, базирующихся на территории соглашающихся сторон, договор также содержал положения о весьма существенной материальной «подпитке» молодого эстонского государства. По Тартускому договору Эстония освобождалась от каких-либо обязательств перед РСФСР, освобождалась от долговых и иных обязательств царской России. По договору

РСФСР передавала Эстонии часть золотого запаса царской России в размере 11,6 тонны золота (15 миллионов рублей золотом), а также принадлежавшее российской казне движимое и недвижимое имущество. Эстония получила право на лесную концессию на территории РСФСР площадью 1 миллион десятин, имелись и другие весьма выгодные Таллину положения (Документы 1958: 339-354). Однако в 1930-е годы двусторонние отношения были омрачены озабоченностью советской политической разведки наличием в этой стране британского разведцентра и развитием в республике доморощеных фашистских движений, активно заимствовавших опыт НСДАП. Опасения относительно эстонско-финского военного сотрудничества против советского Балтийского флота возникали и разведки наркомвоенфлота (Рупасов 2016: 103-139). И эти опасения не были безосновательными. По наблюдениям посланника Латвии в Эстонии В. Шуманиса, отправленным в Ригу 21 января 1939 г., «Эстония считает Россию врагом № 1; после того идет Германия. В Латвии, как известно, чаще всего встречается противоположное мнение. <...> Министр Сельтер мне <Шуманису> многократно в пессимистическом настроении рисовал ту судьбу Эстонии, которая наступила бы, если бы в войне между Россией и Германией Эстония попала бы под власть России.<...> Литва и Латвия тогда могли бы попасть под немецкую оккупацию, тогда как Эстония под русскую. Министр Сельтер из этого делает мрачные заключения и находит наше положение лучшим. <...> Германия некоторым <в Эстонии> мнится как помощник и спаситель от русской угрозы. Это мнение также родственно финскому мнению, только не столь ярко проявляется, ибо в Эстонии еще помнят немецкие недобрые времена, чего финны не знали. Таким образом между Эстонией и Финляндией в политической оценке имеется известное сходство. Было бы трудно исследовать, появилось бы описанное мнение эстонцев под воздействием финнов, но, как уже сказал: такое мнение могло родиться и без чужого влияния, принимая во внимание только географическое положение и выше цитируемое резонанство. Сходство эстонцев и финнов в оценке положения, конечно, дает возможность германофилии Финляндии еще более воздействовать на тамошние умы. Это особо относится к военным кругам, для которых в Финском морском заливе существуют многие общие задачи, обращенные против одного и того же вероятного противника» (Симиндей, Кабанов 2017: 185-186).

Условия мирных договоров Советского Союза с тремя республиками, а также советско-латвийских торговых соглашений демонстрируют любому непредвзятому читателю многолетнее выгодное (в большей или меньшей степени) сотрудничество каждой из трех республик с СССР, что полностью противоречит приведенным ранее утверждениям посланника Ф. Коциньша. Однако рассчитывать на благодарность партнеров Москве, как видим из приведенной цитаты, не приходилось. В кругах политической элиты Прибалтики уже летом 1939 г. осознанно делался выбор в пользу утраты государственного суверенитета под протекторатом нацистской Германии, первый зондаж которого со сто-

роны последней относится к маю – через полтора месяца после «возвращения» в рейх Мемеля (Клайпеды) (Вынужденный альянс 2019: 13). Прибалтийские элиты, как ни странно, тяготели не к стране, утверждающей их суверенитет, но к режиму, всячески подтачивающему их независимость и территориальную целостность. Эта политика вскоре обретет формы конкретных закулисных переговоров в нарушение тремя республиками их мирных договоров с СССР.

Не прошло и месяца с момента подписания договора о ненападении между Германией и СССР, а также секретных дополнительных протоколов к нему, закрепивших сферы интересов каждой из стран, как 20 сентября 1939 г. в Берлине был подготовлен проект договора «Об обороне между Германией и Литвой», готовилось также установление более «тесных и всеобъемлющих экономических отношений» (Полпреды 1990: 52). Впрочем, если бы не удалось мирное проникновение и не сыграли бы угрозы силой, 25 сентября 1939 г. А. Гитлер подписал директиву, согласно которой германским войскам следовало «держаться в Восточной Пруссии наготове силы, достаточные для того, чтобы быстро захватить Литву, даже в случае ее вооруженного сопротивления» (Дашичев 1973: 389). И лишь советско-германский договор о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. снял угрозу гитлеровской оккупации Литвы. Несмотря на это, литовский истеблишмент, действуя вопреки воли своего народа, не бросил попыток войти в состав третьего рейха. В конце 1939 г. в Берлин для политических переговоров о германском протекторате над Литвой с «главным юристом рейха» и одним из руководителей РСХА В. Бестом летал (по поручению А. Сметоны) руководитель департамента госбезопасности МВД Литвы А. Повилайтис (Дюков 2013).

Между тем, в силу близости государственной границы к Ленинграду и для расширения внешнеторгового оборота по Балтийскому морю, нейтралитет прибалтийских государств имел для советского руководства действительно витальное значение, о чем и было 28 марта 1939 г. заявлено М.М. Литвиновым и В.М. Молотовым в заявлениях эстонскому и латвийскому посланникам в Москве. История и дипломатические документы без ангажированных комментариев позднейших авторов сами показывают, кто действительно боролся за суверенитет и – в условиях кануна и начала Второй мировой войны – нейтралитет прибалтийских стран, а кто втайне мечтал о гитлеровской власти над собой.

Прибалтийские диктатуры, несмотря на выгодные торговые отношения с Москвой и ее однозначные дипломатические заявления, выбирали не равноудаленность, но подчинение Берлину. Они, казалось, сами подталкивали Советский Союз к силовым решениям в отношении себя.

Опубликованные документы, помимо указанных сюжетов и оценок негласного консультативного совета трех глав прибалтийских миссий в Москве, освещают проблемы геополитики великих держав и международных отношений в регионе в условиях начала Второй мировой войны, взаимоотношения СССР с Германией и с англо-французскими союзниками. Особую ценность имеют представленные здесь оценки перспектив развития ситуации в свете договора о ненападении от 23 августа 1939 г. и секретных дополнительных протоколов к нему, меры советского правительства по ограниченной мобилизации (как вооруженных сил, так и страны в целом) в связи с подготовкой к Освободительному походу 1939 г. и в ходе советско-финской «зимней» войны 1939-1940 гг., дискуссии вокруг судьбы Вильно и Сувалок. Нельзя пропустить мимо внимания и разведывательные донесения о состоянии и вооружении Красной армии в ходе ее действий на европейском театре в 1939-1940 гг., о положении во вновь присоединенных Западной Белоруссии и Западной Украине, в Ленинграде в связи с началом боевых действий против Финляндии. Неоднократно становились предметом обсуждения прибалтийских дипломатов, разумеется, и перипетии подготовки к подписанию тремя республиками договоров о взаимопомощи с СССР и особенности расквартирования советских воинских контингентов там.

Документы, комментарии к ним и вводная статья позволяют понять сложности советской официальной (по линии наркомата индел) и неофициальной (по линии Коминтерна) внешней политики, позволяют в большей мере распутать клубок взаимного недоверия всех сторон, показать мнимый характер союзничества стран «Балтийской Антанты», двусмысленность их отношений с Москвой и проистекавшее отсюда взаимное недоверие друг другу всех сторон вынужденного оборонительного альянса СССР с тремя странами. Книга, как представляется, станет важной вехой в развитии российской историографии по прибалтийской проблематике и в целом о внешней политике СССР в начале Второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

Амосов, Почтарев 2019 - Амосов И., Почтарев А. Цель – уничтожить Балтфлот // Независимое военное обозрение. 2005. 21 января.

Вынужденный альянс 2019 - Вынужденный альянс. Советско-балтийские отношения и международный кризис, 1939-1940 гг.: Сборник документов / Составители: Н.Н. Кабанов (ответственный составитель), А.Р. Дюков, В.В. Симиндей (Прибалтийские исследования в России. Вып. 5). М.: Русская книга, 2019.

Дашичев 1973 - Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма: Исторические очерки. Документы и материалы. Т. 1. М., 1973.

Документы 1958 - Документы внешней политики СССР. Т. 2. 1 января 1919 – 30 июня 1920 г. М.: Политиздат, 1958.

Документы 1959 - Документы внешней политики СССР. Т. 3. 1 июля 1920 – 18 марта 1921 г. М.: Политиздат, 1959.

Документы 1965 - Документы внешней политики СССР. Т. 10. 1 января – 31 декабря 1927 г. М.: Политиздат, 1965.

- Дюков 2013** - Дюков А.Р. Протекторат «Литва». Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости, 1939-1940 гг. М.: Историческая память, 2013.
- Мельтюхов 2000** - Мельтюхов М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939-1941. М.: Вече, 2000.
- Мельтюхов 2015** - Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918-1939 гг.). М.: Алгоритм, 2015.
- Миссия 2016** - Миссия в Москве. Донесения латвийских дипломатов из СССР, 1935-1937. Документы и материалы / Автор-составитель Н.Н. Кабанов; под редакцией В.В. Симиндей. М.: Алгоритм, 2016.
- Полпреды 1990** - Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, август 1939 – август 1940 г. М.: Международные отношения, 1990.
- Рупасов 2016** - Рупасов А.И. Советско-эстонские отношения в период мирового экономического кризиса // Петербургский исторический журнал. 2016. № 3 (11).
- Симиндей, Кабанов 2017** - Симиндей В.В., Кабанов Н.Н. Заключая «пакт Мунтерса-Риббентропа: Архивные находки по проблематике германо-прибалтийских отношений в 1939 г. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2017. № 1 (8).

REFERENCES

- Amosov, Pochtarev 2019** - Amosov I., Pochtarev A. Cel' – unichtozhit' Baltflot [The goal is to destroy the Baltic Fleet], in: Nezavisimoe voennoe obozrenie [Independent Military Review], 2005, January 21st [in Russian].
- Dashichev 1973** - Dashichev V.I. Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma: Istoricheskie ocherki. Dokumenty i materialy [The Bankruptcy of the Strategy of German Fascism: Historical Essays. Documents and materials], Vol. 1, Moscow, 1973 [in Russian].
- Dokumenty 1958** - Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 2. 1 yanvarya 1919 – 30 iyunya 1920 g. [Documents of the USSR's foreign policy. Volume 2. January 1, 1919 – June 30, 1920], Moscow, Politizdat Publ., 1958 [in Russian].
- Dokumenty 1959** - Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 3. 1 iyulya 1920 – 18 marta 1921 g. [Documents of the USSR's foreign policy. Volume 3. July 1, 1920 – March 18, 1921], Moscow, Politizdat Publ., 1959 [in Russian].
- Dokumenty 1965** - Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. 10. 1 yanvarya – 31 dekabrya 1927 g. [Documents of the USSR's foreign policy. Volume 10. January 1 – December 31, 1927], Moscow, Politizdat Publ., 1965 [in Russian].
- Dyukov 2013** - Dyukov A.R. Protektorat «Litva». Tajnoe sotrudnichestvo s nacistami i nerealizovannyj scenarij utraty litovskoj nezavisimosti, 1939-1940 gg. [The protectorate of Lithuania. Secret cooperation with the Nazis and the unrealized scenario of the loss of Lithuanian independence, 1939-1940], Moscow, Istoricheskaya pamyat' Publ., 2013 [in Russian].
- Mel'tyuhov 2000** - Mel'tyuhov M.I. Upushchennyj shans Stalina. Sovetskij Soyuz i bor'ba za Evropu: 1939-1941 [Stalin's missed chance. The Soviet Union and the Struggle for Europe: 1939-1941], Moscow, Vech Publ., 2000 [in Russian].
- Mel'tyuhov 2015** - Mel'tyuhov M.I. Pribaltijskij placdarm v mezhdunarodnoj politike Moskvy (1918-1939 gg.) [The Baltic springboard in Moscow's International Politics (1918-1939)], Moscow, Algoritm Publ., 2015 [in Russian].
- Missiya 2016** - Missiya v Moskve. Doneseniya latvijskih diplomatov iz SSSR, 1935-1937. Dokumenty i materialy / Avtor-sostavitel' N.N. Kabanov; pod redakciej V.V. Simindeja [The mission in Moscow. Reports of Latvian diplomats from the USSR, 1935-1937. Documents and materials / Author-compiler N.N. Kabanov; edited by V.V. Simindej], Moscow, Algoritm Publ., 2016 [in Russian].
- Polpredy 1990** - Polpredy soobshchayut... Sbornik dokumentov ob otnosheniyah SSSR s Latviej, Litvoj i Estoniej, avgust 1939 – avgust 1940 g. [The envoys report... Collection of documents on the relations of the USSR with Latvia, Lithuania and Estonia, August 1939 – August 1940], Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 1990 [in Russian].
- Rupasov 2016** - Rupasov A.I. Sovetsko-estonskie otnosheniya v period mirovogo ekonomicheskogo krizisa [Soviet-Estonian relations during the global economic crisis], in: Peterburgskij istoricheskij zhurnal [St. Petersburg Historical Journal], 2016, № 3 (11) [in Russian].
- Simindej, Kabanov 2017** - Simindej V.V., Kabanov N.N. Zaklyuchaya «pakt Muntersa-Ribbentropa: Arhivnye nahodki po problematike germano-pribaltijskih otnoshenij v 1939 g. [Concluding the "Munters-Ribbentrop Pact: Archival findings on the problems of German-Baltic relations in 1939], in: Zhurnal rossijskih i vostochnoevropejskih istoricheskikh issledovanij [Journal of Russian and Eastern European Historical Studies], 2017, № 1 (8) [in Russian].
- Vynuzhdennyj al'yans 2019** - Vynuzhdennyj al'yans. Sovetsko-baltijskie otnosheniya i mezhdunarodnyj krizis, 1939-1940 gg.: Sbornik dokumentov / Sostaviteli: N.N. Kabanov (otvetstvennyj sostavitel'), A.R. Dyukov, V.V. Simindej (Pribaltijskie issledovaniya v Rossii. Vyp. 5) [A forced alliance. Soviet-Baltic relations and the international crisis, 1939-1940: A collection of documents / Compiled by: N.N. Kabanov (responsible compiler), A.R. Dyukov, V.V. Simindej (Baltic studies in Russia. Volume 5)], Moscow, Russkaya kniga Publ., 2019 [in Russian].

Суржик Дмитрий Викторович

– Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

Dmitry Surzhik

– Candidate of historical sciences, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

warhistory@igh.ras.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ

В соответствии с требованиями ВАК и наукометрических баз данных РИНЦ и Scopus, в международном научном журнале «Исторический формат» вводятся следующие правила публикации.

Журнал публикует оригинальные статьи с результатами научных исследований на русском, английском, французском и немецком языках, относящиеся к исторической тематике, а также сообщения о проводимых под эгидой или при участии журнала научных мероприятиях. Редакция не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Плата за публикацию в международном научном журнале «Исторический формат» не взимается. Авторский гонорар не выплачивается, не оплачивается рецензирование статей. Для обеспечения широкого доступа материалы журнала размещаются в Интернете: на сайте журнала, в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка», в наукометрической базе данных РИНЦ и т.д.

Авторы статей, принятых к публикации высылают на электронный адрес редакции скан-копию бланка согласия, в котором дают разрешение на редактирование статьи, включение ее в электронные базы данных, а также на безвозмездную передачу указанных прав третьим лицам, при условии соблюдения их неимущественных авторских прав, извлечение из статьи и использование на безвозмездной основе метаданных (название, имя автора/правообладателя, аннотации, библиографические материалы и пр.) с целью включения в базы данных РИНЦ и Scopus, и подтверждение, что материал ранее не был опубликован и не находится на рассмотрении и/или не принят к публикации в каком-либо ином издании. Бланк согласия должен быть подписан автором и заверен в организации, в которой он работает или обучается.

В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать поступившие статьи. Журнал не публикует авторские материалы, ранее напечатанные в других изданиях; материалы, не соответствующие тематике журнала; статьи, не содержащие новой информации либо содержащие фактологические, исторические или иные ошибки, которые не могут быть исправлены; статьи, содержащие утверждения и гипотезы, прямо противоречащие установленным научным фактам; литературно-художественные и публицистические произведения любого содержания, в том числе и на научную тему; любую информацию и объявления, не имеющие непосредственного отношения к научной деятельности; материалы, содержащие сведения, которые составляют государственную либо коммерческую тайну; материалы, содержащие оскорбления, клевету либо заведомо ложные сведения в отношении граждан и организаций.

ПОРЯДОК СДАЧИ МАТЕРИАЛА:

Статья оформляется в соответствии с требованиями к оформлению материалов и высылается вместе со скан-копией заверенного бланка согласия на электронный адрес редакции: mail@histformat.com

Файлы должны быть поименованы по фамилии автора в латинской графике (например, IvanovStatya, IvanovBlank). Рукописи принимаются к рассмотрению непрерывно в течение года. Материал не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы, список литературы и прочие компоненты статьи), сообщения — 0,5 п.л., рецензии — 0,2 п.л.

Статьи, поступившие в редакцию, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию. Внутреннее рецензирование осуществляется редколлегией. Внешнее рецензирование научных материалов обеспечивается автором предоставленного материала и осуществляется специалистом соответствующего профиля, имеющим ученую степень доктора или кандидата наук. В случае несоблюдения каких-либо требований редакция оставляет за собой право не рассматривать такие статьи.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ:

Редколлегия журнала «Исторический формат» принимает только материалы, присланные файлом, прикрепленным к электронному письму (формат Word, файл с расширением .doc, .docx, .rtf). Статья должна быть оформлена строго в соответствии общими требованиями к оформлению научных публикаций и тщательно вычитана.

Рукописи, направляемые в журнал, должны содержать следующие разделы:

1. Индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК).

2. Название статьи, ФИО автора(ов), сведения об авторе, адресные данные (полное юридическое название организации, адрес организации, адрес электронной почты всех или одного автора), авторское резюме и ключевые слова на русском языке, адрес электронной почты. Объем аннотации должен включать от 100 до 250 слов. Ключевых слов и словосочетаний должно быть не более 10.

3. Те же данные, указанные на английском языке, в той же последовательности, что в п. 2. Авторское резюме на английском языке (Abstract) может отличаться от русского аналога, но обязательно должно быть максимально подробным, чтобы выполнять функцию независимого от статьи источника информации. Информация резюме на английском должна быть понятна и интересна англоязычному читателю, который мог бы без обращения к полному тексту получить наиболее полное представление о тематике и уровне исследования.

4. Полный текст статьи, оформленный в соответствии с действующими требованиями журнала, приме-

чания, список использованной литературы (название «Литература»), список литературы в романском алфавите (название «References»).

Параметры оформления статьи: выравнивание — по ширине листа; первая строка — отступ 1,25; межстрочный интервал — одинарный; шрифт — Times New Roman; размер — 14; без автоматической расстановки переносов.

Иллюстрации (фотографии, рисунки, таблицы, графики, диаграммы и т.п.) должны иметь сквозную нумерацию согласно их положению в тексте и дополнительно прилагаться в виде отдельных файлов. Иллюстрации предоставляются в форматах tif или jpeg (разрешением не менее 300 dpi).

При оформлении статьи используется «гарвардский стиль» — оформление библиографии, когда список литературы выстроен в алфавитном порядке, а отсылка в тексте оформляется через фамилию автора (или фамилия первого автора, если авторов несколько), год издания и по необходимости номер страницы.

5. Список литературы с последующей английской транслитерацией. Автоматизировать процесс транслитерации можно, воспользовавшись программным

обеспечением, которое доступно по адресу <http://translit.ru> (в раскрывающемся списке «Варианты» выбирать BGN). После автоматического транслитерирования необходимо вручную проверить правильность полученного результата и внести необходимые коррективы. Транслитерированные ссылки должны содержать только значащие для аналитической обработки элементы (ФИО авторов, название первоисточника, выходные данные). В списке литературы названия работ на языках, использующих нелатинизированные алфавиты, должны быть переведены на английский и заключены в квадратные скобки; названия источников должны быть транслитерированы, в конце следует указать язык оригинала в квадратных скобках. В случае цитирования книги название издательства (если это название учреждения) должно быть переведено на английский язык, во всех остальных случаях — транслитерировано, место издания — переведено.

Примером оформления публикации может служить любая статья в последнем опубликованном номере журнала. Просим авторов обратить на это внимание и следовать принятым правилам оформления материалов.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОРМАТ

2024, № 1

* * *

ЭЛЕКТРОННОЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

Дата выхода номера: 07.09.2024

Формат 210x297

Электронный файл PDF

Гарнитура «Source Sans Pro»

Издатель: Редакция журнала
«Исторический формат»

Верстка: Жих М.И.

Редакция может не разделять точку зрения авторов статей, не вступает с авторами в содержательное обсуждение статей, переписку по методике написания и оформления научных статей и не занимается доведением статей до необходимого научно-методического уровня. Ответственность за содержание публикуемых материалов несет автор.

При любом использовании материалов ссылка на журнал обязательна.

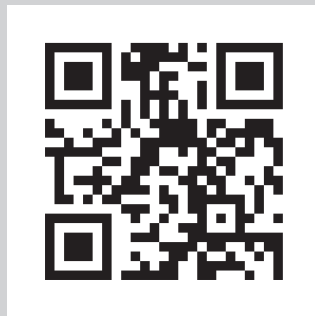
* * *

Е-mail редакции: mail@histformat.com
Официальный сайт: <http://histformat.com/>

© Исторический Формат, 2024
ISSN 2411-9415

[вернуться к оглавлению](#) ▲

<http://histformat.com/>